

Dandelo

ОДНОЙ ИЮЛЬСКОЙ НОЧЬЮ

Жестокое тройное убийство вынуждает детективов полиции Бриджеса и Фергюсона с головой окунуться в темный и суровый мир враждующих мафиозных ячеек, в надежде предотвратить дальнейшее кровопролитие. Ситуация осложняется тем, что одна из жертв — возлюбленная местного криминального авторитета, а кое-кто из полицейских, возможно, имеет свои виды на данное расследование. Вскоре между двумя детективами возникают разногласия, а количество трупов тем временем растет с каждым днем. Попытки пролить свет на обстоятельства этого странного и запутанного дела приводят к неожиданному, шокирующему финалу.

Одной июльской ночью

Дьявол кроется в деталях. Он знал это, поэтому был внимателен к мелочам, но все равно его не отпускало чувство, что где-то он наследил.

Наверное, это нормально. Это как пытаться вспомнить, погасил ли ты свет, выключил ли утюг или плиту перед тем, как выйти из дома. Если ты поддашься паранойе и вернешься, то наверняка обнаружишь, что все выключено, и лишь потеряешь несколько минут. А то, что он сделал сегодня, гораздо серьезнее утюга.

Ее темные волосы плавали в воде, извиваясь, словно змеи. Скоро они замрут, как и она сама, и этот миг будет прекрасен. Но теперь его одолевало еще одно чувство: его вот-вот обнаружат. Вот, сейчас, ну или через минуту...

Лицо девушки выглядело таким спокойным, таким умиротворенным и прекрасным. Он невольно залюбовался ею. Какой же красивой сделала ее смерть! Смерть дарит красоту каждому: жаль, что так ненадолго. Остается лишь порадоваться, что он не увидит всего остального, того, что будет дальше.

А вот другие увидят. Ему было немного жаль их — совсем чуть-чуть. Они бы и нынешнюю ее красоту не оценили, чего уж говорить обо всем остальном. Он представил ее в гробу, покрытую фальшивым румянцем, с руками, сложенными на груди. Представил скрип цепей и стук комьев по крышке. Это — им. А вот это — ему.

Он подошел к зеркалу и осмотрел себя, чтобы убедиться, что ни на лице, ни на всем остальном не осталось никаких следов. Она сопротивлялась яростно и отчаянно, как дикая кошка, но ногти у нее были коротки и она не успела поцарапать его. Если на ее руках и остались какие-то его частички, вода вымоет их.

Он бросил прощальный взгляд на мертвую девушку. Издали могло показаться, что она просто заснула, сидя в воде. Мышцы лица и всего тела расслаблены, она так спокойна... Она будто спит и снится ей рай.

С улицы послышался шум — к дому подъехала машина...

Капли медленно текли по стеклам автомобиля. Сорокашестилетний детектив Райан Бриджес еще не до конца проснулся и эти чертовы капли действовали, как снотворное. Он наблюдал за ними, а глаза сами собой закрывались.

Лишь яркий белый свет бьющих в лицо фар заставлял его вернуться в реальность. На пустом пассажирском сиденье подпрыгивал уже наполовину пустой термос с кофе. Остановившись на светофоре, Бриджес осушил его одним глотком. Бодрости как не было, так и нет — но теперь еще и в туалет захочется. Он зарычал от бессильной злобы и посигналил медленно плетущемуся впереди старому "фольксвагену".

Включать сирену и мигалки ужасно не хотелось — голова раскалывалась, да и спешить вроде некуда, насколько он понял. Желание послать все к черту, развернуться и уехать становилось все сильнее с каждой минутой.

Детектив уже думал, что ему придется искать нужную улицу — очень редко бывал в этом районе — но лучшим ориентиром стала толпа людей возле моста. Они там явно не ради распродажи сантехники собрались посреди ночи. Еще немного вперед, проехал по мосту — и вот уже видны яркие красно-синие вспышки. Возле одного дома, неприметного одноэтажного строения, ничем не отличающегося от десятков других вокруг, собрались четыре полицейских автомобиля и одна "скорая". Последняя, правда, уже уезжала — похоже, увозить им в этот раз некого.

Бриджес заглушил мотор и вышел под мелкую морось. Неприятные прохладные капли тут же заползли за шиворот, вызвав дрожь во всем теле.

Дверца ближайшей машины открылась и появился детектив Фергюсон. Стивен Фергюсон был молодым, подающим надежды, как любил говаривать их лейтенант, хотя пока и не очень опытным полицейским. Сейчас эта самая неопытность была написана у него на лице — он явно был растерян и даже слегка напуган. Его всегда идеально выглаженный костюм примялся, а волосы торчали во все стороны. Фергюсон снял очки, сунул их в нагрудный карман и быстрым шагом направился к коллеге.

— Райан! Почему без мигалок? Сколько ты добирался?

— Голова болит от них. — не стал врать Бриджес. Они вместе двинулись к дому. Другие полицейские тем временем выставляли оцепление, один беседовал с женщиной, одетым лишь в домашний халат и мягкие тапки.

Рядом с подтянутым Фергюсоном Бриджес всегда чувствовал себя немного неловко, собственный живот казался излишне выпирающим, щеки — обвисшими, лысина на затылке будто бы начинала как-то по-особенному ярко блестеть, не хуже этих дурацких мигалок. Фергюсона дали ему в напарники три месяца назад, но от ощущения собственной старости Бриджес так и не избавился.

— Ну что тут у нас? — спросил он, чтобы нарушить молчание. Они уже подходили к невысоким ступеням крыльца. Фергюсон приподнял ярко желтую ленту, которой опечатали дверь.

— Все плохо. Три трупа, и все убиты по разному. Один огнестрел, один нож и одно... утопление.

Последнее слово он произнес с таким выражением, что Бриджесу сразу стало ясно: именно оно повергло молодого детектива в наибольший шок.

— А тот мужик в халате? Свидетель?

— Сосед. Услышал звук, похожий на выстрел, и вызвал полицию. Сказал еще, что вроде бы вскоре от дома кто-то отъехал, но мне это кажется маловероятным.

— Почему это?

— Сдается мне, все участники этой пьесы друг дружку и порешили.

Он открыл дверь. Бриджес тут же ощутил знакомый запах. Кровь, и немало. Фергюсон включил свет и детективы некоторое время постояли, привыкая к нему.

Как ни странно, первым, что бросилось Бриджесу в глаза, стало вовсе не валяющееся на полу возле кресла тело, а убранство гостиной. Она выглядела, мягко говоря, пустой. Кресло, маленький диван, на котором и ребенку было бы неудобно спать, трехногий столик с телевизором, ковер, заляпанный кровью, голая лампочка, свисающая так низко, что ее можно задеть головой, да несколько дверей.

— Спальня, маленькая кухня и ванная. — пояснил Фергюсон. — В спальне и в кухне чисто.

— Как-то здесь пустынно, тебе не кажется? — заметил Бриджес. Полы его поношенного серого плаща чуть не задели какую-то статуэтку на маленькой тумбочке у самого входа и он поспешно отошел в сторону.

— Да, это я тоже заметил.

— Дом принадлежит одной из жертв?

— Пока выясняем.

Бриджес склонился над первым телом. Мужчина в черной кожаной куртке и темных брюках, молодой, с короткими светлыми волосами. Он лежал на животе, но голова его была повернута набок и детектив мог видеть его раскрытые, ничего не выражающие глаза. На шее глубокий порез, хотя и не очень длинный. "От уха до уха" ему горло не резали, но этой раны оказалось достаточно. Парень лежал в луже собственной крови, которая разлилась по паркету и немного попала на ковер.

— Вот тут еще. — Фергюсон достал ручку и указал на подлокотник кресла. — Тоже кровь. Вероятно, он сидел, когда к нему подошли сзади и перерезали горло. Это объясняет такую "однoboкoсть" раны. Убийца явно не успел провести ножом до конца. А вот здесь, возле дивана, пистолет. Кажется, он успел воспользоваться им как минимум дважды.

— Где еще тела?

— Одно — прямо за креслом.

Теперь Бриджес понимал, почему его напарник был так уверен, что они поубивали друг друга. По крайней мере, на данный момент именно так все и выглядело. Второе тело обнаружилось за креслом, мужчина сидел на полу, прислонившись к креслу спиной, голова его опустилась на плечо, а глаза были открыты — он будто глядел на непримечательную стену, пытаясь разглядеть в ней какие-то тайны мироздания. Детективу стало слегка не по себе.

— У него такой взгляд, будто перед смертью у него перед глазами действительно пролетела вся жизнь.

— Обрати внимание на раны. Их две, Райан. А рядом с правой рукой — нож.

Все это Бриджес уже заметил. Прямо по центру лба красовалась черная обугленная дыра, еще одна рана расположилась в области живота, а может и чуть выше, сразу не понять — светлая рубашка насквозь промокла от крови. Нож с зазубренным лезвием валялся в паре сантиметров от руки мертвеца — вероятно, оружие выпало из ослабевших пальцев. И

естественно, на нем была кровь.

— Порешили друг друга. — повторил Фергюсон. — В ванной тоже есть кровь, и немало. Думаю, вот этот... — он указал на первого мертвеца. — его подстрелил, попал в живот. А тот очухался и попытался отомстить. Ну и отомстил, как видишь.

— Попытался отомстить... с перерезанным горлом?

Слегка смутившись, Фергюсон присел на корточки рядом с телом и осветил фонариком прямо на окровавленное горло.

— Рана то небольшая... Возможно, кровь текла не слишком бурным потоком. Думаю, у него было минут пять... за это время он успел бы добить противника.

— "Думаю", "возможно".- сморщился Бриджес. Фергюсон был неплохим парнем, но иногда его заносило. — Давай-ка оставим это медэкспертам. Где третье тело?

— В ванной. Пошли.

Детективы прошли мимо халата, валяющегося на полу, словно его сбросили в спешке. Дверь ванной была слегка приоткрыта, там горел свет. Фергюсон распахнул дверь перед напарником и в ноздри вновь ударил запах крови.

Лужа крови расплывалась на кафельном полу и казалась почти черной. Лампочка отражалась в ней желтым пятном и странно колебалась, словно бы подмигивала.

— Тут могут быть какие-нибудь отпечатки. — заметил Бриджес. — Не наследить бы тут.

— Ничего, смотри с порога. Экспертов я уже вызвал. Сделают свое дело и мы тут каждый угол обшарим.

Девушке на вид было лет двадцать, не больше. Обнаженная, она сидела в заполненной водой ванне, опустив голову. Глаза ее были закрыты, черные волосы разметались по воде. Все та же лампочка отражалась и тут, бросая причудливые блики, отчего вся эта картина выглядела странно нереальной, будто некий художник перемудрил с красками.

— Симпатичная. — заметил Бриджес. — И очень молодая.

— Уверен, это один из них сделал. — заявил Фергюсон. Он смотрел в сторону окна и взгляд его казался стеклянным, как у тех мертвецов. "У каждого свой "болевой порог".- подумал Бриджес, глядя на него. — Кто-то не может видеть кровь, кого-то мутит от расчлененных тел. А у кого-то страх вызывает вот такое. Утопление, удушение. Синие пятна на горле, выпученные, с лопнувшими капиллярами глаза, заполненные водой легкие..."

Фергюсон будто прочитал его мысли.

— Я в порядке. — сказал он, но голос дрогнул. — Просто как-то это... непривычно, понимаешь? Перестрелки, поножовщина... все это уже приелось и почти не трогает. А тут...

— А тут другое. — кивнул Бриджес, закрывая дверь ванной. — Я понимаю. Фотограф уже был тут? Сделал предварительные снимки?

Напарник кивнул, не встречаясь с ним взглядом.

— Да, отщелкал все, что надо. Пошли уже отсюда, свежий воздух нужен.

Тут Бриджес спорить не стал. Вместе они вышли на улицу, где дождь лишь усилился, и встали под козырек. Остальные полицейские рассредоточились по разным сторонам улицы и объясняли уже довольно многочисленным зевакам, что это место преступления.

— Так ты думаешь, что это один из них утопил ее? — спросил Бриджес. Он достал сигарету и кое-как подпалил ее еле живой зажигалкой.

— Почти уверен. А другой, может, застал его за этим, вот они и... поссорились.

Бриджес почесал подбородок. Небо на востоке понемногу светлело, занималась заря, и

полицейский чувствовал: этот день будет очень, очень длинным.

— А вот я бы не удивился, если бы оказалась, что тут замешан кто-то еще. — медленно сказал он.

— Почему это?

Детектив глубоко затаился, прежде чем ответить. Остатки сна окончательно покинули его и теперь он, как и прежде, чувствовал, что готов с головой окунуться в очередной кошмар, самый страшный кошмар, тот, что неизменно поджидает тебя лишь наяву.

— Я знаю этого парня. Того, что за креслом. Это Скотт Радон, он работает на Коэна.

Фергюсон издал странный звук, похожий не то на вскрик, не то на громкий стон.

— Коэна? Того самого? Джорджа Коэна? Властителя наркоты, оружия и проституток?

— Именно. — Бриджес сошел с крыльца и кинул в мусорный контейнер выкуренную лишь наполовину сигарету. — И мне это не нравится, Стив. От всего этого за милю несет дерьмом.

— Нет, Джимми. Нет, нет, нет. Конь ходит не так. Так, как ты изобразил, ходит слон.

Но Джимми было плевать. Он глядел прямо перед собой и ухмылялся, на губах его поблескивала слюна, а нечесанные, грязные волосы закрывали половину лица.

— Кони, слоны... — промямлил он. — Много... много зверья на доске... А где же... а? где же фигурка охотника... хи-хи... с ружьем. Отстрелить их всех и нет проблем!

— В шахматах такой фигуры нет. — сказал Джордж Коэн. Он сидел напротив, их разделял лишь стол с шахматной доской. В его скрученных артритом морщинистых руках застыла фигурка ферзя. Играть с Джимми, обдолбанным героином, было крайне скучно, поэтому Джордж сам выдумывал себе трудности — например, сейчас он подставил своего белого ферзя прямо под удар одной из немногочисленных оставшихся черных пешек Джимми. Но бедняга то ли проигнорировал, то ли не заметил этого — он выдвинул вперед своего короля и громко рыгнул.

— Оп! Я побеждаю, да? Да?

Слюна уже капала на ковер. Джимми высунул язык, словно собака, и дышал тяжело, со свистом.

— Не совсем, Джимми. — Джордж двинул своего коня, зажав глупого черного короля в тисках. — Тебе шах.

Но Джимми уже спал. Его голова свесилась набок, а глаза закатились. Джордж встал, хлопнул в ладоши и тут же появились двое слуг. Они не слишком бережно взяли храпящего Джимми за руки и за ноги и понесли к выходу.

— Оставьте ему записку в кармане. — велел Джордж Коэн. — Если до конца недели не достанет деньги — следующая доза будет смертельной.

Он устало рухнул обратно в кресло и сморщился, когда скрипнули колени. Нет, он больше не ощущал себя молодым. С Сарой все было иначе, рядом с ней он будто становился совсем другим — не только скидывал пару десятков лет, но даже внутри менялся, будто что-то переворачивалось прямо в душе. Но сейчас Сара далеко, и ему нельзя с ней встречаться, пока все не прояснится. Пока не станет понятно, что же имел в виду этот мерзавец.

Без нее особняк казался пустым, хотя на каждом этаже сновали слуги. Без нее в самом воздухе не хватало чего-то, Джордж задыхался — но его астма тут ни при чем. Влюбиться, как мальчишка, в таком возрасте... если бы несколько лет назад ему бы о таком рассказали, он бы лишь посмеялся.

Джордж прошел по гостиной, держа в руке стакан вина. Мягкие шлепанцы были бесшумны и самому себе он напоминал привидение. Подходя к зеркалу, он лишь убеждался в этом — кости там и сям торчали сквозь желтоватую кожу, морщины избороздили лицо, волосы поседели и частично выпали. Радовали лишь глаза — они, как и прежде, оставались живыми, яркими и, как признавались многие, пугающими. Скотт сказал как-то, что глаза Джорджа напоминают рентген. "Вы будто видите меня насквозь. — Скотт слегка улыбался, говоря это, но казалось, что он немного нервничает. — Меня не покидает ощущение, что стоит какой-то неправильной мысли лишь зародиться у меня в сознании — и вы тут же об этом узнаете."

"Так не позволяй ей зародиться. — отвечал Джордж. — Вдруг ты прав? Вдруг я и правда все вижу?"

Конечно же, это было не так. Иногда он казался самому себе на удивление незащищенным. Нет, у него было полно охраны, а на территорию этого особняка даже муха без разрешения не пролетит. Тут было другое... На него иногда нападали приступы безотчетного страха и паранойи. Лежа в ночном сумраке и слушая стоны своих старых суставов, он всерьез задумывался о том, можно ли доверять всем этим людям. Кто из них действительно верен ему, а кто уже точит нож, чтобы вонзить ему в спину в удобный момент? Кто сливает все его дела полиции, а кто информирует Родригеса? Вдруг, каждый его шаг кем-то записывается, каждое его слово слышит чье-то ухо?

Порой он лежал так до самого утра, чувствуя, как вскипает от ярости кровь... но потом первый луч солнца отражался от позолоченной рамки фотографии Сары и будто огромный камень падал с его старой души. Какое ему до них дело? Какая разница, кто наблюдает и слышит его? Уэ Сару они у него точно не отнимут, они не смогут лишить его этого счастья. По крайней мере, так он думал.

От тревожных мыслей его отвлек голос Сэма Картера. Тот стоял в дверях, бледный, как смерть, из-за чего его рыжие волосы казались ярче прежнего, и смотрел куда-то вниз, себе под ноги, боясь встретиться взглядом со своим шефом.

— Босс... Простите, что отвлекаю. У меня плохие новости.

Джордж Коэн сделал маленький глоток вина, сел и поставил бокал прямо на шахматную доску.

— Так не годится, старина. Плохие новости... плохие для кого? Для тебя плохие? Для меня? Или для нас всех? Они плохие с твоей точки зрения, или то, что они плохи, ни у кого не вызвало бы сомнений?

Кажется, эти вопросы ненадолго выбили Сэма из равновесия, но он быстро взял себя в руки. Он сделал неуверенный шаг вперед.

— Я думаю... думаю, третий и пятый варианты. Одновременно.

— Третий и пятый? Новость плохая для нас всех и это не вызывает никаких сомнений? — Джордж попытался улыбнуться. Он просто не представлял, что же такого ужасного могло произойти. Может, Ричи опять пристрелил кого-то в людном месте? Что ж, пусть это будет проблемой Ричи, не его.

— Да, босс. Это касается дома на Ирланд-стрит... ну, вы понимаете. Того самого дома.

Вялая улыбка сползла с лица Джорджа. Он встал так резко, что бедняга Сэм попятился и покраснел, из-за чего лицо стало почти таким же ярким, как его рыжие волосы.

— Если это шутка, то очень глупая, Сэм.

Картер помотал головой, все так же избегая взгляда босса.

— Нет, сэр. В доме слышали стрельбу. Наш информатор в полиции так говорит. Вы же знаете, он бы не стал подставляться, выходя с нами на связь без серьезного повода.

— Стрельбу? — вскричал Джордж. Весь окружающий мир будто качнулся, огромных усилий стоило удержаться на ногах. Он чувствовал, как на виске бьется жилка. — Какую к черту стрельбу? Как это возможно?

— Сосед услышал. — пролепетал Сэм. — Вроде бы там найдены тела... три тела. В том числе женское. Никаких имен пока не...

Джордж подскочил к нему так быстро, что в другой ситуации сам удивился бы собственной прыти. Он схватил обмякшего Сэма за грудки и как следует встряхнул.

— Сейчас же звони этому придурку, пусть узнает подробности!

— Босс, едва ли он...

— И Ричи позвони, пусть отыщет шестерку Родригеса. Этого Лопеса или как его там. Может, хоть с этим справится.

Джордж выпустил его и Сэм вновь попятился. Теперь он поднял голову, и глаза его были полны страха.

— Ричи не выходит на связь уже несколько часов.

— Тогда займись этим сам! Давай, давай! Живо! Чтобы через час представили мне отчет!

Сэм убежал, не решившись поспорить. Даже сейчас, затуманенным от страха и злости сознанием, Джордж понимал, что требует невозможного: вытрясти хоть какую-то информацию из полицейских, только-только начавших расследование, почти нереально. Но именно кажущиеся нереальными задачи порой толкают тебя на свершение подвигов. Пусть ребята постараются как следует, пусть докажут, что его опасения насчет всех них беспочвенны.

Джордж сел и одним глотком осушил бокал. Потом смел на пол доски со всеми фигурами и схватил телефон. Нет, и часа он ждать не станет. Нужно все решать немедленно.

Лейтенант Солверсон был мрачнее тучи и Бриджес понимал его, как никто другой: не его одного разбудили посреди ночи, чтобы сообщить о бойне на окраине города. А когда лейтенант узнал имя одной из жертв, ему стало совсем нехорошо.

— От этого несет дерьмом. — он повторил фразу самого Бриджеса. — И мне нужно, чтобы вы двое разобрались со всем этим, пока дерьма не стало еще больше. Если тут замешан Коэн, если кто-то из его людей мертв, нужно ждать новых трагедий. Он это так не оставит.

— Я одного не могу понять... — встрял Фергюсон. Он и Бриджес сидели в кабинете лейтенанта и напоминали почему-то нашкодивших мальчишек. — Если этот Джордж Коэн — такой мерзавец, почему бы нам просто не прищучить его?

— Прищучить? — фыркнул лейтенант Солверсон. — Это тебя в твоём Нью-Йорке учили так работать? И что, много криминальных боссов ты прищучил?

Фергюсон опустил взгляд — он явно не ожидал такой реакции начальника. Бриджесу стало немного жаль его: парень явно еще не врубился, как тут делаются дела.

— Мы можем поймать и допросить хоть сотню подручных Коэна. — продолжил лейтенант. — Можем сунуться прямо в окно его спальни и все равно ничего не найдем. Коэн "в деле" с начала восьмидесятых и ни разу не попался. Глупо думать, что это случится теперь.

— А по-моему, такое возможно. — осторожно возразил Бриджес. — Если он решит, что Родригес прикончил этого паренька. Скотт Радон был приближенным Коэна. Можно представить, в какой ярости будет старик.

— Ничего не понимаю. — признался Фергюсон. Он вновь надел очки, словно надеялся, что как раз они помогут ему во всем разобраться. — А что Коэн не поделил с этим Родригесом? Что за терки у них?

Лейтенант Солверсон с тяжким вздохом откинулся на спинку кресла и посмотрел на детектива долгим взглядом.

— Нет более заклятых врагов, чем бывшие друзья. Коэн и Родригес работали вместе. Давным давно... — он помолчал, размышляя о чем-то. Его немолодое, лишенное какой-либо растительности лицо выглядело сейчас угрюмее, чем черная туча, нависшая над городом. — Джерико Родригес в восьмидесятых был партнером Коэна, который еще только вставал на ноги. Он поставлял наркотики и оружие из Мексики, Коэн все это продавал и они почестному делили добычу. Все у них шло хорошо, да только появился новый игрок, серьезная банда под предводительством парня из Миннесоты, Эдварда Блэка, который решил подмять бизнес под себя.

— Но не вышло. — догадался Фергюсон.

— Не вышло. Это были темные времена... я тогда был простым офицером и частенько именно мне доводилось первым наткаться на свеженький труп. Перестрелки стали обычной частью жизни этого города, по вечерам люди боялись выйти на улицу без пистолета. В конце концов, когда на Блэке и Коэне уже висело по полтора десятка трупов, они решили пойти на сделку. Можно сказать, заключили перемирие и поделили сферы влияния. Коэн считал это настоящей победой, а вот для Блэка это было поражение.

— Он затаил серьезную обиду. — кивнул Бриджес.

— Блэк затих на пару лет, но потом напомнил о себе. — Солверсон провел рукой по своей гладкой лысине. — Он придумал кое-что, и оно сработало. Он переманил Родригеса к себе, пообещав тому куда большую прибыль. И не обманул.

— Так выходит, Коэн лишился своего главного поставщика! — воскликнул детектив Фергюсон. — Как же он выпутался?

— Родригес не смог перетянуть на свою сторону всех своих товарищей. Те, кто остался верен Коэну, отправились к колумбийцам. С этими ребятами нужно держать ухо востро, но Коэн сумел договориться. Но с тех пор к мексиканской наркоте он и притронуться не мог.

— А в начале нулевых Блэк двинул коней. — хмыкнул Бриджес. — Умер тихо и мирно, в собственной постели. Даже какая-то... неинтересная смерть для босса мафии, не находишь? Правда, поговаривали, что его отравила любовница, но по-моему это все глупости.

— И Родригес встал у руля? — спросил Фергюсон.

— От "старой гвардии" к тому времени мало кого осталось. — ответил лейтенант. — А молокососы на такую серьезную должность и не претендовали — знали, видать, что не справятся. В результате Родригес стал у них главным, к вящему неудовольствию Коэна.

— Но почему неудовольствию? Разве они не могли... ну... зарыть топор войны и объединиться вновь?

Солверсон рассмеялся.

— К тому времени оба уже были слишком богаты и влиятельны. Они не могли дать друг другу ничего нового, оставалось лишь конкурировать, как и прежде. Причем Родригес начал вести более жесткую политику, явно наплевав на заключенное Блэком перемирие. Привлек всякую шушеру с разных концов штата, расширил свои бордели. Проезжал как-нибудь вечером по Девятой улице, мимо старого супермаркета или бара, Стивен? Там целый рой "бабочек", ни одного сачка не хватит. И половина — мексиканки. Мы их иногда ловим, депортируем, а они возвращаются. Не сомневаюсь: Родригес уверен, что оказывает им большую услугу, обеспечивая их такой замечательной работой. Еще Родригес пытается переманить колумбийцев, и вот это Коэну уже совсем не нравится.

— И есть еще кое-что. — встрял Бриджес. — То самое, из-за чего все это могло случиться. Расскажите ему, лейтенант.

— О да. — Солверсон расплылся в улыбке, но улыбка эта казалась слегка болезненной. — Родригес решил удариться в бизнес. Он основал свою компанию, торгующую подержанными машинами.

— Дайте угадаю: машины вовсе не подержанные?

— В яблочко. Есть у него несколько человек, занимающихся перегонем машин. Схема простая: берется почти новая машина сомнительного происхождения — в большинстве случаев, естественно, угнанная — красится, меняет номера, и приезжает в Мексику, где нагружается сам понимаешь чем. "Свои люди" на границе пропускают ее, на полпути она освобождается от товара и уже здесь продается, как мексиканская, как слегка подержанная, а в бумагах — просто подержанная. Если тачка шибко дорогая, "Порше" там какой-нибудь, ей могут даже специально накрутить лишних километров, на случай каких-нибудь претензий. Вдруг потенциальный покупатель что-то заподозрит?

— Короче говоря, в налоговую декларацию записывается одна сумма, а на деле получается совсем другая? Да еще и плюс деньги с продажи наркотиков?

— Верно. Понимаешь теперь, в чем собака зарыта? Дело не в том, что они угоняют

тачки, продают их по фальшивым документам и даже нагружают "порошком" или "травой". Все просто до безобразия: эти дельцы могут спокойно погореть на налогах. Первая же нормальная проверка выявит, что все суммы, указанные у них в бумагах, липа, да и сами бумаги скорее годятся для похода в сортир. Машины — новые, угнанные, продаются — почти как новые, сумма с продаж набегает немаленькая, но на бумаге пишутся совсем другие цифры, в два, а то и в три раза меньше.

— И Коэн в курсе всего этого? — догадался Фергюсон. — И хочет разоблачить Родригеса?

— Именно. Теперь ясно, почему мы не спешим хватать Коэна за хвост? Дело не только в том, что он работает чисто. Если все получится, он может помочь нам упрятать Родригеса и всю его банду за решетку. Для начала — за махинации с налогами, а дальше уже пойдет, как по маслу.

— Враг моего врага — мой друг. — медленно произнес детектив. Взгляд его, как и тогда, в ванной того дома, стал как будто стеклянным. "Несколько потрясений за один день. — с тревогой подумал Бриджес. — Как бы парень не натворил бед."

— Вроде того. — Солверсон помолчал, изучая лицо Фергюсона. — Понимаю, тебе сейчас тяжело, Стивен. Это всегда трудно — принимать правила игры, которые тебе не по нраву. От которых тебя тошнит. Но знаешь что? Иногда это того стоит. Каждый второй нарик с передозом, которого мы находим в подворотне или где-нибудь в заброшенном доме — "клиент" Родригеса. И у нас есть шанс положить этому конец. Главное теперь — чтобы Коэн все не испортил. Он уже стар, болеет, я слышал, но в маразм вроде бы не впал. Если голова на плечах, он не станет творить ничего такого, о чем потом будет жалеть, и предоставит это дело нам.

— А если все-таки натворит? — спросил Фергюсон. — Что тогда нам делать?

Бриджес и Солверсон мрачно переглянулись. Ни говорить, ни думать о том, что же тогда будет, им сейчас не хотелось.

— Будем действовать по обстоятельствам. — уклончиво ответил лейтенант. — Но если он замазает руки кровью, мы не сможем его покрывать.

Когда детективы покинули кабинет начальника, за окном уже совсем рассвело. Солнце поднялось высоко и бросало белые лучи в стекла домов и проезжающих автомобилей. В коридоре негромко переговаривались, держа в руках большие стаканы с кофе, двое офицеров.

— Надо поговорить с Коэном. — заявил Фергюсон, когда детективы отошли подальше и лишние уши не могли их услышать. — Разъяснить ему ситуацию. Если лейтенант считает, что Коэн может стать нам союзником, нужно выйти с ним на связь.

— Согласен. Вот только кто будет вести переговоры? Лейтенанта он на дух не переносит, а я посадил за решетку многовато его "шестерок". Подослать какого-нибудь неопытного офицера? Это глупо и сам Коэн решит, что мы над ним издеваемся.

— А как насчет меня? — глаза Фергюсона за стеклами очков блеснули азартным огнем. — Я тут всего несколько месяцев, поднасрать Коэну я не успел, но мой уровень позволяет...

Но Бриджес уже качал головой.

— Нет, это не годится. У тебя маловато опыта в таких делах. К тому же, ты не знаешь, кто такой Джордж Коэн.

Но на лице Фергюсона уже застыла маска непоколебимой решимости. У Бриджеса даже

сжалось сердце: он словно видел перед собой самого себя, двадцатью годами моложе. "Похоже, я и правда старею, если забыл, как это: быть молодым, видеть перед собой проблему, ощущать пожар в сердце и холодный расчет в голове, но при этом разбиваться о стену недоверия всех, кто тебя окружает. Сейчас я сам стал этой стеной".

— Ты прав, Райан, я не знаю Коэна, а он не знает меня. Но не сыграет ли это на руку нам обоим? Почему люди готовы делиться своими проблемами с незнакомцами, почему они идут к психологам или завязывают беседу со случайным человеком в баре? Потому что знают, что они никто друг другу.

Что-то было в этих словах. Бриджес стоял, сложив руки на груди, всем своим видом показывая, что не принимает идею напарника, но в душе уже все решил.

— Для начала поговори с ним. По телефону, не более. Если согласится на встречу... Что ж, значит твоя взяла. Но лейтенанту об этом пока ни слова, ладно?

В середине дня в кабинет Бриджеса постучали. Он в это время читал отчет офицера, который обнаружил тела. "Дверь не была взломана, ее открыли. — значилось в отчете. — Окна заперты, не похоже, что их вскрывали." Интересно получается. Жертва или жертвы — если предположить, что двое из них изначально никого убивать не собирались — сами впустили своего убийцу.

— Войдите.

Офицер Уолтер положил на стол перед детективом несколько листов, заполненных машинописным текстом.

— Отчет медиков и еще кое-какая информация. Девушку зовут Сара Эллисон, двадцать лет. Остальные двое...

— Спасибо, Уолтер. — перебил Бриджес. Он отложил отчет и взял новые бумаги. — Думаю, я и сам смогу все это прочесть. Выясни лучше наконец, чей это дом.

— Да, сэр. — слегка обиженно ответил офицер и ушел, не закрыв дверь. Ругнувшись сквозь зубы, Бриджес поднялся с места и в этот момент зазвонил телефон.

— Детектив Бриджес, слушаю.

— Это Фергюсон. Возможно, у нас есть кое-что. Видеозапись с камеры, установленной на магазине рядом с домом.

— С камеры? — нахмурился Бриджес. — У нас нет зарегистрированных камер в том районе, мы должны были бы знать.

— Я сам удивлен. Похоже, ее установили пару недель назад.

Полчаса спустя Бриджес, Фергюсон и лейтенант Солверсон собрались вокруг небольшого экрана. Фергюсон выглядел очень взволнованным.

— Хозяин магазина был не очень то любезен. Говорил, что я не имею права изымать у него какие-либо видео, и плевать, что почти напротив магазина совершили убийство. Пришлось припугнуть его, что натравим проверяющих, узнать, насколько все в порядке с его магазинчиком.

— И он испугался этого? — удивился Бриджес. — Если с его магазином все в порядке, чего бы ему бояться каких-то проверок?

Фергюсон лишь отмахнулся. Он достал из коробки диск и вставил его в проигрыватель.

— Ну значит есть, чего бояться. Какая разница? Давайте смотреть.

Они уселись на стулья и стали ждать. Камера охватывала большую часть проезжей дороги, немного — улицу слева, как раз там, где находится злосчастный дом, но сам дом в кадр не попадал, лишь дорожка, к нему ведущая. Картинка была черно-белая и не очень

качественная, но номера на машинах разглядеть было нетрудно. Также, как поблескивающую от легкого дождя дорогу и редкие лужицы, в которых отражался свет фонарей и фары автомобилей.

— К сожалению, звука нет. — извиняющимся тоном сказал детектив Фергюсон.

Бриджеса отсутствие звука не волновало — в конце концов, трагедия разыгралась в доме, а не на улице, и ничего важного они все равно не услышали бы. Когда отключены одни органы чувств, как известно, другие начинают работать на повышенных оборотах: вот и сейчас Бриджес, слушая лишь тишину и дыхание коллег, вглядывался в черно-белую картинку, не упуская из виду ни единой детали. По крайней мере, так ему казалось.

Фергюсон ставил на перемотку, дожидался, когда в кадре появится человек или автомобиль, и вновь включал видео. Наконец в кадре появилась очередная машина, светлый автомобиль с надписью "такси" на крыше и по бокам. Он затормозил прямо рядом с домом.

Открылась задняя дверца, появилась вначале одна изящная женская нога, потом вторая.

— Как она на таких каблуках ходит? — прокомментировал лейтенант Солверсон и вновь в погруженной во мрак комнате, специально оборудованной для просмотра видеоматериалов, наступила тишина.

Когда девушка встала в полный рост, Бриджес понял: это она.

— Это она. — озвучил его мысль Фергюсон. — Точно она.

— Поставь на паузу и увеличь, лицо плохо видно. — пробормотал Солверсон. На его лбу залегла глубокая морщина.

Фергюсон выполнил приказ, но картинка стала совсем размытая.

— Черт. Ладно, верни, как было.

Воспроизведение продолжилось. Девушка, одетая в короткую темную юбку и кожаную куртку, подошла к окну водителя. Простояла она там недолго и направилась в сторону дома. Такси тронулось с места, а девушка исчезла из поля зрения камеры.

— Опять ждем. — сказал Фергюсон.

В нижней части экрана было указано время: пол третьего ночи. Когда стало без пяти минут три, на дороге вновь появился автомобиль: черный "мерседес". Он затормозил перед домом, дверца водителя распахнулась и появился еще один знакомый.

— Скотт Радон, правая рука Коэна. — произнес Бриджес. Он до боли сжал кулаки. — Если девку утопил он, нам сотрудничать с Коэном нет никакого смысла, ибо ясно, что приказ исходил от старика. Приближенные Коэна задницу не почешут без его одобрения. А этот "мерседес"... он так и стоял возле дома? Я спросонья мало что видел там.

— Стоял, его отправили на экспертизу. — кивнул Солверсон. — Мы его специально отогнали, чтобы не светился. Шибко приметный.

Молодой человек воровато огляделся по сторонам и пошел той же дорогой, что и девушка, точно так же пропав из виду.

— Ждем последнего.

А последний не заставил себя ждать, даже перематывать не пришлось. Он появился справа, шел пешком. Когда он оказался возле фонаря, Бриджес заметил, что руку он держит на рукоятке пистолета, спрятанного в кобуру. Парень быстрым шагом перешел дорогу и тоже скрылся в доме.

— Все. — изрек Фергюсон. — Они все внутри.

Он вновь начал мотать, но больше ничего интересного они не увидели. Примерно через час в поле зрения камеры появилась первая патрульная машина и детектив выключил видео.

— В принципе, ничего нового мы не узнали. — лейтенант явно был разочарован. — Девчонка вошла первой, это и так понятно: недаром она была голой. Вряд ли она стала бы раздеваться, когда в гостиной двое вооруженных людей.

— Один вооруженный. — поправил Фергюсон. — Пистолет был только у последнего. Радон использовал нож, который находился в доме. Там в ящике стола нашлись еще два похожих, явно из одного комплекта.

— Кое-что важное мы все таки узнали. — сказал Бриджес после небольшого раздумья. — Девушка приехала на такси. А раз так, мы можем найти того таксиста и допросить. Узнаем, где именно он ее подобрал. А Радон... вполне возможно, что он ехал следом.

— Но прежде... — лейтенант Солверсон поднялся с места и в спине его явственно что-то щелкнуло. — вы переговорите с Фредом Эллисоном. Это брат погибшей девушки и ее ближайший родственник.

— Я поговорю. — вызвался Бриджес и встретился взглядом со своим напарником. — А у Стивена другие планы. Мы уже все распределили, верно?

В глазах Фергюсона читалась благодарность.

Час спустя Бриджес вручил ему мобильный телефон для одноразового использования.

— Поговори с ним, номер я уже вбил. Если почувствуешь, что он начинает к тебе подкапываться... например, интересуется, где ты живешь, есть ли у тебя родственники в городе, даже если спросит, какого цвета твои трусы — обрубай связь. Мы понятия не имеем, что у него на уме, усек?

Фергюсон кивнул. Одноразовый телефон он держал, как величайшее в мире сокровище.

— Я не облажаюсь, Райан. Клянусь, все будет круто. — с глубоким вздохом он нажал кнопку вызова.

Гудки казались какими-то особенно громкими и длительными. Первый, второй... пятый... седьмой... Фергюсон начал мерить шагами небольшой кабинет Бриджеса. Он чувствовал, как наливается свинцом рука, прижимающая маленький телефон к уху.

— Алло? — послышался хриплый голос.

У Фергюсона уже была заготовлена вступительная речь. Короткая, но зато доходчивая.

— Мистер Коэн? Это детектив Стивен Фергюсон. Я готов переговорить с вами с случившемся... конечно, если вы еще не успели натворить глупостей.

Его не ввели, а буквально втащили внутрь. Человек с серым тряпичным мешком на голове изворачивался и кричал так, словно его уже сейчас начали резать. Джордж Коэн подумал, что зря он так вопит и дергается: сил не останется на потом.

Он не так гордился своим шикарным особняком, как его подвалом. Тут было буквально все для веселого времяпрепровождения: цепи, кандалы, средневековые и современные орудия пыток, яма с нечистотами, даже живые змеи и скорпионы, недостаточно ядовитые, чтобы убить одним укусом, но вполне способные вызвать сильнейший болевой шок и даже паралич. Однако сейчас беднягу с мешком на голове вели всего лишь к простому деревянному креслу... разве что, оборудованному зажимами для рук, ног и даже головы, чтобы нельзя было пошевелить ни единым мускулом.

— Аккуратнее, ребята. — громко сказал Джордж, пытаясь перекрыть вопли, многократно усиленные эхом от каменных стен. — Не убейте его раньше времени.

— Он укусил меня! — пожаловался Сэм Картер и показал забинтованную руку. Пленник, ощутив, что хватка слегка ослабла, попытался рвануть в сторону, но еще два человека удержали его в своих неласковых объятьях.

— Тогда сходи к врачу, вдруг у тебя бешенство. — посоветовал Коэн. — Сажайте его на кресло.

Приказать было легко, а вот выполнить куда труднее. Непонятно, откуда у этого человека еще брались силы, но он лягался и брыкался до последней секунды, до тех самых пор, пока его окончательно не обездвжили. Поняв, что произошло, он начал кричать еще громче.

— Снимите мешок. — велел Джордж.

Сэм сорвал с него мешок и отступил в сторону. Джордж, одетый в специальной припасенный для таких церемоний черный халат и алый фартук, на котором не так заметна кровь, встал прямо перед пленником. Он узнал его: Эдриан Лопес, одно время работавший личным водителем Родригеса. Позже "переквалифицировался" в шпионы и, судя по всему, до сегодняшнего дня довольно сносно справлялся со своими обязанностями.

Сейчас Эдриан выглядел неважно. Он откинул густые вьющиеся волосы со лба — голову ему пока фиксировать не стали — и Джордж разглядел много свежих ссадин на его лице. Губы опухли, под носом запеклась кровавая корка, один глаз слегка косил. На шее, прямо под маленькой черной бородкой, рана, оставленная, вероятно, массивным кольцом на пальце Сэма Картера.

Сейчас, когда мешок с головы Эдриана сняли, ему понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть к темноте. Увидев Джорджа, он тут же залопотал что-то по-испански.

— Ну тише, тише. Давай-ка так, чтобы я тебя понял. — Коэн щелкнул пальцами своим помощникам и те тут же принесли стул. От долгого стояния спина начинала нещадно ныть. — Ты ведь знаешь, кто я?

Сейчас, когда они оказались на одном уровне, Эдриан как будто слегка успокоился. Кажется, в его черных глазах даже мелькнул слабый огонек надежды. Вот так глупец...

— Si, señor. Вы Джордж Коэн. Я знаю.

Джордж слегка улыбнулся. Он знал, что умеет располагать улыбаясь и всегда использовал это, особенно в общении с такими, как этот Эдриан.

— Верно. А ты Эдриан Лопес. Мы знаем друг друга, и это очень хорошо. Ведь мы также знаем, на что каждый из нас способен, а потому и вести себя будем соответственно. И сэкономим время.

Эдриан кивнул и уставился куда-то вниз. По его смуглому лицу текли капельки пота, а может и слез.

— Ты знаешь, почему ты здесь?

Глаза Эдриана забегали. Он переводил взгляд с Джорджа на Сэма Картера и обратно.

— Вы думаете, что это Родригес причастен к смерти ваших людей и той девчонки, Сары.

Джордж поднял руку, призывая к молчанию.

— Я еще не знаю, мертва Сара или нет. Мой человек в полиции скоро расскажет мне подробности. Но вы убили Скотта, а это уже очень плохо.

— Неправда! — взвизгнул Эдриан и попытался встать, забыв, что прикован. — Мы тут ни при чем, мы... — тут он, видимо, понял, насколько все плохо, и поправился: — Я тут ни при чем! Клянусь, я лишь наблюдал, ноги моей в том доме не было!

— Лишь наблюдал? — переспросил Джордж и повернулся к своему помощнику.

— Тот дом, в котором мы его нашли, был заполнен записывающей аппаратурой, но не только ею. — губы Сэма искривила мрачная усмешка. — Оружия там тоже было достаточно.

Джордж вновь повернулся к пленнику.

— Ты слышал? Мой помощник говорит, что ты врешь. Вы не только наблюдали, вы были вооружены.

— Мера предосторожности! — вскричал Эдриан. Лицо стало красным, разбитые губы тряслись. — Вдруг вы нас вычислили бы и заявили раньше времени...

— Раньше времени? — Джордж впился в эту фразу, как коршун — в добычу. — Это какого времени? Того, когда вы сами ворветесь туда и убьете мою Сару? Ведь об этом шла речь в письме?

Он достал из обширного кармана фартука бумагу в прозрачном пакете. Вытащил ее и продемонстрировал напечатанные слова.

— Родригес мог бы и от руки писать. Похоже, крепко я схватил его за задницу, раз он даже тут боится засветиться. — откашлявшись, Джордж начал чтение. — "Любопытство — не порок, пока оно не вредит окружающим, дорогой Джордж. Когда ты начал копать под мой бизнес, я не придавал этому особого значения. Я был уверен, что ты ничего не найдешь. Но ты удивил меня, связавшись с этим идиотом, Эммануэлем. Где ты спрятал его, друг? Выдай его нам, и никто не пострадает. Выдай его нам, и я забуду о всех твоих угрозах. Выдай его нам, и мы не лишим тебя самого дорогого в твоей жизни."

Он аккуратно уложил бумагу обратно — когда-нибудь она могла стать важной уликой.

— Ты ведь знаешь, кто такой Эммануэль, верно?

Эдриан неохотно кивнул и вновь уставился куда-то в пол.

— Да... водила Родригеса. Перегонял машины и попался по глупости.

— Точно. Один-единственный пакетик с травой, завалившийся в огромном багажнике, чуть не испортил всю его жизнь. И знаешь, что сделал этот ваш прекрасный святой Родригес? Ничего. Он насрал на него. Он пальцем о палец не ударил, чтобы вызволить его из тюрьмы. В принципе, все логично: он мог не опасаться, что Эммануэль выдаст его. Бедняга был бы не жилец, если бы сделал это. Оставалось лишь молча отсидеть свой срок. Вот только я... Ты знаешь, Эдриан, я ненавижу, когда с хорошими людьми обращаются, как с

дерьмом. А Эммануэль хороший парень. Да и ты наверное хороший. Просто вы оба ступили не на ту дорожку. Так бывает. Но ведь не поздно все исправить, Эдриан. Вот Эммануэль не стал отказываться от моего покровительства. Я нанял ему отличного адвоката и сейчас он на свободе, под моей защитой. Давай же, Эдриан. Я верю, что ты не причастен к тому, что случилось. Ты из тех, кто стоит в стороне. Но ты знаешь, кто это сделал. Назови их имена. Только имена — этого будет достаточно.

Не оставалось сомнений — теперь по лицу Эдриана текли слезы. Они ползли по его щекам, терялись в черной бородке, а некоторые капали на его грязную, в разводах крови и земли рубаху.

— Я не знаю, сэр. Даже если это Родригес, я не знаю. Я лишь наблюдал, ничего более. Наблюдал, записывал видео, пересылал диски на указанный адрес. Вот и вся моя работа. Оружие — это на всякий случай. Клянусь вам, мистер Коэн...

И Джордж хотел поверить ему, действительно хотел, и может быть, даже поверил бы, но рядом ожил чей-то мобильник. Сэм Картер встрепенулся, достал телефон и приложил его к уху.

Почти полминуты прошло в напряженной тишине. Голос собеседника шипел и поскрипывал, различить слова было невозможно. Но по тому, как мрачнело бледное лицо Сэма, Джордж понял: ничего хорошего ожидать не стоит.

— Да. Я понял. Спасибо. — пробормотал Сэм. — Я передам боссу. Как только узнаешь еще что-то — звони, не медли.

— Ну что? — дрогнувшим голосом спросил Коэн.

Сэм, кажется, не знал, куда деть собственные руки. Он то совал их в карманы, то прятал за спиной, то начинал чесать затылок. Взгляд его сновал, точно так же, как у Эдриана недавно.

— Все плохо, босс. Это действительно Скотт, сомнений нет. Второй парень пока неизвестен, но это он копам неизвестен, так что возможно...

— А женщина? — перебил Джордж. Ему сейчас было плевать на Скотта, плевать на всех в этом мире. — Это... она, да?

Сэм не сумел ответить, лишь потупил взор и кивнул — очень быстро, будто это как-то могло помочь.

Джордж ожидал, что почувствует что-то — ярость, ненависть, бессильную тоску, безумную печаль. Может, шок превратит его в статую, парализует тело и мысли, покроет его молчаливым коконом из недоверия. Но он поверил — сразу, мгновенно. Что уж лгать себе — он понял, что Сара мертва, когда ему только обо всем сообщили. И все же, все же что-то изменилось. Возникла какая-то странная пустота...

Он перевел взгляд на Эдриана, глаза которого были выпучены, рот приоткрыт. Все его лицо стало маской запредельного ужаса.

В той пустоте не было места жалости.

— Сэм... — тихо произнес Джордж. — Не кажется ли тебе, что у нашего гостя слишком много зубов?

На лице помощника промелькнуло мрачное удовлетворение. Он вновь дотронулся до своей забинтованной ладони.

— Многовато, босс. Тут вы правы.

Он подошел к теряющемуся в густой тени шкафчику и выдвинул ящик. Тут же загремели металлические инструменты. Лицо Эдриана стало уже пунцовым, глаза лезли на лоб от

страха.

— Сэр... мистер Коэн, прошу вас... умоляю, не надо!

Джордж молчал. Другой помощник, Молчаливый Роб, как его все называли, огромный и немного напоминающий телосложением гориллу, подошел к креслу сзади и зафиксировал голову Эдриана.

— Открой рот.

— Умоляю... мистер Коэн, я правда ничего не знаю...

— Открой рот. — повторил Молчаливый Роб. Он давненько не был так болтлив.

Эдриан наконец повиновался. Сэм тем временем вернулся, держа в руках медицинские щипцы.

— Когда мы закончим, ты будешь шамкать, как старик, и едва ли сможешь прожевать что-то жестче манной каши. — почти ласковым тоном произнес Джордж. — Но прежде, чем мы начнем, я спрошу тебя еще раз. Кто убил Сару Эллисон?

Эдриан уже даже головой вертеть не мог, ему оставалось лишь смотреть в глаза своего мучителя.

— Я не знаю... — со слезами в голосе промямлил он. — Я правда не знаю, мистер Коэн. Поговорите с самим Родригесом, сэр. Я ничего не сделал, я пальцем ее не тронул, клянусь вам!

Но Джордж уже не слушал его. Он молча кивнул помощнику.

— Открой рот, шире. — велел Сэм. — Ну, давай же. Да, вот так.

Джордж услышал легкий скрип, с которым стальные щипцы обхватили зуб Эдриана. Увидел, как напряглись мышцы Сэма и как расширились глаза Эдриана.

Сквозь мычание и сдавленные крики слышались и другие звуки. Кровь полилась на каменный пол. Первый зуб с громким лязгом упал в подставленное Молчаливым Робом металлическое ведро. Сэм тут же взялся за другой.

К тому времени, как в ведре скопились пять зубов, лицо Эдриана было залито кровью, довольно большая лужа образовалась и у его ног. У бедняги уже не было сил на крики, он лишь мычал и всхлипывал. Как скоро он потеряет сознание от боли и потери крови? Джордж надеялся, что этот момент удастся отсрочить.

— Ты не передумал, Эдриан? Насчет ответа на мой вопрос. Никаких мыслей не возникло?

Еще один окровавленный зуб упал в ведро. Сэм уже вспотел, он сам покраснел от усилий, а вот Эдриан наоборот, становился все бледнее. Вскоре его лицо приобрело совсем нездоровый зеленоватый оттенок, кровь выделялась на нем особенно ярко.

Прошло полчаса. Эдриан уже почти не стонал, лишь иногда коротко вскрикивал. Судя по глазам, он балансировал на грани яви и сна. Джордж поднялся с места.

— Отойди, Сэм.

— Еще шесть зубов осталось...

— Неважно. Отойди.

Сэм повиновался. Джордж подошел ближе и наклонился, чтобы как следует разглядеть лицо Эдриана. В ноздри тут же ударили запахи — крови, пота и чего-то еще, более резкого. Похоже, он обмочился.

— Ну что, Эдриан? Оно того стоило? — спросил Джордж.

Эдриан открыл рот, обнажив пустые окровавленные десны. Кажется, весь его рот был заполнен кровью, даже язык рассмотреть нельзя.

— Ты знаешь, что... что я сделал?

Подобные "операции" Джордж проводил не первый раз и потому научился различать невнятную речь человека, в одночасье лишившегося зубов.

— Нет, не знаю, Эдриан. Расскажи мне. Расскажи, и нам обоим станет легче.

Кровь капала с его губ, глаза смотрели куда-то мимо, словно он никак не мог сфокусироваться. И вдруг Эдриан улыбнулся — и эта улыбка показалась Джорджу чуть ли не самым отвратительным, но при этом впечатляющим, что он видел в своей жизни.

— Ты знаешь, что я сделал, перед тем как... — он плюнул кровью и чуть не попал на ботинки Джорджа. — ... убить ее? Вначале я ее трахнул. Трахнул так, как ты, старик, и в молодости не смог бы. Я поймел ее своим большим жилистым *el bicho* и она стонала, как сука. А потом...

Все случилось быстро — Джордж и сам не знал, что его рука еще способна двигаться с такой скоростью. Лезвие ножа, который он держал в кармане фартука, даже не успело блеснуть в тусклом свете голой, висящей на длинном проводе лампочки — но свое дело оно сделало. Кажется, сам Эдриан не понял, что случилось, улыбка не сошла с его уст. В горле у него появился длинный и глубокий разрез, кровь брызнула мощной струей и Джордж не успел отойти в сторону — его окатило ниже пояса. Сэм и Молчаливый Роб поспешили подставить ведро под кровавый поток. Кровь изливалась еще примерно минуту — уже не такой сильной струей, но все же создавала шум. Вначале билась о стальное дно, а потом журчала, как лесной ручей.

Сэм осторожно взял своего босса за локоть и отвел его подальше от трупа.

— Ох зря вы так, можно было еще его помучить. Вдруг сказал бы что.

— Ерунда. — буркнул Джордж. Кровь попала и на его руки, их он теперь вытирал полотенцем. — Он ничего не знает, иначе давно все рассказал бы. Это акт устрашения, Сэм, и мы не остановимся. Вели Робу...

Тут зазвенел уже его телефон.

— Черт побери!

Брать мобильник мокрыми от крови руками не хотелось. Он начал с остервенением тереть ладони, а телефон продолжал надрываться.

— Может, мне взять... — начал Сэм, но Джордж лишь отмахнулся.

— Нет. Раз звонят мне, значит дело важное.

Наконец он достал телефон.

— Алло?

— Мистер Коэн? — раздался незнакомый голос. Может, это Джорджу показалось, но вроде бы его обладатель был взволнован. — Это детектив Стивен Фергюсон. Я готов переговорить с вами о случившемся... конечно, если вы еще не успели натворить глупостей.

"А этот парень сразу берет быка за рога." — подумал Джордж. Его взгляд невольно вернулся к Эдриану. Голова мертвеца повисла, Молчаливый Роб снимал зажимы. От терпкого запаха крови воздух казался густым и тягучим.

— Нет, детектив Фергюсон, я еще не успел натворить глупостей. Я не из тех, кто рубит с плеча, не думая о последствиях. Однако меня слегка смутила ваша формулировка. — Джордж почувствовал, как к нему возвращается былая сила. Поиграть в кошки-мышки с полицейскими — что может быть увлекательнее? — Вы сказали, что готовы поговорить со мной. Это звучит так, будто мы уже изъявили желание друг с другом поговорить, а вы наконец объявили, что согласны это сделать. Однако это не так, господин полицейский — я

слышу вас впервые.

На той стороне возникла неловкая пауза. Джордж прислушивался изо всех сил, пытаясь расслышать еще чей-нибудь голос — может, более опытного детектива, который будет наставлять новичка, давать ему советы.

— Не придирайтесь к словам. — грубовато ответил детектив Фергюсон и Джорджу подумалось, что он может оказаться более-менее достойным соперником. — Мы знаем, какие у вас отношения с Родригесом. Вы подозреваете, что по его вине погиб ваш человек. Мы сейчас тем и занимаемся — выясняем все обстоятельства преступления. И наше расследование не будет двигаться быстрее, если вы с Родригесом зальете город кровью.

— И в мыслях не было проливать чью-то кровь. — мягко сказал Джордж, свободной рукой сминая покрасневшую салфетку. — Так вы хотите встретиться? Очень хорошо. Время и адрес я вам назову чуть позже. И... думаю, мои условия вам известны.

Пару минут спустя он уложил телефон и подошел к Сэму, который уже подготовил черный мешок для трупа.

— Меня прервали на полуслове. Как я говорил, это акт устрашения, и дело нужно довести до конца. Передай Робу: пусть отрежет голову Эдриана и отправит на блюде Родригесу. От остального избавьтесь. Выбросьте в реку, сожгите, растворите в кислоте, мне все равно.

И, не глядя больше на тело, Джордж побрел прочь. Навстречу ему уже шел Молчаливый Роб, неся в руках мясницкий топорик: он слышал приказ и торопился его исполнить.

— Когда вы видели сестру в последний раз?

Фред Эллисон с первого взгляда казался странным и вызывал подозрение, но детектив Бриджес старался ничем не выказать своих чувств. Кроме необычного поведения, мистер Эллисон пока ничем себя не компрометировал.

Ему было 22 года — на два года старше сестры. Он был довольно сильно похож на нее, Бриджес даже подумал, что в детстве они могли выглядеть, как близнецы. Вот только в отличие от Сары, которая даже мертвая выглядела впечатляюще, совсем не следил за собой. Длинные, до плеч, волосы спутались и висели неровными прядями, частично закрывая лицо, на щеках и подбородке выросла неровная бородка, глаза казались красноватыми и все время слезились. Одет он был в белую, с длинными рукавами рубаху, сильно заляпанную разной едой, полосатые шорты и шлепанцы.

Дом соответствовал хозяину — грязный, пыльный, обшарпанный. На полках очень древнего на вид шкафа вместо книг разместились впечатляющая коллекция порно.

Сейчас детектив Бриджес сидел на продавленном кресле в гостиной. Воздух тут был заполнен запахом дешевых сигарет и застарелого пота. Фред Эллисон устроился на диване напротив, руки он свесил между колен, а одна нога у него тряслась, как заведенная.

— Я видел ее пару дней назад. Мы с ней... знаете, мы с ней были друзьями. В смысле, братья и сестры ведь часто ссорятся друг с другом, да? Мало общаются, недолюбливают... Мы были другими. Наши родители умерли рано, так что никто о нас позаботиться не мог. Думаю, это нас сплотило.

Детектив Бриджес достал блокнот, чтобы делать пометки, но пока не написал ни слова. Фред Эллисон еще не сообщил ничего ценного.

— Во время вашей последней встречи, вы не заметили ничего странного? Может, она как-то необычно себя вела, или сказала что-то, чего вы не поняли?

Фред мотал головой. Бриджес заметил, что временами он дергался, будто хотел почесать руки на сгибе локтя, но в последний момент останавливался.

— Нет, сэр, ничего такого. Если и было что-то не так, я не заметил. А о своих проблемах она вообще редко говорила.

— О проблемах? А они у нее были?

— Я не знаю, детектив.

"Лжешь." Бриджес сжал в кулаке колпачок от ручки, взгляд его бегал по собеседнику, изучая его, пытаясь разгадать каждый, самый незаметный жест.

— Ладно. Я сейчас покажу вам две фотографии, на них крупным планом лица двоих мужчин, которые также были найдены на месте преступления.

Эллисон вздрогнул и чуть ли не впервые встретился с полицейским взглядом.

— Еще двое? Они... они тоже мертвы?

— Да, сэр. Мы полагаем, что один из них мог убить вашу сестру, но кто именно — пока не установили. Экспертиза продолжается, это займет какое-то время.

Бриджес достал фотографии и протянул их Эллисону. Тот взял их осторожно, кончиками пальцев с обгрызенными ногтями, и уставился на них странным, стеклянным взглядом. У детектива возникло неприятное чувство: он на самом деле даже не смотрит на них.

— Ну что? Кто-нибудь из них вам знаком?

— Нет, детектив. — Фред вернул фотографии и все-таки не удержался — провел рукой по сгибу локтя, лишь в последний момент сделав вид, что подтягивает рукав. — Я не знаю эти людей.

— Очень жаль. — детектив убрал фотографии в карман плаща и откинулся на спинку кресла. — Скажите, мистер Эллисон... как ваша сестра относилась к тому, что вы употребляете наркотики?

Парень выпучил налитые кровью глаза, нижняя губа у него затряслась, словно он вот-вот заплачет.

— Я... что? Нет, я не... — речь его стала отрывистой и невнятной. Он быстро опустил взгляд. — Вы ошиблись. Я не употребляю наркотики. В старшей школе баловался травкой, но не более.

— Да бросьте. Думаете, я первый день в полиции? Я начинал свою работу именно с этого, мистер Эллисон. Боролся с наркоторговлей. И такого повидал, что вам на десять жизней хватит. Хотя вы, кажется, и одну не проживете. — последние остатки учтивости Бриджес изгнал из своего голоса. — Нарика со стажем я издаleка вижу. А теперь повторяю вопрос: как ваша сестра к этому относилась?

Словно получив наконец разрешение на то, о чем мечтал уже давно, Фред Эллисон начал усиленно чесать свои руки.

— Плохо относилась. Но мы с ней на этой почве особо не ругались. Потому что она знала, что отчасти сама виновата: дала однажды мне попробовать "колеса". Легкие какие-то, но мне хватило, чтобы подсесть. — он вдруг начал говорить быстро, чуть не глотая слова. Как человек, который спешит поскорее разделаться с чем-то крайне неприятным. — Она-то сильная всегда была, Сара. Ее так легко на всякое дерьмо не подсадишь. Покайфовала пару раз и бросила. А вот я так не смог.

— Где берете деньги на наркотики?

— Я... — он старательно отводил глаза. — Перебиваюсь всякими разными заработками. Сара мне тоже помогала. Я на самом деле почти слез с иглы, господин детектив. Я уже это... на правильном пути.

— Сара помогала? — Бриджес проигнорировал последнюю реплику. Очень уж хорошо знал все эти разговоры про "правильный путь". -Насколько мне известно, она работала официанткой в ночном клубе, а полтора месяца назад уволилась. Не думаю, что у нее и раньше-то были лишние деньги, а уж теперь... на что она жила?

Вновь этот затравленный, беспокойный взгляд. Все дело в наркотиках или тут есть второе дно?

— Я не знаю. Может, устроилась еще куда-то. Мы с ней в последнее время редко общались. Я и понятия не имел, что она уволилась.

"Лжешь." — вновь подумал Бриджес. От этого парня просто веяло виной и странной безысходностью.

— У нее были какие-нибудь недоброжелатели? — задал детектив следующий вопрос из негласного "обязательного списка". -Может, она с кем-нибудь ссорилась недавно?

— Вы имеете в виду, могла ли она с кем-то поссориться так сильно, что он захотел убить ее?

— Примерно так.

Фред покачал головой.

— Нет... Не думаю. Она была очень милой, не представляю, кого она могла так разозлить.

Бриджес убрал блокнот, где так и не сделал ни единой пометки, в карман и поднялся с места.

— Хорошо, мистер Эллисон. Теперь вам стоит поехать со мной.

Реакция была вполне ожидаема. Фред дернулся всем телом, будто Бриджес ударил его, и поднял на детектива полные ужаса глаза.

— Что? С вами? Куда? Я не... нет, я ничего не сделал. Это из-за наркоты? Я же сказал, что бросаю...

— Не волнуйтесь, мистер Эллисон. — усмехнулся полицейский. — У нас пока не сажают за употребление наркотиков. Хотя мы всегда будем готовы выслушать вас, если вы захотите рассказать, кто вам их продал. Сейчас мы поедем в морг, на опознание. Вы — единственный родственник Сары и вы должны подтвердить, что это она.

Краска сошла с лица Эллисона. Он медленно встал и сделал пару шагов — ноги явно не слушались его.

— А это она? — спросил он тонким голосом, и было в этом голосе, да и в самом вопросе, что-то детское, почти наивное. — Это точно?

— Боюсь, что да, мистер Эллисон. В доме были найдены ее документы. Но без процедуры опознания обойтись нельзя.

Полчаса спустя полицейский автомобиль остановился рядом с моргом — двухэтажным неприметным строением с маленькими окнами и металлической крышей, блестящей на солнце. Дул легкий ветерок, растущие по обеим сторонам вяза шелестели листвой, рябь пробегала по лужам, оставшимся после ночного дождя.

— Вы как, выдержите? — спросил Бриджес.

— Да. Думаю да.

У Фреда Эллисона был очень странный, безучастный вид. Конечно, сразу после того, как личность погибшей была установлена, к нему пришел офицер и сообщил о случившемся — за пару часов парень мог уже смириться с мыслью о смерти сестры. Или наоборот — до конца ее не осознавал. Впрочем, возможен и третий, более тревожный вариант — эта новость его вовсе не удивила.

Вместе они шли по холодному металлическому коридору, совсем пустынному в этот час. Каждый шаг отдавался гулким эхом и Фред постоянно оглядывался, будто ему казалось, что за ними по пятам следует кто-то еще.

Бриджес толкнул очередную дверь и они оказались в комнате, где все предметы тускло поблескивали и словно испускали странное ледяное сияние. Из неплотно прикрытого крана медленно капала вода, одинокий комар летал под лампочкой, грозя спалить себе крылья, а в самом центре помещения расположился длинный узкий стол, накрытый тканью. С одного его конца свисали длинные черные волосы, а прямо под ними было поставлено ведро, где скопилось не так уж мало жидкости.

Фред замедлил шаг, как только увидел стол, а затем и вовсе остановился.

— Мистер Эллисон?

Бриджес глядел ему в глаза, пытаясь понять, о чем он сейчас думает. Может, лишь сейчас понимает, что случилось? Или боится, что его вот-вот раскроют?

— Она... с ней все в порядке? — спросил Фред.

Этот вопрос показался бы странным, но детектив понял, о чем речь.

— Да, мистер Эллисон. С ней все нормально. Она выглядит хорошо... для трупа. Нет никаких ран, лишь пара синяков на плечах.

Противоположная дверь открылась и появился патологоанатом, Джон Кронвуд. Уже немолодой, с сединами в бороде, но выглядящий удивительно жизнеутверждающим в этом царстве смерти, он быстрым шагом подошел к столу и бросил взгляд на Фреда Эллисона.

— Вы готовы, сэр? Я приоткрою лишь верхнюю часть.

Фред не очень уверенно кивнул и патологоанатом откинул покрывало. Тихо охнув, Фред отступил на шаг.

— Ну что? — возможно, излишне торопливо спросил Бриджес. Обычно он дает родственникам погибших больше времени, но сейчас он буквально чувствовал, как оно, это самое время, утекает, словно песок сквозь пальцы. К тому же, Фред был не самым типичным потерпевшим. — Это она?

Видимо, очухавшись от первоначального шока, Фред вновь подошел ближе и впился взглядом в бледное лицо сестры. Его взгляд скользил по ее белым щекам, закрытым глазам, синим губам. От внимания Бриджеса не укрылся тот факт, что особенно он задержался на ее горле. Его он разглядывал дольше, чем все остальное.

— Да... — сказал Фред наконец. — Это Сара. Но она такая... такая бледная...

— Перед погребением это исправят. — пообещал Кронвуд. — Все сделают в лучшем виде, она будет выглядеть, как живая.

— Но... зачем?

— Простите?

— Зачем ей выглядеть живой, если она мертва?

Этот вопрос остался без ответа. Кронвуд вновь накрыл тело и повернулся к полицейскому.

— Я уже собирался звонить вам, детектив. У меня важная информация, которая может повлиять на ваше расследование. А мистер Эллисон может подождать в коридоре, хорошо?

Смерив и патологоанатома, и полицейского подозрительным взглядом, Фред побрел прочь.

— Очень вероятно, что он нас подслушает. — заметил Бриджес.

— Вам все равно придется рассказать ему. — в голосе Кронвуда сквозила неприкрытая печаль. — Дело в том, что девушка... Она была беременна.

Бриджес до боли сжал металлический поручень стола. Да уж, мистер Кронвуд прав — это действительно может очень сильно повлиять.

— Беременна? И какой срок?

— Месяца полтора, плюс-минус неделя. Очень печально, детектив. Я проработал здесь уже очень долго, но подобное все равно всякий раз выводит меня из равновесия. Это как...

Но у детектива не было времени выслушивать все эти грустные речи, он уже направлялся к дверям, на ходу раздавая указания.

— Составьте подробный отчет, возьмите на анализ образцы ДНК ребенка. И ДНК тех мужчин нам тоже понадобятся. Возможно, отец — кто-то из них.

Он лишь произнес это, но на душе уже сразу стало одновременно легко и гадко. Если все так и есть, можно считать, что дело раскрыто, но менее мерзким оно от этого не становится.

В коридоре его ждал Фред Эллисон. Он стоял у маленького окошка и по лицу его невозможно было определить, слышал он слова мистера Кронвуда или нет.

— Ну, что вам сказали? — спросил он безразличным тоном. — Или это тайна следствия?

— У вашей сестры был молодой человек? Она встречалась с кем-нибудь? — спросил в свою очередь Бриджес.

Кажется, этот вопрос не слишком удивил Фреда. Он сложил руки на груди, при этом мизинцем и безымянным пальцем продолжал почесывать сгиб локтя.

— Этого я не знаю. А что? Думаете, это он ее грохнул?

— Может и не он, но Сара была беременна. А дети, как известно, из воздуха не берутся.

— Ну да, за исключением одного известного случая...

Бриджес ударил кулаком по стене. Он обещал себе, что будет держать себя в руках, но теперь чувствовал, что вот-вот потеряет контроль.

— Вашу сестру убили, черт побери! А я из кожи вон лезу, чтобы понять, кто убийца! Вы знали, что Сара беременна? Она говорила вам об этом или нет?

Эллисон как-то весь сжался, будто полицейский не только накричал на него, но и замахнулся для удара.

— Я... знал. Да, я знал. Она говорила мне.

— А мне вы почему не сказали? — все так же, не понижая голоса спросил Бриджес, угрожающе шагнув вперед. Фред отступил, но уперся спиной в подоконник.

— Я... я просто забыл. Ясно вам? Я был в шоке и все из головы вылетело. И не надо так на меня орать, я жертва, а не преступник!

— Жертва лежит вон там. — уже тише сказал детектив. — А перед собой я сейчас вижу вшивого наркомана, которого уже ломает без дозы. Так значит забыл, да? А что еще ты забыл, а?

Фред потупил взор и помотал головой. На его щеках расцветали пунцовые пятна.

— Ничего, господин полицейский. Только это.

— Ну хорошо. А почему ты так смотрел на нее? — Бриджес решил, что сейчас самое время пойти в открытое наступление. Пусть этот наркоша поймет, что сюсюкаться с ним никто не будет. — Особенно на ее шею. Думаешь, я не заметил? Ты так смотрел на ее горло, так внимательно... — он понизил голос почти до шепота. — Что ты ожидал там увидеть, а?

В бледных глазах Фреда Эллисона застыл ужас. Он смотрел на детектива совсем по-другому, будто впервые увидел. Создавалось впечатление, что он изо всех сил борется с желанием дать деру.

— Ничего. Я просто так...

— Просто так? Ну давай же, колись. Что такого необычного на ее шее? — Бриджес сам не заметил, как его рука легла на рукоять пистолета. "Это безумие." — мелькнула тревожная мысль, но за ней последовала другая, успокаивающая: "Нет, это твоя работа."

— Цепочка. — выдохнул Эллисон и детектива обдало вонью из его рта — так близко он подошел. — У нее должна быть цепочка. Такая тонкая, серебряная, с полумесяцем. Я подарил ее, давно, еще в детстве. Я удивился, что ее нет.

Бриджес замер, пальцы его сползли с пистолета.

— Цепочка? Не неси чушь. Твою сестру ближайшие сутки будут осматривать человек десять медицинских экспертов. Даже если бы у нее был пирсинг в пупке, его бы сняли. Прежде, чем врать, хотя бы включай голову.

И он побрел прочь. Туман в голове понемногу рассеивался, но злость никуда не уходила.

— Эй! — закричал ему вслед Эллисон. — Как я домой-то вернусь, а? Вы что, не

подвезете меня?

— На своих двоих! Я тебе не такси.

Нет, с этим парнем точно что-то не так, надо его проверить. И кстати, о такси забывать не стоит — надо поговорить с тем, кто подвозил Сару до дома.

Выйдя на свежий воздух, Бриджес достал мобильник и позвонил напарнику.

— Детектив Фергюсон, слушаю.

— Это Бриджес, ты занят сейчас?

— Да не особо. Допрашиваю других соседей, а до свидания с Коэном еще два часа. Есть дельце?

— Да. Едем в таксопарк. Пора узнать побольше про эту девочку.

— Поговорил с братом погибшей?

— Угу. Мутный тип. Нарик и врун, за таким глаз да глаз нужен.

Детективы стояли на заднем дворе таксомоторного парка, откуда открывался красивый вид на мост с текущей внизу рекой, которая блестела в лучах солнца так сильно, что начинала болеть голова. Ветер, последний спутник ночной непогоды, налетал порывами, порой очень сильными, заставляя вяза и молодые клены пригибаться к земле. Время от времени одна из ярко-желтых машин срывалась с места и выезжала со стоянки.

Они ждали одного из таксистов. Хозяин парка сказал, что тот сейчас на вызове, но не очень далеко и скоро должен приехать. Детектив Фергюсон то и дело бросал взгляд на часы и переминался с ноги на ногу.

— Ничего, успеешь. — успокоил его Бриджес. — Старый сукин сын еще подождать тебя заставит.

— Как думаешь, ему кто-нибудь из наших сливает информацию? — спросил Фергюсон.

Бриджес достал сигарету, но поджечь ее удалось не сразу — ветер тушил пламя, налетая, кажется, сразу со всех сторон.

— Даже не сомневаюсь, Стив. Хочешь вычислить гада? Валяй. Только время зря потратишь.

— Он же сильно подставляет нас. — со злостью бросил Фергюсон. — Насколько было бы легче работать, если бы мы были уверены, что все, что мы узнали, останется в стенах полицейского участка.

— Да он бы и так скоро узнал. — пожал плечами Бриджес. — Плюс-минус пара часов... Нам бы это все равно ничего не дало.

На самом деле он слегка кривил душой. Мысль о том, что почти каждое слово слышат чьи-то третьи уши, изводила и бесила его. В свое время он потратил много часов, пытаясь вычислить "крысу", но так никого и не заподозрил.

— У нас сейчас самое неприятное. — продолжил Бриджес. Ему не приходилось стряхивать пепел с сигареты — ветер сам срывал его. — Мы ничего не можем делать, пока не придут результаты исследования.

— Ты сказал, Сара была беременна. Думаешь, отец ребенка мог такое сотворить? — спросил Фергюсон.

— Да, хоть это и очень неприятно. Не слишком-то просто после подобного продолжать верить в непремennую победу добра над злом, верно?

— Лично я никогда в нее не верил. Будет тест ДНК? Это же очень долго.

Бриджес лишь передернул плечами. Да, это долго, но что им еще делать? Не сидеть же сложа руки, пока Коэн и Родригес пытаются восстановить свою собственную справедливость.

С левого входа заехала очередная желтая машина. Бриджес сразу узнал ее номер — это та самая, что подвезла вчера вечером Сару Эллисон. Кивнув напарнику, он двинулся ей навстречу.

Водителем оказался мужчина лет тридцати с вьющимися светлыми волосами и легкой щетиной, одет он был в серую куртку и джинсы. Одной рукой он облокотился на дверцу машины, а другой помахал полицейским.

— Вы, наверное, насчет той девушки? Ее убили, да?

Бриджес поначалу опешил, но быстро догадался: таксисту наверняка уже приходилось сегодня проезжать мимо дома, куда он доставил Сару Эллисон, и он заметил, что вход опечатан полицейской лентой.

— Да, сэр, к сожалению, именно так. — Бриджес достал блокнот. — Назовите, пожалуйста, свое имя, нужно для протокола.

— Лиам Соренс, таксист, плачу налоги.

Бриджес хмыкнул.

— И номер телефона, на случай, если возникнут другие вопросы.

Наконец с формальностями было покончено и все трое неспешно двинулись по узкой дороге вдоль парка. Фергюсон продолжал смотреть на часы — эта неторопливость его явно раздражала.

— Вы ведь ее вчера подвозили, верно? — Бриджес продемонстрировал фото Сары, сделанное посмертно. Соренс сморщился, глядя на ее синие губы.

— Вот черт... Да, сэр, это она. Кто мог сотворить такое?

— Это сейчас и выясняем. — у Бриджеса была еще пара фотографий, но с ними он не торопился — к ним нужно логически подвести. — Скажите, где вы ее подобрали?

— Возле ресторана "Спейси". Ну, знаете, на углу Двадцатой...

— Я знаю где, это. — буркнул Фергюсон. — Кофе там отвратный.

— Она была одна? — задал Бриджес следующий вопрос.

— Нет, детектив. Когда я подъехал, она как раз выходила из ресторана, но не одна — за ней следом шел мужчина, с которым она явно ругалась. Я видел, как он попытался взять ее за руку, но она вырвалась и чуть ли не бегом рванула к моей машине.

Бриджес сделал несколько торопливых пометок в блокноте. Почерк у него был не очень разборчивый, а на ходу и навесу вообще получались каракули — хорошо, если сам потом сумеет разобрать написанное.

— Тот мужчина пытался остановить ее?

— Я бы так не сказал. Кажется, он кричал что-то ей вслед, но что именно — я не разобрал, стекло у меня было поднято.

Бриджес достал из внутреннего кармана своего пыльного плаща те же самые фотографии, что уже демонстрировал Фреду Эллисону.

— Есть ли он среди них?

Таксист остановился и сосредоточился на первой фотографии. Смотрел внимательно и наконец кивнул.

— Да, это он, точно. Я разглядел его, потому что свет от вывески над рестораном падал прямо ему на лицо.

Бриджес забрал фотографию — это был Скотт Радон, как он и предполагал.

— А второй человек? Его вы видели?

— Нет. Это лицо мне незнакомо.

Они дошли до края площадки и повернули обратно. Бриджес искоса поглядывал на своего напарника: его беспокоило, что Фергюсон не принимает участия в разговоре. Тот, видимо, был слишком занят мыслями о предстоящей беседе с мафиози.

— Расскажите, что было дальше. Девушка села в такси...

— Ничего необычного. Она назвала адрес и мы поехали. Во время поездки она молчала и показалась мне очень грустной.

О причинах ее грусти Бриджес еще собирался как следует поразмыслить, но сейчас его волновало другое.

— А этот мужчина... вы видели, что он сделал дальше? Он так и остался стоять возле ресторана или пошел куда-то?

Мистер Соренс почесал затылок. Капелька пота блестела у него на лбу. Бриджес сочувствовал бедняге — к середине дня жара разыгралась, сидеть безвылазно в машине — что торчать в печке.

— Я особо не присматривался, если честно... Кажется, некоторое время он смотрел вслед моей машине, а потом вроде бы сел в свою. Это случилось, когда я поворачивал, и что было дальше — я не знаю.

— В какую машину он сел? — допытывался Бриджес. — Черный "мерседес", верно?

— Может быть. — Соренс равнодушно пожал плечами, но потом, видимо, вспомнив, с чем в конце концов связаны эти расспросы, добавил. — Да, машина была темная. Но "мерседес" или нет — я не рассмотрел.

— Он не ехал потом за вами, не преследовал вас?

— Я не знаю. Глубокая ночь, ориентироваться можно только по свету фар, я и собственную машину едва вижу.

Бриджес задумался: о чем еще спросить? Ему и так удалось удивительно много информации вытянуть из обычного таксиста. Нужно быть благодарным уже за то, что он дал ему следующую отправную точку: ресторан.

— Так значит, девушка не разговаривала с вами?

— Нет, как я и сказал, молчала все время. Когда я остановился, расплатилась и пошла к дому.

Бриджес достал из кармана наспех напечатанную пару месяцев назад карточку со своим именем и номером телефона.

— Это моя... э-э... визитка. Если вдруг что-то вспомните, важное или на первый взгляд не очень — звоните в любое время.

Бриджес и Фергюсон уже направились к выходу со стоянки, когда Лиам Соренс окликнул их.

— Она оставила кое-что в моей машине!

Бриджес резко обернулся. От одной мысли о том, что теперь придется обыскивать еще и такси, у него голова пошла кругом.

— Правда? И что же?

Создавалось впечатление, что мистер Соренс едва удерживается от смеха. Это было странно, ведь до сих пор он старался сохранять маску сочувствия.

— Аромат духов. Довольно дорогих, как мне кажется, хотя я могу и ошибаться. Уж не знаю, поможет вам это или нет.

И он направился к своей машине. Бриджес постоял, глядя ему вслед и пытаясь понять, как расценить полученную информацию.

— Станный тип. — с неожиданной неприязнью сказал Фергюсон.

— Шутишь? Это ты ее братца не видел. Вот кому я и выгул собаки не доверил бы. — Бриджес достал еще одну сигарету и в этот раз зажег ее без труда — ветер почти утих. — Это ты странный, Стивен. Какой-то прям нервный. Это из-за встречи с Коэном, да?

Фергюсон неопределенно пожал плечами. "Да, все дело в нем, в этом старом прохиндее. — подумал Бриджес. — Бедняга боится, что облажается с ним."

— Возможно, я бы не был таким нервным, если бы знал, что в конце этой встречи надену на него наручники.

Да... Все, как Бриджес и полагал.

— Болезненное чувство справедливости может все испортить, Стив. Если ты будешь слишком жестким, или наоборот, расплывешься, как кисель, Коэн может неправильно на это отреагировать. Помни, нам сейчас нужны лишь две вещи: информация, любая, и гарантия, что он не будет трясти пистолетом направо и налево, пытаясь наказать всякого, кто по его мнению причастен к смерти его помощника.

— Он преступник. — упрямо ответил Фергюсон. — Это не просто "чувство справедливости", это всего лишь наша работа.

— Да, Стив, такова наша работа. Мы — стражи закона. Но помимо законов существуют еще правила. Понятия близкие, но это не одно и то же. — Бриджес говорил спокойно, стараясь следить за своим голосом. Он вовсе не хотел, чтобы его речь походила на нотации. Стив Фергюсон, насколько знал Бриджес, отлично зарекомендовал себя в полиции Нью-Йорка и уже кое-что знал об этой жизни. — Правила не всегда прописаны, они не всегда на слуху. Но их тоже нужно соблюдать. Неужели ты думаешь, что если бы у нас был хоть малейший шанс схватить Коэна за задницу, мы бы им не воспользовались?

Фергюсон помотал головой, глядя себе под ноги.

— Наверное, воспользовались бы.

— То, что он до сих пор на свободе, говорит лишь об одном: он умен, чертовски хитер и очень осторожен. Мы можем упрятать за решетку хоть сотню его бандитов, но так и не отыщем ни единой ниточки, которая привела бы к нему. Вот почему с ним нам приходится вести диалог. Он уже показал себя достойным противником, и недооценить его — смертельно опасно. Если тебе кажется, что ты не справишься, лучше скажи сейчас, чтобы не запороть все дело.

— Я справлюсь. — сказал Фергюсон и Бриджес наконец услышал в нем то, чего ждал уже давно: упрямая уверенность в своих силах. Он явно был не готов отступить. — Мне уже пора, Райан.

— Удачи, Стив. — Бриджес похлопал его по плечу. Слабо улыбнувшись, Фергюсон направился к своей машине.

Место, где Джордж Коэн назначил встречу, удивило Фергюсона. Это была старая обшарпанная забегаловка с покосившейся вывеской, пыльными столиками, трещинами на стенах и застоялым запахом жареного лука. Сам мистер Коэн уже поджидал его за самым дальним столиком, но он был не один: рядом с ним стояли два вооруженных человека.

— Отличное местечко! — крикнул Фергюсон, едва войдя внутрь. — Но признаться, от вас я ожидал большего.

Коэн молчал, внимательным, изучающим взглядом глядя на приближающегося полицейского. Его охранники, в темных костюмах, с одинаковыми угрюмыми лицами, напряглись и сделали едва заметный шаг вперед.

— Что это? — спросил детектив, указав на них. — Не очень похоже на встречу с глазу на глаз.

— Об этом не беспокойтесь, господин полицейский. — растягивая слова, произнес Коэн. — Это лишь мера предосторожности. Они сделают свою работу и уйдут.

Фергюсону не оставалось ничего другого, кроме как позволить себя обыскать. Охрана Коэна действовала профессионально и проверила все места, где детектив мог спрятать оружие или записывающее устройство.

— А в задницу мне не заглянете? — спросил Фергюсон, когда руки одного из охранников прошли по его ягодицам. — Вдруг я там спрятал миниатюрную боеголовку?

— Однажды один коп попытался записать наш с ним разговор на диктофон, спрятанный в анусе. — будничным тоном, словно речь шла о погоде, сообщил Коэн. — И знаете, что я с ним сделал?

— Боюсь представить.

— Ничего. Я всего лишь вышвырнул его вон. Мне жалко дураков, детектив Фергюсон. Их я обычно не трогаю. Но ведь вы не дурак, верно?

Фергюсон очень надеялся, что тем копом с диктофоном в заднице не был кто-то из его знакомых. Охранники прощупали его штаны и наконец отступили.

— Все чисто, сэр. Но у него в пиджаке какие-то бумаги.

— Это фотографии. — пояснил Фергюсон. — Некоторые из них не очень приятны, там присутствует кровь... Уверены, что ваше старое сердце выдержит подобное зрелище?

— Я и не такое выдерживал. — Коэн махнул своей худощавой, сухой рукой, покрытой местами старческими пятнами, и охранники удалились. Фергюсон огляделся. В кафе больше никого не было, не считая официанта, который стоял в самом дальнем углу и посматривал на необычных посетителей с явным неодобрением и страхом.

— Странное место для встречи. — сказал детектив. — Если честно, зная о ваших возможностях, я ожидал большего.

— От меня все и всегда ожидают большего, но я люблю удивлять. Не хотите ли выпить чего-нибудь?

Фергюсон заметил, как вздрогнул официант. Бедняге явно не хотелось приближаться к этому жутковатому старику.

— Нет, пожалуй.

— Как угодно. Видите ли, я и правда живу на широкую ногу, посещаю дорогие рестораны, театры, музеи, езжу за границу... хотя в последнее время все реже, возраст, сами

понимаете. — он издал какой-то кряхтящий звук и Фергюсон не сразу понял, что это смех. — И именно поэтому для важных встреч вроде сегодняшней выбираю такие места. Тут меня никто не ждет, нет лишних ушей и глаз. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Ну что ж, это хорошо. — Фергюсон наконец уселся напротив него. — Я тоже не хотел чтобы, нас подслушали. То, о чем мы с вами будем сейчас говорить, должно остаться строго между нами.

— Конечно, детектив.

Фергюсон вглядывался в желтоватые, слезящиеся глаза старика, силясь понять, о чем он думает, но это было все равно что пытаться прочесть мысли паука-птицееда.

— Я покажу вам две фотографии, для начала. А вы скажете, знаете ли вы кого-то из этих людей.

Он достал папку с фотографиями. Бриджес непременно отметил бы, что она заметно толще, чем у него самого. Фергюсон вытащил две и положил перед Коэном.

Тот запустил руку в карман своего темно-синего пиджака и почему-то Фергюсон подумал, что он достанет оружие, например, какой-нибудь миниатюрный пистолет. Свой собственный пистолет детектив оставил в машине, прекрасно понимая, что с ним его точно к Коэну не подпустят.

Однако старик вытянул всего лишь футляр с очками. Нацепив их на нос, он довольно долго вглядывался вначале в одну, а потом в другую фотографию.

— Да, я знаю их обоих. Первый — Скотт Радон, вам тоже он знаком. Работал на меня лет десять, а то и больше. Второй... ох, бедняга. Теперь ясно почему он не отвечал на звонки.

Фергюсон внутренне напрягся. Он был почти уверен, что другой мужчина незнаком Коэну.

— Вы... вы знаете его?

— Ну конечно знаю, это же Ричи. Ричард Кроу, если вам так угодно. Честно говоря, он балбес и разгильдяй, но у меня сейчас дефицит кадров, вот и приходится нанимать всяких...

Фергюсон почти чувствовал, как в сознании, а может и в самой его душе, что-то с громким треском рвется и рассыпается на части. ДВА человека Коэна оказались в доме Сары Эллисон и убили друг друга? Это казалось безумием.

— Должна быть еще фотография. — заметил Джордж Коэн. Он сверлил полицейского подозрительным взглядом.

— Да, она есть, но вначале я продемонстрирую другие. — Фергюсон вновь заглянул в свою папку и с плохо скрываемым торжеством вытащил целый ворох других, куда менее неприятных фотокарточек. Все они были цветные, разве что у некоторых качество хромало, но разглядеть запечатленных на них людей было проще простого. Детектив разложил их веером перед стариком и тот сделал большой глоток вина. Видно было что, он немало удивлен.

— Только не говорите, что вы сами все это сфотографировали.

— Нет, у меня были помощники. Среди гражданских, так что вычислить их вам не удастся. Да и какой смысл? Дело-то что уже сделано.

Коэн взял одну из фотографий и осторожно провел по ней кончиками пальцев.

— Я помню тот день... Ей понравилось в этом ресторане. Вы знаете, она не боялась пробовать новое. Она заказывала такое, до чего я и дотронуться не решился бы.

— Японская кухня? — усмехнулся Фергюсон.

— В том числе.

Он взял другое фото и улыбнулся. Детектив поразился тому, как эта улыбка преобразила лицо старого мафиози: он будто скинул разом лет тридцать.

— О да, парк аттракционов. Я так и не решился прокатиться на той горке, боялся, что увезут меня оттуда на "скорой" и это испортит весь праздник. Так что я отправил ее со Скоттом. — его скрипучий голос стал размеренным и тихим, как первые капли начинающегося дождя. — А вот эту фотографию я не помню...

— Вы приехали в автосалон. — пояснил Фергюсон. — Предложили ей самой выбрать машину.

— Да, да, точно... Ваши фотографии проделали хорошую работу, господин полицейский. — остальные фотографии Коэн рассматривать не стал — было видно, что они причиняют ему почти физическую боль. — Надеюсь, вы хорошо им платите.

— Неплохо, но пришлось бы платить гораздо больше, если бы они знали, что фотографируют не кого-нибудь, а криминального авторитета, самого опасного в городе.

Коэн так сморщился, словно Фергюсон ужасно оскорбил его. Детектив решил, что это напускное: многие преступники пытаются преуменьшить свои "заслуги" — видимо, это отголоски полумертвой, но пока еще слабо трепыхающейся совести.

— Так вы значит, без их ведома, подвергаете их смертельной опасности? Узнаю методы настоящих стражей порядка. И вы явно сейчас привираете: мы оба знаем, что Джерико Родригес урвал себе львиную долю "бизнеса". Будь я на пару десятков лет моложе, устроил бы с ним настоящее состязание. — тут Коэн неприятно усмехнулся. — Вы бы устали оттирать асфальт от крови.

— Хотите сказать, сейчас вы "уже не тот"? — фыркнул Фергюсон. — Да бросьте. Я знаю вас, мистер Коэн. Сегодня в участке мне пришлось разыграть целое представление, притворившись круглым дураком, сделать вид, что я ничего не знаю о вас. Но мне известно, что вы копаете под Родригеса. — он постучал пальцем по фотографии, на которой два человека, молодая красивая темноволосая девушка и дряхлый старик с редкими седыми клочками на голове, поедали сахарную вату в парке. Фото было сделано с такого ракурса, что не оставалось сомнений: они понятия не имели, что их снимают. — Родригес ведь знал про нее, верно? Он понял, как вы ею дорожите? Будем честны: старик на исходе лет нашел себе красивую игрушку, и он очень расстроится, если эту игрушку у него отнять. Расстроится и натворит много глупостей. Будь я на месте Родригеса, обязательно воспользовался бы таким шансом.

— Не говорите о ней в таком тоне, детектив. — впервые в голосе Джорджа Коэна слышалась угроза. Фергюсон невольно задумался о том, далеко ли отошли те крепкие парни с пистолетами, держат ли они его на мушке, и успеет ли он схватить старика за горло прежде, чем они нажмут на курок. — Она не была игрушкой. Я мог бы купить любую женщину, но ее мне покупать не пришлось. Она увидела во мне то, чего еще никто не видел. Разглядела что-то, о чем я и понятия не имел. Если вы пришли сюда, только чтобы посмеяться над стариком, глупо влюбившимся в девчонку, можете проваливать.

— Нет, мистер Коэн. — Фергюсон сложил фотографии и убрал их обратно в папку. — Я пришел не за этим. У нас с вами общая проблема, и имя ее — Родригес.

— Неужели? Если фото, что вы мне показали вначале, не фальшивка, в доме, который я выбрал для Сары в качестве убежища, найдены тела двух моих помощников. Моих, а не Родригеса. Так над кем должно висеть подозрение?

— Над Родригесом, умело обставившим место преступления.

Коэн откинулся на спинку стула, его блеклые губы тронула едва заметная улыбка. Создалось впечатление, что он наконец услышал именно то, что больше всего хотел услышать.

— Мне нравится ход ваших мыслей, детектив, но согласны ли с вами ваши коллеги? Им все равно, кого упрятать за решетку, меня или Родригеса. Мы оба — отличная мишень.

— Мои коллеги согласятся. — заверил его Фергюсон. — Конечно, если вы мне поможете убедить их.

— Интересно, как? Прийти в участок и объявить, что я ни в чем не виноват?

— Нет. Я расскажу вам, что нужно сделать. Но прежде продемонстрирую обещанное фото. Это должно настроить вас... на нужный лад.

Детектив выложил на стол фотографию. Ее Коэн в руки брать не стал, более того, смотрел на нее почти со страхом. Фергюсону даже почудилось, что он вот-вот заплачет.

"Может и заплачет. Потом, когда никого поблизости не будет. Лишь в глупых фильмах зло абсолютно, а добро светлее небесной белизны. Реальная жизнь полна полутонов."

— Что с ней сделали? Утопили, да? — дрогнувшим голосом спросил Коэн. Он сделал еще один глоток вина.

— Да. Никаких иных следов насилия, видных невооруженным глазом, не обнаружено. — Фергюсон не торопился убирать фото. Пусть Коэн "дойдет до кондиции". - Сейчас тело обследуют эксперты. Обнаружить отпечатки пальцев на теле, да еще и побывавшим в воде, очень трудно, поэтому нам приходится уделять внимание другим уликам. Например, орудиям, с помощью которых были убиты Скотт Радон и этот ваш Ричи. Пистолет Ричи не засвечен? Из него убивали кого-нибудь?

Коэн покачал головой, по-прежнему не отрывая глаз от фотографии. Взгляд его стал стеклянным.

— Нет, нет. Мои парни, даже самые захудалые, знают основные правила. Все оружие — "одноразовое".

— Хорошо. С ножом все гораздо проще, он было взят прямо в доме. — Фергюсон наконец забрал фотографию и Коэн в тот же миг будто вышел из транса. — Но разобраться, что же на самом деле там случилось, мы будем еще долго.

— О, ну это ничего страшного. — Коэн вновь откинулся на спинку стула. Он следил за тем, как Фергюсон убирает фотографию, словно фокусник, прячущий кролика обратно в шляпу. — Вы можете не торопиться. Ведь убийца не сбежит, у него и мысли такой не возникнет. Он будет тихо-мирно сидеть сложа руки, ожидая, когда же вы его поймаете.

— Возможно, так оно и будет. — серьезно ответил детектив. — Сами подумайте: зачем ему бежать? Он уверен в своей безнаказанности. Ему кажется, что он обставил все как надо. Он словно паук, а мы — мухи, запутавшиеся в его паутине. Вот только он ошибается. Мы не попались в эту сеть.

— Вы лично не попались? — уточнил Коэн. — Или вы говорите за всех полицейских? Ваши коллеги разделяют ваше мнение?

Он надавил на болезненную точку.

— Они его не разделяют, потому что пока еще о нем не знают. — с неохотой признал Фергюсон. — Дело доверили детективу Бриджесу, он считает, что между этими парнями произошла стычка, и именно один из них убил Сару, да и я сам думал так же только что. Вот только он пока не знает, что второй тоже работал на вас. Уверен, это...

— Ооо, детектив Бриджес. — слезящиеся глаза старика загорелись. — Да, я знаю этого человека. Упрямый и не очень умный, на мой взгляд. С ним вам будет очень тяжело, помяните мое слово.

— Не соглашусь. Вы удивитесь тому, с каким трепетом он отнесся к нашей с вами встречи. Все время боялся, что я "не вывезу". Он о вас довольно высокого мнения.

— Да нет же, детектив, все очень даже логично. — Коэн перешел на учительский тон, каким преподаватель объясняет нерадивому ученику, что дважды два — четыре. Фергюсона это лишь раздражало. — Он опасается, что вы меня спугнете... чем-то. Неправильным вопросом, своим поведением, напором или, наоборот, отсутствием оногo. Он думает, что я почти у него в руках. Никогда еще мои люди так не следили. Столько крови, трупов и прочей... мерзости. О таком шансе можно было только мечтать. Ему плевать на справедливость и торжество правосудия. Он лишь хочет записать на свой счет крупное очко — меня. Думаю, после такого повышение ему гарантировано.

Фергюсон нахмурился. Сейчас ему вспоминались все напутствия, которые дал ему Бриджес. Тогда он думал, что напарник лишь беспокоится о нем, но теперь у него возникали совершенно другие мысли. Может, Коэн прав и Бриджес ведет какую-то свою игру?

"Он ведь даже не сказал лейтенанту об этом. О том, что я сейчас здесь, с Коэном, знает только Бриджес."

Похоже, все эти мысли отразились на его лице. Старик рассмеялся и допил свой бокал.

— Вот видите, детектив Фергюсон. Неизвестно еще, кто тут паук, а кто муха.

— Я поговорю с Райаном. — пообещал Фергюсон.

— Неужели? И передадите ему весь наш разговор, слово в слово? Он будет просто счастлив.

— Нет. Я перескажу лишь то, что посчитаю нужным.

Он вновь заглянул в папку. Была еще одна фотография, последняя... самая новая и, возможно, самая важная.

— Я покажу вам кое-что, и потребую от вас объяснений. — холодно сказал детектив. — Помните, что я сказал вам по телефону? Я говорил, что готов пообщаться с вами, если вы еще не натворили глупостей. Вот примерно о таких глупостях и шла речь.

Фергюсон кинул на стол фотографию, на которой была запечатлена та же самая улица, только дом другой — впрочем, очень похожий, отличался лишь цветом крыши и куда более запущенной лужайкой рядом. На дорожке перед домом стояли три человека, причем одного из них Фергюсон знал — Сэм Картер, думается, в отсутствие Скотта он и стал теперь правой рукой Коэна. Картер держал за шиворот какого-то парня с длинными темными волосами — они скрывали его лицо. Сзади шел еще один, высокий и мускулистый, в серой куртке с капюшоном. Он тыкал дулом пистолета в затылок волосатому. Все трое явно направлялись к автомобилю, который целиком в кадр не попал.

— Это фото передали мне всего через час после моего звонка. Мне даже пришлось солгать Бриджесу, будто я опрашиваю соседей, хотя на самом деле я поехал за этой фотографией.

Изборожденное глубокими морщинами лицо Джорджа Коэна сейчас напоминало маску. Он смотрел на фотографию с явной тревогой и детектива это радовало. "Еще немного — он у меня на крючке. — подумал Фергюсон. — И он же поможет мне поймать другую рыбку."

— Вы обнаружили дом, откуда люди Родригеса вели слежку за Сарой? — спросил Коэн.

— Вы сами помогли его обнаружить, вот этой выходкой. — ответил Фергюсон. — Я

оставил в том районе одного фотографа, на всякий случай — не зря ведь говорят, что преступник всегда возвращается на место преступления. Но такого я не ожидал увидеть.

— Это Эдриан, человек Родригеса. — со вздохом пояснил старик. — Я решил, что нужно действовать быстро и жестко. О том, что Сару все таки обнаружили и выявили, где я ее спрятал, я узнал пять дней назад.

— Почему же не спрятали ее в другом месте? И почему вообще решили, что Родригес на нее нацелился? Интуиция?

— Нет, он прислал письмо с угрозой. Вначале я хотел сжечь его, в такой был ярости, но потом решил, что оно может стать важной уликой.

— Станет. — пообещал Фергюсон. — Не сомневайтесь. Но вы не ответили: почему вы сразу не увезли ее?

Коэн сжимал и разжимал кулаки, Фергюсон отчетливо слышал, как похрустывают его кости. Он представил, как эти руки касаются нежной кожи Сары Эллисон и чуть не вздрогнул от отвращения. "Нет. Не мне судить..."

— Я... Я совершил ошибку. — в голосе Коэна причудливо сочетались скорбь и ярость — видимо, направленная на самого себя. — Я думал, что он сделает какой-то предупредительный шаг. В конце концов, он же должен был понимать, что в случае, если с ней что-то случится, я выдам его с потрохами.

— Вы говорите о его фирме по продаже якобы подержанных автомобилей, верно? — уточнил Фергюсон. На всякий случай, дабы в дальнейшем не возникло недопонимания.

— Да. Я устроил "крышу" для одного парня, который работал на Родригеса, но попался на ерунде. Родригесу было плевать, а вот я вытащил паренька. Он в курсе всех махинаций Родригеса, ибо сам принимал в них участие.

— Ясно... — Фергюсону не очень хотелось говорить сейчас на эту тему. Его нынче интересовали другие вопросы. — Так почему же вы не увезли Сару? Вам стало интересно, что же теперь сделает Родригес? Продолжит партию или будет и дальше ждать? Хотели поймать его, используя девушку, как наживку?

Коэн сморщился от такой формулировки, но Фергюсону все же показалось, что он попал в точку.

— Я уже сказал. Я ошибся в расчетах. Я и понятия не имел, что так рискую, что так подставляю ее...

"Ты все прекрасно знал, старый хрыч. — подумал Фергюсон. От мысли о том, что с этим ублюдком придется заключить союз, на душе у него становилось все гаже. С другой стороны, он знал, что этот день когда-нибудь настанет. — Ты сознательно пошел на этот шаг. Игрушки игрушками, какие бы красивые они ни были, а собственная дряхлая задница тебе дороже."

— Ее охраняли денно и нощно. — продолжил Коэн. Детектив подумал, что он сейчас скорее оправдывается перед самим собой. Еще бы, какое ему дело до мнения какого-то полицейского, которого он видит впервые в жизни? — Ни на минуту она не оставалась одна.

— Ее охранял кто-то из них? — спросил Фергюсон, постучав по папке, куда уже убрал все фотографии. Не нужно было уточнять, о каких именно снимках и людях идет речь.

— Да, они оба. Скотт... я знал, что ему можно доверять, он не подведет. Ричи — как подстраховка. Схема была простая: один находится возле Сары, другой наблюдает со стороны, особое внимание уделяя людям Родригеса, объявившимся в том районе, потом они друг друга сменяют.

— Так значит, один из них находился вместе с Сарой? В доме?

Первый, но очень тревожный червячок сомнения зародился в душе Фергюсона. Что, если он ошибается, а Райан прав? Что, если не нужно искать кого-то "на стороне", и ответ на все вопросы лежит прямо тут, под носом?

— Да, именно так. — кажется, Коэн либо не уловил тревоги в вопросе детектива, либо предпочел ее не заметить. — Она была в безопасности. Не представляю, как Родригес провернул все это и при этом не наследил.

— Он наследил. — возразил Фергюсон. — Три трупа вместо одного — это перебор, разве нет?

"Четыре трупа."- мысленно поправил себя детектив, вспомнив последнюю информацию, полученную от Бриджеса, и червячок сомнения громко рыгнул.

— Перебор, но не для Джерико Родригеса. — сказал Коэн. При этом в голосе его сейчас не чувствовалось неприязни или осуждения, он будто одобрял подобные действия. Видимо, не выветрились еще из памяти те времена, когда они были друзьями и партнерами. — Думаю, он хорошо наградил своего киллера. Тот ведь, можно сказать, перевыполнил план.

— Ну хорошо. Давайте вновь поговорим об этом фото. Вы поймали одного из людей Родригеса — шпиона, судя по всему. Поправьте меня, если я ошибаюсь: в организациях, вроде тех, которыми управляете вы и Родригес, действует своя иерархия, как в муравьиной колонии. Есть рабочие — простые труженики, собирающие информацию и выполняющие не самые ответственные поручения. Есть солдаты, которые делают "грязную" работу, защищают территорию, избавляются от неудобных. Ну и матка, куда же без нее.

— Ваше сравнение с муравьями мне нравится. Но я должен поправить вас: никакой организацией я не управляю. Это, если вы позволите так выразиться, клуб по интересам.

Фергюсон едва удержался от смеха. Да, Бриджес был прав: этот старик — тот еще фрукт... вернее, сухофрукт. Он будто экзотический зверь, поведение которого невозможно предугадать. И ты сам не понимаешь: ты загоняешь его в ловушку, или он тебя.

— Ах вот оно что, клуб по интересам. Ну это в корне меняет дело, к вам никаких претензий, мистер Коэн.

— Вам это кажется смешным, но я говорю вполне искренне. — пожал плечами старик. — Да, я поймал шпиона — вполне очевидно, что напрямую к смерти Сары он непричастен. Но он наблюдал, он, по его собственному признанию, отправлял диски с отснятым материалом... было бы странно, если я бы не обратил на него внимания.

— И что вы сделали с ним? — уже без тени веселья спросил Фергюсон. — В какой канаве мне теперь искать его выпотрошенный труп?

— Во-первых, я не потрошил его. Несколько выбитых зубов, не более. — отмахнулся Коэн. — Во-вторых, он жив, я отпустил его, когда понял, что ничего от него не узнаю. Родригес умен, он не только держит своих людей в железном кулаке, но и строго дозирует информацию для них. Каждый знает лишь то, что необходимо знать для успешного выполнения поставленной перед ним задачи.

— Вы с ним точно враждуете? — усомнился детектив. — Глядя на то, как вы о нем говорите, у меня создается впечатление, что вы как старые супруги, поссорившиеся из-за комочка в манной каше.

— Я не испытывал к нему ненависти, если вам это интересно. До сегодняшнего дня, разумеется. Разве вы ненавидите противника, с которым играете в шахматы?

— Так вот, что это для вас такое? Льется кровь, гибнут люди, а вы просто... сидите и

играете, и вам на все плевать. Пешкой больше, пешкой меньше — не имеет значения, пока король в безопасности.

— Люди благополучно гибнут и без моего участия, детектив. Не стоит вешать всех собак на меня. Вы знаете, я верю в судьбу. Я верю, что каждому в жизни предначертана своя роль. Я — преступник, вы — страж порядка. Но как забавно выходит... почему же на мне нет наручников?

Они буравили друг друга взглядами, словно герои вестерна, встретившиеся на одной из пыльных дорог Дикого Запада. Фергюсон первым нарушил молчание.

— Как бы глупо это ни звучало, вы должны поклясться, что с этим человеком все нормально. Иначе я не смогу вести с вами никаких дел.

Коэн развел руками, как бы говоря: "ну, если уж без этого нельзя..."

— Хорошо, детектив, я клянусь вам: он жив. После нескольких часов допроса с пристрастием я отпустил его.

— Очень надеюсь, что так оно и есть. — отрывисто произнес Фергюсон. — А фотографию вы можете оставить себе, это копия. Повесьте ее в рамку, пусть служит напоминанием о заключенном нами договоре.

— С удовольствием, но вначале хотелось бы услышать детали этого самого договора. Откуда вы знаете, что я соглашусь?

Детектив улыбнулся.

— Он вам понравится. Я в этом не сомневаюсь.

Наконец-то этот неприлично длинный, заполненный кровью и трупами день клонился к закату. Детектив Райан Бриджес наблюдал за его кончиной через окно ресторана и думал: может, менее суток назад именно здесь, на этом самом месте сидела и Сара Эллисон, еще не подозревающая, что ее ждет впереди.

Тут собралось прилично народу. Бриджес сидел, попивая кофе, и следил за теми, кто уходил и приходил, приглядываясь к каждому: не мелькнет ли знакомое лицо? Кофе, к слову, он заказал специально, из принципа, и обнаружил, что он не так уж плох. Видимо, с тех пор, как тут побывал Фергюсон, кое-что все-таки изменилось в лучшую сторону.

Последний луч алого солнца мелькнул над крышей водохранилища и исчез, словно игриво подмигнув на прощание. Розовато-желтая полоска неба над ним медленно, но верно, начинала темнеть, становясь однотонной.

Допив кофе, Бриджес вновь подзвал к себе официанта, но в этот раз уже для разговора. Он отмечал, что служащие подобных заведений идут на контакт чуть более охотно, если ты что-нибудь закажешь или купишь.

Официантом был молодой парень лет двадцати пяти, в красно-белой одежде и с зализанными назад, видимо, уложенными гелем волосами. Бриджес продемонстрировал ему свое удостоверение.

— Я детектив Бриджес. Хотел бы задать вам пару вопросов.

На лице молодого человека отразилась легкая тревога.

— Я... э-э... сейчас довольно много посетителей...

— Ничего, вас кто-нибудь подменит. Это очень, очень важно. Присядьте, пожалуйста.

Официанта звали Роберт Смит, он работал в этом ресторане примерно полгода. Бриджес задумался о том, не слишком ли это малый срок — ведь он хотел расспросить его не только о вчерашнем дне, но и о том, что было раньше.

— Вы ведь работали в прошлую ночь, верно?

— Да, работал.

Бриджес показал ему фотографию Сары Эллисон. К счастью, его уже снабдили другой, нормальной фотографией, где Сара была жива — негоже повсюду светить снимками трупа, это может помешать расследованию.

— Вы видели здесь ее?

Смит взял фотографию в руки и рассматривал ее почти минуту.

— Да, видел. — сказал он наконец. — Она просидела тут довольно долго. Поначалу одна, но потом к ней подошел молодой человек. Она была вот там.

Официант указал на столик, располагавшийся слева от того, где сел детектив. "Что ж, — подумал Бриджес. — почти угадал."

— Молодой человек? Вот этот? — он показал фотографию Скотта Радона, первого помощника Джорджа Коэна.

— Да, он самый. — его фото Смит рассматривал не так долго. — Пришел около полуночи, если не ошибаюсь. Вначале они говорили тихо и мирно, заказали несколько недорогих блюд, но потом что-то произошло...

— Что именно?

— Они поссорились. Говорили на повышенных тонах, но не кричали, так что я не мог

расслышать издалека. Да и вообще... — парень вдруг покраснел до корней волос. — это как-то не в моей привычке — подслушивать, о чем говорят посетители.

— Конечно, сэр. Я уверен, что вы не подслушивали. — своим самым мягким, самым успокаивающим голосом сказал Бриджес. — Но все-таки... вы ведь расслышали что-то, я прав? Хотя что-нибудь.

Официант огляделся, словно опасаясь, что их самих могут сейчас подслушивать. Бриджес невольно задумался: первый ли он сегодня, кто задает этому парню такие вопросы? Не приходил ли кто-то сюда раньше, не припугнул ли его?

— Да, кое-что я услышал. — ответил Смит, нервно облизнув губы. — Они говорили о каком-то враче. Вернее, парень говорил. Но я не понял, о каком именно...

— Что конкретно он сказал?

— Что врач потребует денег, и возможно немало. Он сказал: "Провернуть такое будет непросто. Нам придется дать кучу взяток, чтобы они сделали это и не пикнули." Как-то так. Я как раз проходил мимо с большим подносом. — в голосе официанта звучало смущение. — Пришлось идти медленно, потому и услышал все это. Но больше не подслушивал.

Бриджес сделал пометку в блокноте: "Врач. Радон сказал, потребуются деньги. Хотели что-то сделать."

— А что случилось? — словно только сейчас опомнившись, спросил Смит. — С этой девушкой приключилась беда? Это про нее говорили по телеку? Я слышал в дневных новостях. Убийство, и вроде бы даже не одно, а сразу несколько.

— Я не могу вам об этом рассказать. — вздохнул Бриджес. — По крайней мере, на этом этапе. Однако ваши показания могут сильно помочь следствию. Расскажите, что было дальше. Они ругались, говорили на повышенных тонах. Что случилось потом?

— Девушка взяла сумку, сказала что-то напоследок и побрела к выходу. — официант смотрел в сторону прозрачных дверей, явно пытаясь вспомнить все детали вчерашней ночи. — Парень поначалу сидел на месте, и вид у него был такой... знаете, будто его распирает от ярости.

— Похоже было, что он взбешен, да?

— О да. Потом он вскочил и бросился следом. Кажется, уже на выходе схватил ее за руку, но она вырвалась. Вроде бы села в машину, но я не уверен, двери в тот момент закрылись.

— В такси?

— Да, вероятно.

Пока все шло хорошо. Показания двух свидетелей, таксиста и официанта, идеально друг друга дополняли, ни в чем не противореча.

— Он не вернулся внутрь? — спросил Бриджес.

— Нет. Перед тем, как пойти за ней, он оставил деньги на столе. Куда он двинулся дальше, я не знаю.

— Хорошо... Вы сказали, что работаете здесь полгода. Вы видели эту девушку или этого мужчину раньше?

Бриджес задал этот вопрос безо всякой надежды, словно бросил монетку в фонтан, но к его удивлению, официант кивнул.

— Да, видел. Раза три как минимум. Может, она ходила сюда и раньше, до того, как я тут появился.

— Она ходила одна или у нее был спутник?

— Она приходила с женщиной гораздо старше ее. Ему лет семьдесят было, мне кажется. Они всегда беседовали тихо, так что об их разговорах я ничего вам рассказать не могу. Думаю, это ее отец, а может и бабушка...

Вот в этом Бриджес сильно сомневался. У него уже появились подозрения насчет того, кем может быть это пожилой мужчина.

— Тот господин бронировал столики?

— Этого я не знаю, господин полицейский. Возможно, вам лучше поговорить с администрацией...

Бриджес поговорил бы, если бы не считал это пустой тратой времени. Можно не сомневаться: если Джордж Коэн и бронировал столики, делал он это не сам.

— А что насчет оплаты?

— Не понял?

— Он платил наличными или пользовался карточкой?

Конечно, едва ли Коэн "засветил" бы свою личную, но это и не важно: сам факт оплаты мог бы где-то сохраниться.

— Наличными, всегда наличными.

Бриджес слегка приуныл. Конечно, этому не было причин, он и так узнал от этого парня много интересного. И все же хотелось еще...

— Ну что ж... — по традиции он протянул свою самодельную визитку. — Спасибо вам за помощь, мистер Смит. Если вдруг вспомните что-то еще, звоните в любое время.

Он покинул ресторан быстрым шагом, словно опасаясь слежки, и сел в свою машину. В голове роилось много мыслей, много идей, и беда в том, что не было среди них откровенно бредовых. Некоторые отличались друг от друга всего одной маленькой деталью, но эта деталь меняла все.

"Провернуть такое будет непросто. Нам придется дать кучу взяток..."

О чем же говорил Скотт Радон?

Бриджес достал телефон, его палец застыл над номером Стива Фергюсона. Рассказать ему? Нет, стоит подождать. Возможно, он еще на встрече с Коэном.

Детектив сидел, постукивая пальцем по рулю и глядя на стеклянные дверцы ресторана. Но вспоминались ему совсем другие, металлические, с маленькими квадратными оконцами наверху.

"Дело в том, что девушка... Она была беременна. — раздался в ушах Бриджеса голос патологоанатома Кронвуда. — Месяца полтора, плюс-минус неделя."

"Провернуть такое будет непросто..."

Сара Эллисон собиралась сделать аборт. Но так, чтобы ни одна живая душа об этом не узнала.

Утро нового дня встретило Сэма Картера новым приказом босса: нужно было поговорить с человеком, который явно позабыл о своих совсем простеньких обязанностях.

Когда уже Сэм шнуровал свои высокие сапоги, его напарник, которого босс решил отправить на это дело вместе с ним, Джонни Гудман, еще только чистил зубы.

— Ты чего долго возишься? — рявкнул Сэм из гостиной. — Ты как баба, черт тебя дери!

Джонни едва ли мог слышать его из-за шума воды. Появившись наконец на лестнице, он будто с удивлением воззрился на Сэма.

— Ты уже? Блин, хоть предупредил бы...

Сэму ужасно хотелось пустить пулю ему в лоб — а потом и себе, ибо в мире, населенном сплошными идиотами, жизнь была просто невыносима. Джонни оделся наспех, даже не заправил свою светло-розовую рубашку в брюки.

— Ты похож на Кена в ней. Ты знаешь об этом?

— Не ври. Кен не одевался в розовое, это Барби.

— В таком случае все еще хуже, догоняешь?

Но нет, Джонни не догонял. Сэму казалось, что он почти слышал, как натужно и медленно, со скрипом, вертятся шестеренки в его лысоватой голове.

Половину пути они проехали молча, но потом Джонни разразился тирадой по поводу придурков, которые паркуются не так, как надо. Сэм слушал и жалел, что в реальной жизни невозможно применить регулятор громкости.

С особой осторожностью, дабы не привлекать внимания полицейских, которые, возможно, до сих пор где-то неподалеку околачиваются, Сэм проехал мимо дома, обклеенного полицейской лентой.

— Вот черт. — Джонни перешел почти на шепот, будто оказался в библиотеке или каком-то святилище. — Так это все здесь случилось, да? Прямо в доме?

— Да. — буркнул Сэм. Впереди он уже видел свою цель и притормозил.

— Я видел эту девчонку издали, красивая была. — Сэм надеялся, что Джонни заткнется, но тот лишь нашел новую тему для болтовни. — Босс сильно убивается по ней?

— Сильно.

— Слушай, меня всегда интересовало... — Джонни попытался изобразить притворное смущение. — как они с ней... ну, ты понимаешь. Нет, любовь и все дела это святое, но в постели то, как они... ему же семьдесят лет...

— Я не знаю. — машина остановилась перед "Магазинчиком Бобби Роула". Сэм ухватился за рукоять пистолета и огляделся по сторонам. В этот ранний час улица была довольно пустынна.

— У него вообще... стоит? — продолжал свои бредни Джонни. — Он какие-то капли пьет, или таблетки, да? Мой дядя пил, а ведь ему было всего сорок.

— Может, сам спросишь босса об этом? — предложил Сэм.

Джонни разом побледнел и помотал головой так сильно, что она того и гляди грозила отвалиться.

— Не. Ты что. Я же не совсем... Я думал, вдруг ты знаешь.

— Откуда мне знать такое? Вылезай, хватит трепаться.

Солнце, яркое, хоть пока и не очень теплое, ударило по глазам. Джонни напялил

бейсболку, а Сэм шел, приложив ладонь ко лбу козырьком.

Джонни вошел в магазин первым. Над входом слабо звякнул колокольчик. Оказавшись внутри, Сэм перевернул табличку на двери: было "открыто", стало "закрыто".

— Эй! — крикнул Джонни. — Есть тут кто?

Бобби Роул торговал в своем магазинчике всем понемногу. Тут были и продукты, свежесть которых порой вызывала сомнения, и книги, и журналы, в том числе откровенного содержания, и фильмы — кроме прочего, опять таки, и "взрослой категории", правда ими Бобби торговал "из-под полы". На прилавке развалилась целая россыпь всяких разных полезных и не очень вещей.

— Эй! — вновь закричал Джонни, но Сэм положил руку ему на плечо, призывая к молчанию, то есть к состоянию, мало знакомому этому джентльмену. Не хватало еще, чтобы Бобби узнал его голос и сбежал через другую дверь.

— Иду, иду!

Вот и Бобби, точно такой же пузатый, потный и низкорослый, как и прежде. Может, это Сэму показалось, но вроде бы седых волосков на его лысеющей голове прибавилось с момента их последней встречи. На носу — круглые, как он сам, очки, а щеки трясутся, на каждом шагу, словно желе.

— Я уже тут, простите за...

Бобби не только умолк на полуслове, он весь, целиком словно застыл, будто его поставили на паузу. Выйдя из оцепенения, он тихонько ойкнул и чуть не упал, споткнувшись о низкий порог.

— О, господа Картер и Гудман... — его тонкий голос напоминал мышинный писк. Того и гляди сорвется на фальцет. — Очень, очень рад вас видеть...

Но его разом побледневшее лицо и бегающие, словно у загнанного зверя глаза говорили об обратном. Сэм небрежно облокотился о прилавок, чуть не смахнув кофейную чашку, и как бы невзначай продемонстрировал висящую на ремне кобуру.

— Привет, Бобби. Как жизнь? Бизнес процветает?

— П-понемногу. — страшно волнуясь, продавец начинал заикаться. — А у вас как... э-э... дела?

Джонни собирался что-то вякнуть, но Сэм знаком остановил его. Не стоит идти в наступление раньше времени.

— А у нас все скверно, Бобби, реально скверно. Можно сказать, черная полоса в жизни.

Глаза Бобби перебежали с лица Сэма на угрюмого — из-за того, что ему не дают высказаться — Джонни, и обратно, словно он не знал, от кого ожидать удара. Но раз он знал, что удар последует, значит как минимум ощущал свою вину.

— Очень жаль. — промямлил Бобби. — Я надеюсь, все устаканится.

— Да, я тоже надеюсь на это. — чуть громче сказал Сэм и бедняга вздрогнул, словно по его телу пробежал ток. — Жаль только, вокруг так много идиотов. Представь: с тобой приключилась какая-то беда, серьезная беда, из которой тебе в одиночку не выпутаться, ты надеешься на чью-то помощь... но не получаешь ее. Потому что тебя окружают одни идиоты. Неприятно, правда?

— Не то слово. — голос Бобби стал уже таким тонким, что казалось, он вот-вот перейдет на ультразвук, и тогда его уже точно никто не поймет.

Сэм помолчал, изучая его круглое лицо.

— Ты ведь с детства толстый, да?

— Что? — Бобби, видимо, ожидал какого-то другого вопроса. — Аа... да, сэр. Такая... э-э... конституция организма.

— Дразнили небось в детстве?

— Да, бывало.

Джонни, похоже, заскучал. Он с явным раздражением поглядывал на своего напарника, который невесть зачем начал светскую беседу.

— Рыжим тоже непросто. — сказал Сэм. — Особенно, когда вся рожа в веснушках. Ощущаешь себя каким-то... инопланетным чудовищем. Чем я только ни мазался, чтобы вывести их... ничего не помогало.

Он вновь помолчал, ожидая какой-то реакции. Но Бобби, видимо, тоже не понимал, к чему он ведет.

— Но как бы тяжело тебе ни было, порой ты встречаешь людей, которые готовы тебе помочь. Ты встретил такого человека, не так ли? Мой босс выкупил для тебя этот магазин и теперь ты здесь — хозяин-барин. А в обмен попросил лишь об одной маленькой, крошечной услуге.

Пот уже градом тек по лицу Бобби. Подмышками расплывались темные пятна, а щеки залил нездоровый румянец.

— Я... я ничего не сделал, сэр. Я не подвел мистера Коэна. Клянусь, я ничего не...

— Ты отдал видеозапись. — перебил Сэм. Голос его стал гораздо жестче, глаза полыхнули недобрый огнем. — Сюда приходил коп и ты отдал видео ему. Установка камеры была единственным условием, Бобби. Ты устанавливаешь камеры, пересылаешь отснятое нам — и все. Больше ничего от тебя не требовалось. Но даже тут ты умудрился обосраться, дружище.

В маленьких глазках Бобби, многократно, впрочем, увеличенных толстыми линзами очков, заблестели слезы.

— Он напугал меня! Сказал, что закроет меня, лишит всего! Потребовал какие-то бумаги, а у меня же их даже нет! Ну что, что я еще мог сделать?

— Позвонить нам. — ответил Сэм. — Именно на такой случай я дал тебе свой личный номер. Думаешь, у многих хмырей вроде тебя есть мой номер? Ты бы позвонил, а я все уладил бы. Нужные бумажки мы напечатали бы за полчаса.

Бобби молчал, кусая губу — не нижнюю, как ни странно, а верхнюю, и выглядело это жутковато и мерзко. Сэму хотелось повторить с ним ту процедуру, что вчера он проделал с человеком Родригеса.

— Но ты решил отделаться от него, просто дав ему то, что ему нужно. — угасшим голосом сказал Сэм. — И это после того, как ты увидел целую кучу полицейских машин почти напротив магазина. Думаешь, они там просто так появились? Решил, полицейские устроили вечеринку?

— Ты обделался, жирдяй! — выкрикнул Джонни.

— Тише. — прошипел Сэм. — Я уверен, Бобби не желал нам зла. Я ведь прав, Бобби?

Продавец активно кивал. Он уже весь стал красным, лицо блестело от пота так сильно, будто на него вылили бутылку масла. Дышал он тяжело, с присвистом, но при этом быстро, его объемная грудь часто поднималась и опускалась.

— Конечно, конечно, сэр... — кажется, он уже задыхался. — У меня и в мыслях не было... я никогда...

— И все же ты разочаровал меня. — мягко сказал Сэм. — Разочаровал босса. Всех нас

разочаровал.

Он не сразу понял, что произошло дальше — все случилось слишком быстро. Бобби сделал какое-то движение, его рука исчезла под столом, он слегка склонился, все так же со страхом глядя на незваных гостей, и в тот же миг прогремел выстрел.

Воздух наполнился запахом пороха, а через пару мгновений — и крови. Рубашка Бобби темнела, под ней словно раскрывались лепестки большого алого цветка. Рот толстяка открылся, но он не издал ни звука и медленно, даже почти грациозно для такого грузного тела, опустился на пол. Ослабевшей рукой он зацепился за табуретку, уставленную какими-то безделушками, та покачнулась, но каким-то чудом не упала.

Сэм повернулся к своему напарнику, который так и не опустил пистолета. Джонни, кажется, и сам не до конца понимал, что сделал.

— Какого черта, мать твою?! Ты охренел совсем? — обрушился на него Сэм. — Да что с тобой такое?! Больной?

Джонни шумно сглотнул и, будто выйдя из оцепенения, опустил оружие.

— Я... Я убил его, да? — спросил он тихим и тонким, почти как у самого Бобби недавно, голосом.

— Естественно, ты убил его! Нахрена ты это сделал? Ты совсем debil, Джонни?!

Лицо Джонни превратилось в маску беспросветного ужаса. Он отступил на пару шагов и Сэму даже показалось, что он сейчас сбежит. Если бы он попытался это сделать, Сэм пристрелил бы его на месте.

— Ты же видел, да? Он тянулся к оружию. У него там в столе что-то...

Сэм едва удержался от стога. Только что он прочел бедняге Бобби лекцию о идиотах, но чем он лучше, если позволил себя окружить такими же придурками?

— Ты debil, Джонни. Ты просто конченный придурок.

— Он тянулся к оружию! — настаивал Джонни. Его голос стал крепче, но в нем звучала обида. Лицо блестело от пота, как у Бобби. — У него там пушка в столе. Ты же сам видел, как он наклонился!

Чуть не плюнув от досады, Сэм вытащил из кармана медицинские перчатки, которые всегда на всякий случай таскал с собой, надел их, отодвинул тонкую заслонку, отделявшую прилавок, и оказался рядом с Бобби. Толстяк умер, видимо, еще до того, как упал. Выстрел Джонни был удивительно точен, пуля попала прямо в сердце. Голубая рубашка стала красной, очки при падении свалились и лежали теперь рядом, но не разбились. Взгляд пустых глаз устремился вверх и был обращен прямо на медленно вращающийся под потолком вентилятор.

— Ты debil, Джонни. — повторил Сэм, словно это могло как-то успокоить или помочь. Он наклонился и увидел небольшое отверстие в столе, почти пустое. Там был всего один предмет — его Сэм достал и выложил на стол. — Вот что ему было нужно.

Джонни смотрел, прищурившись, и будто бы не до конца понимал, что видит. Мысленно еще раз назвав его debilом, Сэм пояснил:

— Это гребаный ингалятор! У толстяка астма. Ты видел, как он задыхался? К ингалятору он тянулся. Джонни, мать твою...

А Джонни, кажется, был на грани слез.

— Ну откуда я мог знать?! Я думал, у него там ствол! Я за наши с тобой задницы переживал, между прочим!

— Если бы ты переживал за наши задницы, то хоть иногда включал бы мозги! Какой же

ты идиот. Боже мой, какой ты идиот...

Хотелось выть от ярости. Сэм мерил шагами небольшой проход, и взгляд его вновь и вновь возвращался к телу Бобби, под которым уже расплывалась кровавая лужа.

— Нужно звонить боссу. — сказал он наконец.

Джонни, сильно покрасневший от стыда, разом побледнел и заскулил, как щенок.

— Боссу? Сэм, да перестань... давай просто уйдем и все... Никто не видел, что мы сюда вошли, все будет нормально...

Но Сэм был непреклонен, он уже достал телефон и протянул его Джонни.

— На. Ты будешь звонить. Ты обо всем расскажешь.

У Джонни тут же стало такое лицо, словно Сэм прямо сейчас, без суда и следствия, приговорил его к какой-то особо жестокой смертной казни.

— Чего? Я?! Ты с ума сошел, он же убьет меня!

— Если убьет, значит такова твоя судьба. Давай же, Джонни! Он оценит, что ты сам ему сообщил. Ты облажался, ты и отчитывайся.

Осторожно, кончиками пальцев, словно Сэм дал ему какого-то опасного зверя, Джонни взял телефон и нажал кнопку вызова.

Некоторое время ничего не происходило, он молчал, слушая гудки. Сэм подошел к окну и занавесил его — снаружи едва ли можно что-то разглядеть, но осторожность лишней не будет. Потом он проверил дверь, убедился, что сменил табличку "открыто" на "закрыто".

— Босс? Это Джонни. Джонни Гудман. Вы отправили меня вместе с Сэмом к тому торгашу.

Сэм взял веник и подмел с пола практически несуществующие пылинки. Джонни тем временем стоял, прижав телефон к уху с такой силой, что оно покраснело, и переминался с ноги на ногу, словно хотел в туалет. Может, так оно и было.

— Я звоню, потому что мы... — тут он поймал взгляд Сэма. — вернее я... я облажался. Сильно облажался.

Джонни стал покачиваться на пятках, взгляд его был как никогда серьезен. Может, хоть разговор с боссом выбьет из него дурь... впрочем, на это надежды мало. Таких, как Джонни, жизнь вообще ничему не учит. Ричи был таким же... может потому и лежит сейчас где-то в морге, под надзором полицейских.

— Нет, мы с ним говорили, вернее, Сэм говорил, и в какой-то момент нам, вернее, мне показалось, что он хочет достать пушку. В общем я слегка перестарался... — голос Джонни сильно подрагивал. Сэму даже стало бы его жалко, если бы не все хлопоты и возможные проблемы, которые он навлек на них своей глупостью. — Я его это... сделал вещь на букву "у".

Сэм чуть не расхохотался. Бедняга Джонни, похоже, ему сейчас совсем хреново.

— Да, босс. Это самое. Что? Нет, никаких свидетелей. Я знаю, что сплупил. Я все испортил, босс, простите...

Если бы он заплакал, можно было бы составлять завещание. Такого Джордж Коэн точно не потерпел бы. Сэм сделал ему знак: провел ладонью по щеке, словно вытирая слезы, а потом чиркнул большим пальцем по шее. Джонни вздрогнул и кивнул.

— Что нам теперь делать, босс?

Джонни замолчал и стал слушать. Сэм тем временем мерил шагами помещение, стараясь не обращать внимания на запах крови, который становился все настойчивее. Почему он почти не ощущал его вчера, когда рвал зубы этому мексикашке? А может и

ощущал, но наоборот, упивался им.

Наконец Джонни сказал:

— Я понял. Мы все сделаем. Спасибо, босс.

Он отдал телефон Сэму и тот заметил, как сильно дрожит его рука.

— Ну, что он сказал?

— Сказал, чтобы мы инсценировали ограбление. Возможно, это поможет хоть немного.

Сэм чуть не выругался. Можно было и не звонить шефу за таким советом — он бы и сам догадался устроить такое. Видимо, даже у Джорджа Коэна бывает кризис идей.

— Ладно, приступим. — он вернулся за прилавок и открыл кассовый аппарат. Как он и ожидал, там валялись лишь несколько мятых купюр и пара монет. В этот ранний час касса просто не могла заполниться... впрочем, Сэм подозревал, что полной она вовсе не бывает, Бобби работал на чистом энтузиазме... и спонсорстве Коэна.

Сэм забрал деньги, небрежно запихав их в карманы, и оставил кассовый аппарат открытым. Потом смахнул на пол кофейную кружку и та раскололась на три части.

— Ты что делаешь? — вздрогнул Джонни.

— Создаю иллюзию борьбы. Покопайся вон в том шкафу, перевероши там все. Чтобы казалось, что ты там что-то искал.

Джонни подчинился, ничего другого ему сейчас и не оставалось. Сэм открыл дверь, ведущую в подсобное помещение — оттуда и явился продавец, когда они пришли. Там было довольно темно, пыльно и пахло плесенью. В самом центре маленькой комнаты стоял компьютер, который транслировал черно-белую картинку, получаемую с камеры снаружи. К нему Сэм и направился.

Он отмотал запись на двадцать минут назад и увидел самого себя с Джонни. Причем лицо Джонни терялось в тени, которую дарила бейсболка, а вот Сэма было видно даже слишком хорошо. С удовлетворением кивнув, он отключил запись и извлек лишь на треть заполненный диск.

Он вернулся в торговый зал. Джонни был верен себе и продолжал чудить: рассыпал по полу томаты, разбросал консервы, даже пролил немного молока.

— Ты серьезно? Думаешь, грабители ворвались бы сюда, чтобы завтрак себе сварганить?

Джонни пожал плечами и прекратил свое идиотское занятие.

— Пошли. — Сэм бросил последний взгляд на мертвого продавца. — Нам тут больше нечего делать.

— Сколько еще ждать отчета экспертов?

— Думаю, пару дней. А может и дольше.

Бриджес и Фергюсон сидели на подоконнике в коридоре второго этажа. Косой луч солнца будто бы поджигал здание полицейского участка, его окна горели оранжевым и красным пламенем.

Бриджес пил кофе, уже третью чашку за сегодня — в последнее время совсем не ощущал былой бодрости, независимо от того, в какое время пришлось просыпаться, а Фергюсон довольствовался чаем.

— Считаешь, это Скотт убил ее? — спросил Фергюсон.

— У него был мотив. — ответил Бриджес. — Вероятно, она от него забеременела, но разве могла она рассказать об этом Коэну? Вот и решила сделать аборт, а это стоит денег, да еще и скрыть ото всех нужно. А Скотт опасался, что ничего не выйдет.

Фергюсон выглядел мрачнее тучи. Почему-то Бриджесу казалось, что он стал таким именно после его рассказа о вчерашней беседе с официантом. До этого у него было довольно приподнятое настроение.

"Наверное, уже выстроил какую-то свою версию. — решил Бриджес. — А новые показания все испортили."

— Мне кажется, тут замешан кто-то еще. — сказал Фергюсон. Он смотрел в окно, наблюдая за тем, как патрульная машина выезжает со стоянки. — Меня не покидает чувство, что нас очень умело водят за нос. Преступник сделал все для того, чтобы мы как можно быстрее закрыли это дело.

Бриджес пожал плечами и чуть не расплескал кофе.

— Все может быть. Но брать убийцу из воздуха, не имея понятия, кто он такой и каковы его мотивы, сейчас было бы не очень разумно. У нас есть два парня, оба бандиты, и одна девушка, вероятно, будущая невеста Коэна, но беременная от одного из них.

— Я не верю что этот Ричи застрелил Радона. — упрямылся Фергюсон. — Какой у него мотив? Они же оба работали на Коэна.

— Да нет же, все сходится. Ричи пристрелил Скотта, застав его на месте преступления. Помнишь кровь в ванной? Наверное, он увидел, как Скотт ее топил, и тут же выстрелил.

Фергюсон молчал, явно погруженный в свои мысли. "Ты что-то мне недоговариваешь, Стив. — подумал Бриджес. — Что-то пытаешься скрыть. Но зачем?"

— Так значит, во время вашей беседы Коэн даже не обмолвился насчет Сары? — небрежно, как бы между делом уточнил детектив. — И когда ты показал ее фотографию, притворился, что не знает?

Фергюсон кивнул, все так же глядя в окно.

— Да, я же рассказал. Я надеялся, что хотя бы он что-то прояснит, но не тут-то было. Узнал лишь Скотта и Ричи. И сам как будто бы не меньше нашего удивился: почему они оба оказались в том доме и поубивали друг друга? Хорошо хоть, твой официант оказался куда более честным парнем.

— Да... — согласился Бриджес, внимательно глядя на напарника. — Хорошо... Если экспертиза не выявит ничьих посторонних следов, дело можно будет закрыть. А Коэна придется вызвать уже на официальный допрос, пусть расскажет о своих отношениях с этой

девчонкой.

— Рано закрывать. — буркнул Фергюсон. — Я точно говорю: тут что-то не так. Помнишь, о чем говорил лейтенант? Коэн копал под Родригеса. Хотел уличить его в том, что тот не платит налоги со своих проданных якобы подержанных, по бумагам, но на самом деле почти новых тачек. Не думаю, что Родригесу это нравилось.

Бриджес уже думал об этом, крепко думал, но решил, что эта версия ему совсем не нравится: слишком громоздкая, сложная, даже потенциально опасная. Если Родригес поймет, что полиция взялась за него, трупов может стать гораздо больше.

— Ты предполагаешь, что Родригес угрожал Коэну убийством Сары?

— Почти уверен. Но помни, что все опирается в слова твоего свидетеля, не моего.

Тут Фергюсон был прав. И все же он чувствовал: официант сказал правду, и он на данный момент — самый важный свидетель.

— Если понадобится, мы вызовем "моего свидетеля" в суд. — сказал Бриджес. — Вот только кого судить? Труп Радона? Дело, за которое мы взялись, можно закрыть за пару дней... а можно растянуть на много месяцев, строя новые, все более неправдоподобные версии. Лично мне первый вариант больше по душе. А уж если Коэн сам подтвердит, что у него были отношения с Сарой...

— Он не подтвердит. — помотал головой Фергюсон. — Не здесь, не под запись, а может и нигде. Тень ляжет на него самого. Моя версия о том, что в деле замешан кто-то еще, лишь укрепитя, но этим "кем-то" станет сам Коэн.

— Я знаю, о чем ты. — Бриджес уже и сам об этом думал. — Старикан узнал, что девица ему изменяет с первым помощником, и приказал этому своему Ричи прикончить обоих. Но тут слишком много загвоздок, и самая главная — наличие крови Скотта в ванной. Почему он оказался там, так близко к мертвой Саре? А ничьих других следов, кроме его, там нет.

— Ты меня удивляешь, Райан. — усмехнулся Фергюсон. — Ты знаешь, кто в нашем вчерашнем разговоре вызывал у Коэна опасения? Ты. Именно ты, даже не Родригес, возможно, вышедший на тропу войны. Ему кажется, что ты хочешь поймать рыбку покрупнее, чем Скотт. Неужели он ошибся? Где же быллой азарт?

Бриджес пожал плечами. С утра пораньше начинала болеть голова, у него было еще полно дел, а на пустопорожнюю болтовню времени совсем не оставалось.

— Растерял за годы, наверное. Прижать Коэна к стенке было бы пределом мечтаний для любого человека в этом здании, от начальника полиции до уборщицы. Но неужели ты думаешь, что он позволит? Поговори лучше с экспертами, пусть поторопятся, а я осмотрю дом Радона — мне только что скинули координаты.

Ему показалось или на лице Фергюсона действительно промелькнула тревога? Всего на миг, будто тень от вороньего крыла.

— Как скажешь. Но я не думаю, что Радон мог хранить там что-то важное. Я бы разрабатывал версию с Родригесом.

Бриджес уже не слушал. Ощущение, что напарник что-то недоговаривает, усиливалось с каждой минутой и он хотел окончить разговор, пока оно не переросло в паранойю. Нет, глупо полагать, что Стив замешан в чем-то дурном или имеет какие-то собственные виды на это дело. Их обоих заботит лишь одно — желание засадить за решетку виновного. Если он жив, конечно. И даже если у Фергюсона есть какая-то своя версия — что ж, это хорошо, пусть разрабатывает. Вдруг она окажется верной?

Квартирка, где обитал Скотт Радон, располагалась в трехэтажном здании в самом центре города. Дом был явно старый, с первого взгляда могло показаться, что тут вообще никто не живет, однако на парковке стояли машины, а на подоконниках некоторых окон можно было увидеть комнатные растения. Бриджес остановился, немного не доехав до дома, дабы не привлекать лишнего внимания. Он пошел спокойным прогулочным шагом, а уже у самой дорожки, ведущей к крыльцу, как бы случайно свернул и направился к простой деревянной двери, обклеенной рекламой.

Ни домофона, ни еще каких-либо средств защиты от незваных гостей. Можно не сомневаться: для Скотта квартира в этом доме была чем-то вроде прикрытия, чтобы никто, кроме узкого круга посвященных, ни за что не узнал, кто он на самом деле и на кого работает. Неудивительно, что и полиция нашла ее так быстро.

Бриджес поднялся по выщербленным каменным ступеням на второй этаж и двинулся по пустынному коридору с одинаковыми дверями. Номера на некоторых стали такими тусклыми, что прочесть их не представлялось возможным. Одна из дверей приоткрылась на дюйм, Бриджес успел заметить чей-то глаз, но тут же она вновь захлопнулась. Едва ли тут рады полицейскому. Интересно, а кто-нибудь из соседей Радона в курсе его истинной работы?

Бриджес остановился у двери с номером 19. По его данным, первый помощник Джорджа Коэна обитал именно здесь. Он надел перчатки и дернул на себя дверь — естественно, закрыто.

— Ну ладно... — Бриджес достал специальный нож с целым набором отмычек. Дверь в квартире Скотта была такая же, как у остальных, он не менял ее на металлическую, с мудреным замком, так что отпереть ее оказалось проще простого.

Все оказалось именно так, как Бриджес и полагал — вернее, как полагал Фергюсон, сходу заявивший, что ничего он тут не найдет. Однокомнатная квартира, состоящая лишь из спальни, кухни и пары дверей, одна из которых вела в ванную, а другая в туалет, оказалась стерильно чистой. Тут были кое-какие вещи, но так мало, что создавалось впечатление, будто нынешний жилец только-только начал переезд сюда, взяв лишь самое важное.

Бриджес провел ладонью по аккуратно заправленной и гладкой, без единой примятости постели — на руке осталась пыль. Включил старенький телевизор, но обнаружил, что он не ловит ни одного канала. Но именно тут, в спальне, все-таки обнаружилась одна-единственная вещь, за которую зацепился его взгляд.

Бриджес простоял примерно минуту, издали глядя на эту вещь, пытаясь убедить себя, что она ему не снится. На маленькой подставке возле прикроватной тумбочки стояла статуэтка в виде кошки, судя по всему, деревянная. Кошка была черной, с огромными зелеными глазами, маленькими ушами и очень длинной шеей — все в этой фигурке подчеркивало грациозность этого существа. И именно на шее был повязан синий бантик.

"У той был розовый. На голове."

Бриджес прислонился к стене, мысленно вновь прокручивая события вчерашнего утра, когда он приехал на место преступления. Вот он входит в дом, видит первое тело в луже крови... а краем плаща задевает что-то, какую-то безделушку, которая опасно покачнулась, но все же не упала.

Это была фигурка кошки, точно такая же, лишь с маленьким отличием: бантик у нее был розовый, и повязан не на шее, а на голове.

Кот и кошка.

Бриджес сам не заметил, как губы его растянулись в улыбке. Хорошо... очень хорошо. Лейтенанту это понравится. Фактически, прямое доказательство связи Скотта и Сары. На случай, если показаний официанта оказалось бы недостаточно.

Детектив осторожно сел на край кровати и поднял статуэтку. Она оказалась не слишком тяжелой, но он и не обратил внимания на ее вес: его рука нащупала странную шероховатость внизу.

Он перевернул фигурку. Снизу дерево было так же окрашено черной краской, сквозь которую едва читалась надпись "Сделано в Японии", но там имелась выемка, что-то вроде искусственного отверстия. Бриджес был почти уверен, что изначально у статуэтки не было такой "дыры в заднице", ее сделали позже.

Пришлось снять одну перчатку, чтобы ногтем подцепить узенькую крышку. Наконец он снял ее и взору Бриджеса открылось средних размеров углубление, где что-то слабо поблескивало. Торопливо натянув перчатку, он уцепился за край чего-то гладкого и потянул на себя.

— Джек-пот, мать твою!

Что скажет Фергюсон после такого? Бриджес держал в руке запечатанный в пакет мобильный телефон. Настоящая древность, ретро из мира мобильных, старый "Сименс" с маленьким черно-белым экраном и крупными выпуклыми кнопками, которые легко нажимать даже через пакет — что Скотт наверняка и делал. Бриджес нажал кнопку и экран засветился. В верхней его части горел значок письма. Сердце детектива забилося учащенно. Непрочитанное сообщение!

Немного повозившись, Бриджес отыскал иконку "Сообщения". А сообщение всего одно и оказалось — то самое, непрочитанное. Разумеется, все остальные Скотт удалял сразу после прочтения.

Номер был незнакомый, но Бриджес знал, что он принадлежал Саре. В ее сумке был найден обычный современный смартфон и его уже изучают, но детектив не сомневался: стоит ему вернуться в дом, где произошли преступления, и взять такую же фигурку в виде кошки, он обнаружит там похожий телефон.

Бриджес открыл сообщение и прочитал:

"Иду в торговый, встречу с Фредом. Возможно он знает, как достать деньги. Он меня во все втянул, так пусть выручает. До встречи, твоя Кис."

Он вновь посмотрел на кошачью статуэтку. "Твоя Кис."

Бриджес еще раз перечитал сообщение, а потом глянул на дату получения: позавчера, три часа дня.

"Иду в торговый, встречу с Фредом."

Фред Эллисон сказал, что не виделся с сестрой два дня. Либо встреча не состоялась, либо он солгал.

Бриджес достал свой мобильник, пора вызывать группу, пусть все здесь осматривают — вдруг еще какой сюрприз завалится? Однако телефон ожил прямо в руке, заставив его вздрогнуть.

— Лейтенант?

— Ты где застрял? Шуруй сюда. — Солверсон, похоже, был очень зол. — У нас тут еще одно убийство, застрелен хозяин "Магазинчика Бобби Роула". Собственно, сам Бобби Роул.

Бриджес покопался в памяти, пытаясь вспомнить, кто это такой, но так ничего и не нашел.

— Это что еще за хрен?

— Видеозапись, которую нам добыл Фергюсон, была сделана камерой именно его магазина. Выдвигайся, Райан.

Стивен Фергюсон стоял рядом с интерактивной доской, на которой в данный момент не было ничего, кроме фотографии смуглого усатого мужчины с короткими курчавыми волосами. В небольшом зале собрались полтора десятка человек. Фергюсон видел, что некоторые откровенно скучали, оно и понятно: многие уже полжизни только ловлей бандитов Родригеса и заняты, а молодой детектив едва ли может сообщить им что-то важное.

— Итак, Джерико Родригес. — Фергюсон указал на доску. — Бывший соратник всем нам известного Джорджа Коэна, с которым они в конце концов не поделили свой сомнительный бизнес. Вначале перешел на сторону мистера Блэка, потом занял его место. С тех пор эти двое, Коэн и Родригес, находятся в состоянии пассивной войны.

— Не такой уж пассивной, судя по нынешним убийствам. — сказал кто-то из офицеров, но кто именно, детектив разглядеть не успел.

— Да, именно об этом я и хотел сказать. Нам с детективом Бриджесом поручено расследовать тройное убийство, в котором с первого взгляда все ясно и понятно, но мы... вернее, я, сомневаюсь, что все так просто. Вполне вероятно, что нас водят за нос.

Движением руки он сменил картинку. Теперь там появилось фото мертвого Скотта Радона.

— А вот и наш парень из периодической таблицы, мистер Радон. Все вы его знаете и каждый из вас, я уверен, с радостью защелкнул бы наручники на его руках. Но едва ли кто-то из вас ожидал увидеть его мертвым.

Фергюсон помолчал, словно ожидая, что кто-то опровергнет его слова, а затем продолжил.

— Скотт Радон мертв, но не он нас сейчас интересует. Гораздо важнее... она.

Следующий слайд — на нем Сара Эллисон, сидящая в ванне. Черные волосы плавают в воде, голова наклонена вперед и создается стойкое ощущение, что девушку всего лишь разморила горячая вода и она уснула.

— Кто она на самом деле? Почему оказалась в одном доме с двумя преступниками? Какова ее роль в этом деле и за что ее убили? Мы с детективом Бриджесом пытаемся все это выяснить. Есть сведения, что с Радоном у нее были отношения, однако исходя из информации, полученной от свидетеля, опрошенного Бриджесом, можно сделать вывод, что незадолго до смерти Сары они со Скоттом поссорились.

По аудитории прошел шепоток. Фергюсон терпеливо ждал, когда он утихнет.

— Тот факт, что девушка была на момент смерти беременна, еще больше говорит против Радона. — следующий слайд — Джордж Коэн. — Благодаря информации, полученной все от того же свидетеля, мы узнали, что Сара Эллисон встречалась с Джорджем Коэном. Да да, двадцатилетняя девушка, с этим старым мафиози.

Вновь шепот, еще громче.

— Может, он узнал о ее измене и приказал убить обоих. — эту фразу детектив произнес очень быстро, словно проглотил таблетку. — А может кто-то хочет, чтобы мы так думали. И вот сейчас мы переходим к самому главному.

Последняя фотография — небольшой одноэтажный дом с розовой крышей, почти такой же, как тот, где произошли убийства. Фото было сделано с небольшой высоты, помимо дома

виднелась проезжая дорога и перекресток на другом конце улицы.

— Вот причина, по которой лейтенант Солверсон приказал мне собрать вас и ввести в курс дела. Полчаса назад поступило анонимное сообщение о подозрительной активности в этом доме. Люди, не очень похожие на обыкновенных жильцов, вывозили из дома некое оборудование. У меня есть... предположение... что за Сарой Эллисон в последние дни ее жизни следили.

Произнести последнюю фразу оказалось не так то просто: это было не просто его предположение, об этом ему сообщил сам Джордж Коэн. Но о таких подробностях того разговора никто знать не должен.

— Мы не знаем, остался ли в том доме кто-либо, и именно поэтому нам придется собрать боевую группу. — заключил Фергюсон. — Возможно, ответы на все вопросы поджидают нас именно там. В дорогу, друзья.

Скрипнули отодвигаемые стулья, полицейские надевали снаряжение. Сам Фергюсон двинулся быстрым шагом к выходу.

Оказавшись в коридоре, он прижался спиной к стене и посмотрел на свои руки: его колотила крупная дрожь.

"Спокойнее, спокойнее. Так ты все заперешь."

Солнце поднималось все выше, день обещал быть жарким. Пять патрульных машин и один фургон уже выстроились у выезда со стоянки. Полицейские подходили к ним, на ходу проверяя свои пистолеты. Фергюсон свой даже не доставал — он знал, что стрелять будет не в кого.

Дорога заняла пятнадцать минут. Встречные машины сбрасывали скорость и испуганно прижимались к обочине, видя целую колонну полицейских автомобилей. Редкие прохожие с любопытством провожали их взглядами.

Уже ближе к пункту назначения колонна распалась — они собирались вновь собраться уже у самого дома, а пока нужно было перекрыть все возможные пути для побега. Полицейский фургон все так же плелся сзади.

Вот и знакомая розоватая крыша. Фергюсон внутренне напрягся, словно ожидая какого-то удара, подставы, но вроде бы все было спокойно.

Он остановился возле соседнего дома и вышел из машины, уже держа в руках пистолет. Дверцы фургона открылись и оттуда высыпали бойцы в касках, бронежилетах и с автоматами. Остальные полицейские заняли позиции возле своих машин, по всему периметру. В окнах других домов уже мелькали любопытные лица, кто-то выходил на свои лужайки. Проклятые зеваки.

Фергюсону наконец вручили мегафон.

— ПРОШУ ВСЕХ ВЕРНУТЬСЯ В СВОИ ДОМА, ТУТ ПРОХОДИТ СПЕЦОПЕРАЦИЯ ПОВТОРЯЮ: СПЕЦОПЕРАЦИЯ, ВЕРНИТЕСЬ В СВОИ ДОМА, СПАСИБО!

Некоторые тут же поспешили выполнить это указание, другие шли неторопливо, явно надеясь увидеть что-нибудь.

— Ну что? — спросил усатый офицер Кингсли. — Мы ожидаем вашего приказа, детектив.

Фергюсон кивнул.

— Начинаем!

Полицейские, перекрывшие подходы к дому, заняли стрелковые позиции. Бойцы с автоматами двинулись плотной группой, детектив не торопился следовать за ними. Вначале

нужно получить подтверждение, что все чисто.

Двое бойцов встали у двери. Вскрывать ее не пришлось — она была открыта. Без лишнего шума они все вошли внутрь.

Тишину, кажется, можно было черпать ложкой. Фергюсон стоял, облокотившись одной рукой на крышу своего автомобиля, которая под солнцем становилась все горячее. Вторую руку он держал на кобуре. Бледные лица по прежнему мелькали в окнах соседних домов. Люди ожидали, что вот-вот начнется зрелище.

Но зрелищу случиться было не суждено. Через несколько минут на порог дома вышел командир ударной группы и снял свою маску.

— Все чисто, детектив! Можете заходить.

Фергюсон кивнул. Естественно, другого он и не ожидал. Быстрым шагом он прошел по коротенькой дорожке и переступил порог.

Внутри пахло дешевыми сигаретами и чем-то противно-сладковатым. Дом состоял из гостиной, спальни, маленькой кухни и ванной комнаты. Все тут было обставлено по минимуму: пара кресел, стул, диван, маленькая тумбочка с дверцами. Поддавшись интуиции, Фергюсон двинулся именно к ней.

— О да. Как я и ожидал.

Он отступил, чтобы все могли увидеть его находку — небольшой ноутбук, опутанный огромным количеством проводов. Розетка, в которую он был воткнут, располагалась тут же — в тумбочке специально проделали для нее отверстие.

— Не все они успели забрать. Интересно, сколько гигабайтов видео мы там найдем?

— У меня тут есть кое-что получше! — раздался голос офицера Кингсли. Он доносился из кухни.

Фергюсон убедился, что сладковатый запах идет из холодильника — видимо, там что-то испортилось. Однако офицер Кингсли склонился над мусорным ведром — он выдвинул его и разбросал по всему полу всякую ерунду — куски газет, обертки от конфет, а также прозрачные квадратные пакетики, в которых явно хранились коробки с дисками.

Офицер осторожно, кончиками длинного пинцета, держал что-то белое, сильно заляпанное кровью. Медицинские перчатки.

— Спорим, они не кетчупом запачканы. — сказал Кингсли.

— Упаковывай. — Фергюсон пытался ничем не выказать свою радость. — И осмотри все остальное тут. Вдруг еще какие подарки остались.

Он вернулся в гостиную. Один из полицейских продемонстрировал ему длинный цилиндрический предмет золотистого цвета, на штативе.

— Это, мать его, телескоп! Не самый дорогой, вроде, но так дорогой и не нужен, если они следили за соседним домом.

Фергюсон натянуто улыбнулся. Эта находка его уже не так сильно заинтересовала. Он вышел на улицу, под палящее солнце, и в этот момент зазвонил его телефон.

Бриджес.

— Алло?

— Это что за чертовщина там у вас происходит? — похоже, напарник пребывал в не самом лучшем расположении духа, в его голосе явственно ощущалось раздражение. — Я отсюда вижу вашу вечеринку. Что такое? Это ты устроил?

— Видишь? — удивился Фергюсон. Он огляделся, словно ожидая обнаружить Бриджеса за ближайшим кустом.

— Я в том магазинчике, где ты брал видеозапись. Так в чем дело? Вы что-то нашли?

Фергюсон поспешил отойти подальше от дороги — лишние уши ни к чему. И так вся информация сливается куда-то на сторону.

— Поступил анонимный звонок, в одном из соседних домов видели подозрительных людей, выносящих оборудование. Судя по всему, записывающее. У нас тут есть компьютер, его не успели унести, и еще кое-что, получше.

Он решил ненадолго оставить завесу тайны, но Бриджес этого явно не оценил.

— Что вы там отыскиали? Мне этот цирк не по душе, Стивен, слишком много возни рядом с местом преступления. Пока ты там играешь в шпионские игры, у меня еще один труп.

— Что? — Фергюсон до боли сжал мобильник. — Чей?

— Бобби Роул, владелец магазина. Повторюсь, того самого, где ты брал видео. Его застрелили, похоже, почти в упор. Тут открыта касса, все разбросано по полу, но это хрень. Только последний дебил поведется на такую инсценировку.

Фергюсона словно обдало ледяной водой. Он пожалел, что поблизости нет ничего, за что можно было бы ухватиться — ноги вдруг стали словно чужими, он не чувствовал ими земли.

— В общем, полнейшее дерьмо, Стив. Очень похоже на то, что кто-то замечает следы. Я теперь уже начинаю жалеть, что дал добро на твою встречу с Коэном. Этот старый мерзавец мог как-то не так воспринять наш к нему интерес. Может, решил, что мы его попытаемся прижать.

Но Фергюсон уже почти не слушал — в ушах шумела кровь, а весь окружающий мир будто застыл, превратившись в написанную излишне яркими красками картину. Он видел полицейские машины, видел стражей порядка, теперь уже расслабленных, спокойно переговаривающихся друг с другом. Видел их лица в самых мельчайших деталях, словно разглядывал с очень близкого расстояния. Видел желтые и оранжевые блики на крышах и стеклах машин, видел, как люди в форме медленно, будто во сне, выносят из дома все, что потенциально может быть уликой. И потом, словно финальный аккорд в грустной песне, на пороге появился тот самый офицер Кингсли — окровавленные перчатки он упаковал в пакет для вещественных доказательств и нес его теперь перед собой с гордостью, словно самое великое в мире сокровище. Даже сквозь поблескивающий пластик Фергюсон мог рассмотреть кровавые пятна на белой резиновой поверхности.

— Стив? Ты там живой? Слышишь меня?

Он моргнул всего один раз — и наваждение ушло. Все вокруг вновь стало обычным, в меру ярким и не таким ужасно детальным, и обрело свою привычную скорость. Фергюсон сделал глубокий вдох и едва не закашлялся.

— Да, да, я здесь, Райан.

— Я нашел кое-что в доме Радона. Дуй сюда, я все расскажу. Там и без тебя справятся.

Бриджес явно собирался оборвать связь и Фергюсон, поддавшись внезапному и, без сомнения, глупому порыву, выдал наивный, преисполненный какой-то детской надеждой вопрос:

— Это точно он, ты уверен? Это тот парень, чью видеозапись мы просматривали?

— Да, Стив, это он.

Фергюсон не помнил, как доковылял до машины. Он буквально рухнул на сидение и закрыл лицо руками.

"Все пропало... Боже, все пропало..."

Перед его мысленным взором вновь и вновь проплывали медицинские перчатки в пакете. Перчатки, испачканные кровью. Перчатки, которых не должно было быть в этом доме, и которых там не было... до сегодняшнего дня.

Его трясло гораздо сильнее, чем какой-то час назад, когда он выступал перед половиной полицейского участка. Сейчас его колотило, словно в какой-то тропической лихорадке. Наверное, что-то подобное испытывает человек, только что осознавший, что преступил закон.

Джонни Гудман шипел от боли, но молчал, лишь время от времени начинал откровенно скулить, как побитая собачонка. Бейсболку с него сняли и полностью сбрили челку, максимально открыв лоб. Именно там теперь мастер — бородатый мускулистый человек, знакомый Джорджа Коэна, незнакомцу-то старик такое дело и не доверил бы — выбивал довольно простое, но по словам Коэна, чрезвычайно важное тату.

— Ты должен быть мне благодарен. — уже не в первый раз сказал босс. — Будь ты человеком Родригеса, уже валялся бы где-нибудь под мостом с перерезанным горлом. Мой старый мексиканский друг не терпит промахов. Сам однажды сильно напортачил...

Сэм Картер, сидевший на диване напротив Коэна, наострил уши. Может быть, сейчас последует какая-нибудь захватывающая криминальная история из той эпохи, которую он просто не мог застать? Картер еще ходил в школу, когда Коэн уже выстраивал свою империю.

Однако старик не стал вдаваться в подробности, он почти с вождением наблюдал за работой тату-мастера. Джонни усадили на низенький, почти детский стульчик в центре гостиной, а сам татуировщик сидел на кресле. Иголка медленно скользила по лбу Гудмана, оставляя узор.

— Вы сделали все, как я сказал? — спросил Коэн.

Джонни, кажется, собирался кивнуть, но татуировщик удержал его голову на месте.

— Да, босс. — ответил Сэм. — Устроили маленький погром, оставили открытой кассу. Но если честно, мне кажется, все это чушь. Ни один коп в это не поверит.

— Плевать. — отмахнулся Коэн. К счастью, он пребывал не в самом дурном расположении духа — видимо, после звонка Джонни прошло достаточно времени и он успел немного "остыть". — Мы сделали все, что могли. Если бы стали мудрить, вышло бы только хуже.

— Простите, босс. — промямлил Джонни. Он наполовину прикрыл глаза, видимо опасаясь иголки, ползающей по его лбу.

— Я тебя уже простил. — мягко сказал Коэн, однако в голосе его звенела сталь. — Но свое наказание тебе все равно отбыть придется.

"Только не начинай хныкать, чертов идиот!" — подумал Сэм, глядя на Джонни и очень надеясь, что эта мысль каким-то образом дойдет до него. Может и дошла — Джонни молчал.

— Вторая часть нашего плана уже выполнена. — Коэн откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Сейчас он напоминал пожилого кота, объевшегося сметаной. — Надеюсь только, что весть об убийстве Бобби не распространится слишком уж быстро. Это может... выбить нашего нового полицейского друга из душевного равновесия.

О "новом полицейском друге" Сэм очень хотел поговорить с боссом: зачем он нужен вообще, когда у них уже и так есть в полиции человек, проверенный временем? Однако пока не решался поднимать эту тему. Вполне возможно, что у Джорджа Коэна есть какой-то план, которым он пока ни с кем не делится.

— Так значит, у нас все получится? — осторожно спросил Сэм. — Мы сможем подставить Родригеса?

— Да, это возможно. А если и не выйдет... что ж, придется вспомнить былые времена.

Тут Сэм примерно представлял, о каких временах идет речь, и не удержался от улыбки.

Да, такой вариант ему гораздо больше нравился.

— Сэм, я знаю, что после смерти Скотта ты единственный, кому можно доверить такую деликатную вещь. Я хочу, чтобы ты...

Но дослушать новый приказ босса Сэм не успел: ожил мобильный телефон Коэна. С хмурым видом старик достал его и принял вызов.

— Алло?

Некоторое время он слушал, потом лениво сказал:

— Вы, похоже, в отчаянии, раз звоните мне, уже со своего настоящего номера, и вот так открыто обо всем говорите, Стивен. Меня это беспокоит. Отчаявшиеся люди способны на великие подвиги и невероятную глупость.

Сэм напрягся и даже Джонни как-будто на время отвлекся от неприятной процедуры.

— Нет, детектив, я к этому непричастен. Вам легче? Или вы мне не верите? А вы сами подумайте: какая мне выгода от смерти этого торгаша? Разве вы увидели на той записи что-то важное, что-то, способное повлиять на расследование? Если так, не думаю, что наша вчерашняя встреча состоялась бы.

Судя по громкому шипению телефона, собеседник босса кричал и был в бешенстве. Коэн даже немного отвел мобильник от уха.

— Что? Доказательства моей... непричастности? Это где же я вам их добуду? Боюсь, вам придется поверить мне на слово. Не сомневайтесь, я не отдавал такого приказа. Смерть Бобби мне ни к чему. Тем более после нашей с вами беседы. Вы ведь ясно дали понять, как болезненно относитесь... к подобному.

Сэм зажал рот кулаком: ужасно хотелось заржать, но он опасался, что босс его не поймет. А вот кому точно было не до смеха, так это Джонни. Кажется, он только сейчас осознал, во что на самом деле может вылиться его оплошность, и теперь хотел провалиться сквозь землю. Лицо его вновь приобрело зеленоватый оттенок.

— Да, детектив. Мы не будем делать глупостей. Намекая на то, что я делаю глупости, вы называете меня глупым человеком, а меня это не устраивает, так что давайте-ка обойдемся без подобных выражений. А вообще вы меня удивляете: хотите провернуть грязное дело и при этом не запачкаться? Так не бывает.

Голос собеседника стал тише — либо слова Коэна его слегка успокоили, либо просто "запал" вышел.

— Расскажите мне лучше о вашем коллеге. Как там поживает детектив Бриджес?

Он некоторое время молчал, слушая. В какой-то момент Коэн нахмурился, явно удивленный услышанным.

— Что? Фред? Он подозревает Фреда? Да, разумеется, я знаю его! Он же наркоша затаривается у меня... Нет, Фредди не мог тронуть Сару. Скорее она сама ему яйца прищемила бы, если бы вздумал поднять на нее руку. Но детектив Бриджес все равно сильно меня беспокоит. Он может стать проблемой, вы же это понимаете?

Собеседник что-то сказал и Коэн рассмеялся.

— Ох, да бросьте. Если бы я убивал каждого полицейского, копающего под меня, вы были бы единственным копом в городе. Не волнуйтесь, и волосок не слетит с головы вашего Бриджеса... правда, он почти лыс, насколько я помню. Я лишь буду наблюдать за ним, со стороны. А что наш маленький спектакль, все прошло как надо? Хорошо, очень хорошо. До связи, друг мой.

Он убрал телефон и вновь стал мрачен. Сэм тут же выпрямился, готовый выслушать

поручение.

— Да, детектив Бриджес с первого взгляда понял, что никакое это не ограбление. — сказал Коэн. — Однако вызывать на допрос меня он не станет, пока не найдет для этого достаточно веских причин. И вот для того, чтобы проследить за тем, как он их ищет, мне и нужен будешь ты, Сэм.

Это было ожидаемо. Сэм уже собирался сорваться с места, но босс остановил его взмахом узловатой руки.

— Будь крайне осторожен. Бриджес может и не гений, но дураком его не назовешь. Держи ухо востро и не лезь на рожон. Наблюдай за ним, но не геройствуй. Если он поймет, что за ним следят, это лишь даст ему новую пищу для раздумий.

— Я понял, босс. Я буду неслышен и невидим, он не заметит меня.

— Надеюсь, так оно и будет. Подожди еще минуту, кажется, мы вот-вот закончим.

Уточнять, о чем речь, не приходилось. Красный от стыда Джонни уже находился на грани обморока, но рисунок на его лбу обрел четкие и очень знакомые очертания. Коэн улыбнулся, обнажив вставные зубы, каждый из которых стоил, как неплохой автомобиль.

— Прекрасно, просто прекрасно. Вы как всегда великолепны, Брюс.

— Работа легкая. — пожал массивными плечами татуировщик. Он уже убирал оборудование. — С таким и новичок справился бы.

Коэн не поленился отыскать зеркало и подал его Джонни.

— Ну как тебе? Нравится?

Джонни явно хотелось зажмуриться, но он боялся хищного взгляда Коэна. Он повиновался, посмотрел на свое отражение и краска отхлынула от его лица, лишь еще четче обозначив узор, расположившийся прямо по центру лба.

— Босс... умоляю...

Сэм видел слезы, блестящие в уголках его глаз, и сердце его сжалось. Да, Джонни дурак, но такого наказания он все таки не заслуживал.

— Теперь самое главное. — мягко промолвил Коэн, убирая зеркало. — Сэм, прежде, чем приступить к основному заданию, пожалуйста, отвези нашего провинившегося ученика в черный квартал, в самый центр.

Даже повидавшего всякие ужасы Сэма сейчас пробрало. Он вновь удивился изощренной фантазии своего босса. Но как еще заработать влияние, подобное тому, каким обладал Джордж Коэн? Просто набрать кучу денег и сколотить банду — это совсем не то. Тут нужно другое — жестокость. Невероятная, бесчеловечная, потрясающая до глубины души жестокость.

— Босс... — у него даже во рту пересохло. — Может быть, не стоит... я уверен, Джонни уже все понял.

Коэн встретился с ним взглядом, и не было в бледно-голубых глазах старика сейчас ни капли жалости, ни грамма сострадания. Сэм понял, что просить о снисхождении для Джонни бесполезно.

— Он подставил нас всех, Сэм. Тебе ли не знать, насколько опасны подобные проступки, какие серьезные у них могут быть последствия? Ты считаешь, если его просто отчитать, отругать, как непослушного ребенка, он изменится? Он усвоит урок?

Сэм покачал головой, глядя себе под ноги — не мог больше выносить этих жутких глаз.

— Страх, вот что должен испытать провинившийся. — Коэн теперь говорил тихо, но голос его будто обволакивал всю комнату. — Беспредельный ужас, от которого кровь стынет

в жилах. Только это может исцелить его. Только это изменит его и сделает тем, кем он и должен быть, чтобы стать одним из нас.

Сэм более не противился. Он встал, уже сжимая в кулаке ключи от автомобиля.

— Пойдем, Джонни. Прогуляемся.

Джонни потянулся к своей бейсболке, но Коэн поцокал языком.

— Нет, нет, нет, Джонни. Она тебе не понадобится — зря мы, что ли, тебя стригли и навели красоту? И пистолет ты тоже оставишь здесь.

Сэма вновь передернуло. Чистое самоубийство, вот что предлагал босс Джонни.

— Оставляю... здесь? — тонким голосом переспросил Джонни. Он уже встал, но теперь кажется, готов был упасть — издали видно, как трясутся его ноги, да и весь он дрожал, будто на морозе.

— Я тебе оказываю услугу. — учительским тоном принялся объяснять Коэн. — Представь: ты, обычный чернокожий парень, идешь по своей родной улице и вдруг видишь белого вот с этой татуировкой на лбу. Уже не очень приятно, согласишься? А теперь представь, что у этого белого на бедре еще и пушка висит. — Коэн сокрушенно покачал головой. — Нервы у этого парня не выдержат и он может допустить ошибку. Примерно такую же, как допустил ты.

Джонни готов был расплакаться. Сэм мягко положил руку ему на плечо и повел в сторону холла.

— Можешь забрать его оттуда завтра утром, Сэм! — крикнул вдогонку Коэн. — Если еще будет, что забирать.

Ехали они почти всю дорогу молча. Джонни, кажется, собрал в кулак все свои оставшиеся силы и теперь пытался храбриться, но по мере того, как они приближались к месту назначения, становился все бледнее и тоньше.

— Высади здесь. — попросил он. — Мы уже достаточно далеко. Ну же, Сэм. Пожалуйста.

Одной рукой он держался за свой лоб, будто у него вдруг сильно заболела голова. Но не сможет же он так ходить постоянно.

— Прости, Джонни. Рано.

Они проехали еще пару миль. Все люди, которые им теперь встречались, были темнокожими, у каждого второго можно невооруженным взглядом разглядеть оружие. В эти места даже полицейские редко суются.

— Ну хватит, Сэм! — в голосе Джонни вновь появилось отчаяние. Он попытался выйти из машины прямо на ходу, но двери были заблокированы. — Останови здесь, ну давай же!

Сэм молчал, напряженно глядя прямо перед собой и вцепившись мертвой хваткой в руль. На душе было мерзко. Сказать, что сейчас он ощущал себя палачом, было бы не совсем верно. Он совершал убийства, и не один раз, но никогда не испытывал подобное. Тут было что-то иное, что-то куда более страшное и безнадежное.

— Сэм... лучше пристрели меня. Прямо здесь, прямо сейчас. Пусть это будешь ты, а не кто-то из них.

Наконец он сбросил скорость и медленно подкатился к какой-то обшарпанной забегаловке, где вроде бы было не оченьлюдно. Сэм решил посмотреть на Джонни, который стал еще бледнее, чем прежде, хотя это казалось невозможным.

— Вот что я тебе скажу. Ты должен забиться в какую-нибудь нору, сидеть тихо и не высовываться.

— Но...

— Да, ты захочешь вернуться, но это будет самым глупым, самым безрассудным, а главное — самым последним поступком в твоей жизни. Далек ты уйти не сумеешь. Если найдешь что-нибудь подходящее, обмотай голову. — он отпер двери. — Я вернусь за тобой завтра, обещаю.

Понимая, что пощады ждать бессмысленно, Джонни вышел из машины, все так же зажимая лоб ладонью.

— В черном квартале можно выжить, даже с этим на лбу. — попытался подбодрить его Сэм. — До завтра, Джонни.

Джонни обреченно махнул ему рукой — той рукой, которой недавно пытался закрыть голову. В этот миг свежая татуировка блеснула во всей своей неприглядной красе — большая, черная, похожая на какую-то дьявольскую отметину, свастика.

Бриджес и Фергюсон сидели друг напротив друга на неудобных узеньких черных диванчиках. Металлические двери справа от них время от времени открывались, но детективов внутрь пока не пускали.

— Ну? — нарушил наконец неприятную тишину Бриджес. — Что думаешь?

— Ничего. Жду результатов экспертизы. От них все зависит.

— А если она ничего не выявила?

Фергюсон пожал плечами, словно ему было наплевать, но Бриджес видел, что это не так — по его глазам за стеклами очков.

— Тогда я продолжу разрабатывать свою версию, а ты свою. Потом сравним, у кого больше доказательств.

Бриджес ощущал легкое раздражение. "Пик бешенства", как он сам это потом назвал, пришедшийся на сегодняшнее утро, уже остался позади, но легкие отголоски остались. Чувство, что Фергюсон что-то недоговаривает и вообще темнит, из легкого подозрения переросло в уверенность.

— Коэн водит тебя за нос. — нарочито-насмешливым тоном произнес Бриджес. Разозлившись, Фергюсон мог бы о чем-то проболтаться. — Ты считаешь, что он тебе друг? Это не так. Вы ведь с ним заключили какую-то сделку, я прав?

Фергюсон слегка вздрогнул. Ага, прямо в яблочко...

— Это не сделка. — неохотно ответил молодой детектив. — Просто договоренность. Мы не трогаем его и его людей, не копаем под них, не вызываем на допросы, пока не будут исчерпаны все остальные варианты, свидетели и подозреваемые.

— А что в обмен?

— В обмен — долгожданные улики против бизнеса Родригеса. То, что поможет нам задержать его — для начала, за налоговые махинации. Но это будет лишь первым шагом.

В принципе, против такой идеи Бриджес не возражал бы, вот только было одно маленькое "но"...

— А если мы, как ты выразился, исчерпаем все варианты? Если эта история с окровавленными перчатками и слезжой окажется лишь пустышкой? Я не верю, что люди Родригеса могли так наследить.

Фергюсон молчал, старательно избегая его взгляда.

— Ты будто играешь, Стив. — заметил Бриджес. — И хочешь, чтобы на доске остались лишь две фигуры: ты и Коэн. Но зачем тебе это? И есть ли мне место в этой партии?

Наконец Фергюсон встретился с ним взглядом.

— Как много ты спишь, Райан? — спросил он почти с жалостью в голосе. — Явно недостаточно. Выспись как следует.

Бриджес фыркнул. В этот момент металлические двери открылись вновь — и уже не стали закрываться. Перед ними стояла Сьюзен Коул — эксперт-криминалист. Бриджес всегда невольно втягивал живот при виде этой симпатичной женщины, которая, в своем белом медицинском халате, тут же вызывала множество непрошенных фантазий. Ее светлые волосы сейчас были заколоты в пучок на затылке, что никак не уменьшало ее красоты.

— Детективы, прошу за мной.

Они прошли через небольшую комнатку, где на столах были разложены различные

вещи, добытые на месте преступления, а затем оказались в другом помещении, гораздо просторнее. Тут располагались высокие узкие столы, три шкуры, и на каждом лежало накрытое тканью тело.

Сьюзен сняла покрывало с первого тела. В глаза тут же бросился глубокий порез на шею, который на фоне бледного, даже местами голубоватого тела выделялся особенно ярко.

— Ричард Кроу. — заговорила Сьюзен, сложив руки на груди. — Скажу честно, его тело не дало нам ничего нового, обстоятельства его смерти вам уже известны, разве что, в крови немного кокаина. Судя по характеру ранения, удар был действительно нанесен сзади, со спины. Убийца не стал доводить дело до конца, видимо поняв, что и такой раны будет достаточно. Полагаю, Кроу умер примерно через четыре-пять минут. Судя по незначительным синякам рядом с раной, пытался зажать горло рукой, чтобы остановить кровь.

— Пяти минут вполне хватило бы, чтобы взять реванш. — заметил Бриджес.

— Да, хотя в таком состоянии... — Сьюзен пожала плечами. — Не исключаю. Однако ко второму телу у нас есть определенные вопросы, господи детективы.

Она закрыла тело Ричарда Кроу, известного просто как Ричи, и открыла другое — Скотта Радона.

Бриджес вновь вспомнил рассказ официанта. Да, эти двое, Скотт и Сара, наверняка отлично смотрелись вместе. Оба молодые, оба красивые... кажется, сама судьба могла свести их... Но каким-то образом между ними вклинился этот мерзкий старикашка.

Глаза Скотта были закрыты, тело не такое бледное — видимо, крови вылилось меньше, зато тут и там виднеются трупные пятна. Черная, с красноватой окантовкой дыра во лбу смотрелась уродливо и неуместно, еще хуже, чем перерезанное горло Ричи.

Второе огнестрельное ранение оказалось не в животе, как показалось Бриджесу с первого раза, а в области груди — видимо, кровь так сильно пропитала одежду, что разглядеть саму рану в тот момент не представлялось возможным. Теперь же он видел ее, такое же темное отверстие с подсохшей кровью по краям.

— Это эпигастральная область. — сказала Сьюзен, проведя рукой в перчатке по телу Скотта Радона. — Тут же находится солнечное сплетение, а это целый клубок крупных нервов.

Бриджес кивнул. Он знал, что это такое... и уже предчувствовал, что эксперт скажет далее.

— Чрезвычайно болезненное место. — Сьюзен вновь сложила руки на груди. — Даже обычный удар кулаком в эту область вызывает сильнейшую боль и невозможность сделать вдох. Человек рефлекторно сгибается пополам и некоторое время мучается от боли. Но пуля, попавшая в это место... можно только гадать, какие муки она способна причинить.

— Хотите сказать, — осторожно начал детектив Фергюсон. — что получив это ранение, Радон должен был находиться в состоянии сильнейшего болевого шока?

— Верно. Не думаю, что он мог куда-то идти, искать нож, кого-то резать... — Сьюзен передернула плечами. — Конечно, известны случаи, когда человек превозмогал и куда более сильную боль.

— Но вы не думаете, что это тот случай?

— Нет.

Фергюсон встретился взглядом с Бриджесом, в глазах его читалось едва сдерживаемое торжество.

— А как насчет второй пули, в голову? — спросил Бриджес. Ему хотелось слезть с этой неприятной темы, которая, возможно, способна была разрушить одну из его теорий. — С ней-то все просто и понятно, да?

— Не совсем.

Огромных усилий ему стоило удержаться от ругательств. Сьюзен тем временем дала детективам рентгеновские снимки, на которых хорошо был виден череп Скотта, разрушения, причиненные пулей, а также сама пуля, засевшая в мозгу — ее отметили красной стрелкой.

— Присмотритесь как следует. — попросила эксперт. — Видите? Пуля вошла под определенным углом.

Действительно, это было заметно невооруженным глазом. Но Бриджес пока не понимал, какое это имеет значение.

— Да, я вижу... но что это значит?

— Кроу и Радон примерно одного роста. — начала объяснять Сьюзен. — Даже если Радон из-за своего болезненного ранения слегка склонился, пуля не вошла бы в его голову вот так, более того, угол был бы прямо противоположный. Такой, какой должен быть, если высокий человек стреляет в более низкого. А тут... — она постучала пальцем по снимку. — все совсем наоборот!

— Так что же это получается... — нахмурился Фергюсон. — Ричи стрелял в Радона, сел на корточки?

— Это возможно, очень даже. — Бриджес ухватился за эту мысль, как за спасительную. — Ему же горло порезали, черт побери! Он вообще мог стрелять из положения лежа. По моему, все сходится.

— Еще один вариант. — усмехнулся вдруг Фергюсон. — Некто — другой человек — стреляет в уже мертвого или умирающего и неспособного пошевелиться Радона, лежащего на полу. Специально, чтобы запутать нас. Если бы этот некто стоял например вот тут... — Фергюсон попятился, идя вдоль стола, и остановился возле ног Радона. — то пуля вошла бы в голову как раз под таким углом, как на рентгене. Признай уже, Райан! В этом доме был четвертый человек, он все подстроил, чтобы запутать нас, и глядя на тебя, я вижу, что у него это почти получилось!

— Может и был. — неохотно согласился Бриджес и подумал о Фреде Эллисоне, брате Сары. — Но необязательно это кто-то из бандитов Родригеса. Это Коэн хочет, чтобы ты так думал.

Сьюзен Коул кашлянула, напоминая о своем присутствии, и указала на последнее тело.

— С девушкой тоже не все так просто, детективы.

Она открыла тело. Бриджес заметил, как дернулся напарник, и его это не удивило. Да, он уже видел ее, более того, увидел одним из первых, но все-таки смотреть на нее там, в ванной, и видеть сейчас, на столе медицинского эксперта — это разные вещи. Все равно что осознать наконец, что все кончено, назад пути нет.

— Обратите внимание, трупных пятен не так уж много. — сказала Сьюзен. — Видите ли, утопление бывает разным. В случае, если жертва умирает от спазма горловой щели, тело пестрит насыщенными пятнами, лицо становится синим и одутловатым. В общем, выглядит примерно как при обычном удушении. Однако девушка, вероятно, боролась за жизнь до последнего, смерть наступила именно из-за попадания большого количества воды в легкие.

Бриджес разглядел на теле Сары шрамы, которые свидетельствуют о вскрытии. Их зашили наспех и наверняка потом подправят, а все остальное будет уже заботой

погребальной конторы.

— Но если вы как следует приглядитесь, то увидите гематомы на ее шее. — продолжила Сьюзен. — Они возникли еще при жизни, в этом я не сомневаюсь.

Бриджес и Фергюсон склонились над телом девушки. В ноздри ударила вонь разложения, которую уже не могли перебить запахи медицинских препаратов. Бриджес чуть не уткнулся носом в бледную синеватую кожу Сары.

— Да... — прошептал детектив. Глаза его расширились от изумления. — Да, я вижу их.

Желтоватые пятна расположились на шее в таких областях, что сомнений насчет их происхождения не возникало: их оставила рука, сжимавшая горло девушки.

— Возможно, убийца пытался вначале задушить ее руками. — сказал Бриджес. — Но понял, что не выходит, и начал топить.

Он не решался даже спрашивать про отпечатки, ибо это было бы чем-то из области фантастики: на теле, пусть даже мертвом и не выделяющим жир, который смывает их в течение получаса, не так уж часто удается обнаружить по настоящему годные следы, а уж если тело побывало в воде... Однако Сьюзен сама заговорила о них.

— Что касается отпечатков — они есть, пусть и очень мало. И принадлежат они ему.

Она махнула в сторону стола, где лежал Скотт Радон. Сердце Бриджеса забилось учащенно, а Фергюсон, похоже, слегка расстроился.

— Но вот какое странное дело... — Сьюзен принялась ходить взад-вперед и Бриджеса вновь начали посещать неуместные мысли. — Представьте, что вы топите человека. Не в реке, не в озере, а как в нашем случае — в ванной. Вам нужно давить на его голову, на плечи и на спину, чтобы согнуть, чтобы опустить в воду, верно?

Бриджес кивнул, Фергюсон пожал плечами, как бы говоря, что в таких делах у него, к счастью, нет опыта.

— Но отпечатки мы нашли подмышками у девушки.

— Подмышками? — Бриджес рассмеялся бы, если было дело не было таким серьезным. — Какого черта? Это как он ее топил, перевернув вверх ногами?

— Да даже если бы и так, он бы тогда давил на грудь. Делать выводы — это, конечно, ваше дело, детективы, но мое мнение таково: этот парень, Скотт Радон, каким бы негодяем ни был, пытался наоборот, спасти девушку. Такие отпечатки остались бы, если бы он вытаскивал ее из воды, ведь за подмышки ухватить удобнее всего. К тому же, это объясняет сам факт наличия отпечатков: как я поняла из отчета, убийца оставил девушку сидящей в ванне. Даже если бы он топил ее, сунув руки ей подмышки, хотя я с трудом могу такое представить, а потом оставил бы на дне ванны, вода наверняка смыла бы отпечатки.

Некоторое время детективы молчали, переваривая услышанное.

Итак, Скотта фактически можно исключить. Что ж, морально Бриджес уже был готов к этому, а потому очень радовался, что на горизонте появился еще один подозреваемый, родной брат Сары. Он вспомнил, как Фред смотрел на ее тело, особенно на шею. Должно быть, искал те самые следы, боялся, что по ним его и вычислят.

— Ладно. — Бриджес почесал затылок. — А что насчет ее беременности? Чей ребенок, удалось установить?

— Пока только пол, это был мальчик. Проверка ДНК — очень серьезная экспертиза, займет много времени. Вы считаете, это отец ребенка мог такое сотворить?

"Да, я так считал... Но вы эту теорию почти разбили в пух и прах..."

— Уже нет. — признался Бриджес. — Потому что я почти уверен, что отец ребенка —

покойный мистер Радон, а его вы сейчас практически оправдали.

— А что там насчет окровавленных перчаток? — встрял Фергюсон. — Их должен был принести офицер Кингсли.

"Мы с ним будто разные дела расследуем." — с раздражением подумал детектив Бриджес.

— Все вещественные доказательства исследуются в порядке поступления. — довольно строго ответила эксперт. — Перчатки будут скоро изучены.

Фергюсон переминался с ноги на ногу, Бриджес прямо ощущал его желание вступить в спор, и обрадовался, что молодому детективу хватило ума промолчать.

— Спасибо вам, Сьюзен. — сказал Бриджес. — Вы нам очень помогли. Если появятся еще какие-то важные детали, сообщайте нам незамедлительно.

— Конечно, детектив.

Они побрели обратно. Фергюсон был довольно мрачен и Бриджеса это почти забавляло. С чего бы ему вообще так печалиться? Это ведь не его версию сейчас разгромили.

— Не волнуйся, они все изучат.

— Может, к тому времени будет уже поздно. Может, Родригес уже сматывает удочки и готовится пересечь границу. Хрен мы его тогда достанем.

Фергюсон помолчал, но Бриджес чувствовал, что это еще не все.

— "Все вещественные доказательства исследуются в порядке поступления." — передразнил Фергюсон. — А если эти доказательства слишком... разнокалиберные? Черт побери, перчатки, возможно, с кровью одной из жертв! Что может быть важнее этого?

Они уже шли по коридору к выходу. Бриджес молчал, пусть Фергюсон как следует побрызжит, раз уж хочется. У него уже было задание для напарника.

Но Фергюсон закончил, видимо, услышав себя со стороны и слегка смутившись.

— У меня будет для тебя задание, которое не приведет тебя в восторг, но отнесись к нему ответственно. — сказал Бриджес.

— Какое?

— Накопай все, что можно, на брата Сары. Я все больше недолюбливаю этого врущего на каждом шагу паренька. Может, он уже засветился в каком-нибудь неприятном деле.

Бриджес не ошибся: Фергюсона это совсем не вдохновило.

— Да брось. Ты серьезно? Какой-то глупый тщедушный наркоша убил свою сестру? И чего ради? Не думаю, что он на такое способен.

— Поработай с мое в наркоотделе и узнаешь о наркоманах такое, отчего у тебя волосы на заднице встанут дыбом.

Они уже вышли на улицу. Вечернее солнце, хоть уже и не жарило так, после полумрака холодных, отливающих металлом коридоров казалось ослепительным. День стремительно угасал.

— Ладно, я пороюсь. — процедил сквозь зубы Фергюсон. Он снял очки и теперь тщательно протирал их салфеткой. — Но все равно мне кажется, что мы зря теряем время. Родригес...

— Скажи мне, в какое время позвонил этот ваш аноним, сообщивший о людях, выносящих технику из того дома?

Похоже, этот вопрос немало удивил Фергюсона. Он наверное решил, что Бриджес уже вообще не интересуется его расследованием.

— Полдевятого утра, плюс минус десять минут. А что?

Губы Бриджеса изогнулись в невеселой улыбке.

— А то, что Бобби Роула убили примерно в это же время. Вероятно, машина, куда должны были погрузить свое оборудование люди Родригеса, проезжала бы мимо магазина Бобби, я прав?

— Да, скорее всего. — Фергюсон хмурился. Он не мог понять, куда клонит Бриджес.

— Я просмотрел видео, отснятое камерой, установленной над входом его магазина. Она наверняка запечатлела бы машину Родригеса, если таковая там была. Какой-нибудь фургон или маленький грузовик.

— Но никакой машины нет?

— Гораздо круче: нет самого видео. Вся запись, сделанная в этот период времени, исчезла.

Утром следующего дня детектив Райан Бриджес сделал то, на что у него не хватило времени вчера: вернулся на место убийства Сары Эллисон, Скотта Радона и Ричарда Кроу, чтобы еще раз как следует осмотреться. И найти то, что там просто обязано быть.

Он отпер дверь своим ножом-отмычкой и с немалым трудом переступил через высоко натянутую заградительную ленту. Понемногу запах крови выветривался из помещения, но отголоски его ощущались до сих пор. Темное пятно осталось на прежнем месте, только теперь высохло. Второе пятно, поменьше, виднелось на кафельном полу ванной.

Но внимание Бриджеса было сосредоточено не на них. Он искал взглядом ту самую вещь, на которую наткнулся в первый же миг, едва оказался здесь. И да, она была тут — ее перенесли и поставили возле дивана, видимо, чтобы не мешалась перед дверью, но едва ли кто-то ее разглядывал. Обычная безделушка, предмет интерьера, не более.

"Но теперь я знаю, что это не так." Он сел на край дивана и взял в руки статуэтку в виде кошки с длинной, изящной шеей. Ее зеленые глаза почему-то казались насмешливыми и надменными. "Я знаю, что тут произошло. — будто бы говорили они. — Я видела все сама. Но я не скажу тебе, нет-нет, не скажу..."

Память Бриджеса не подвела, он не ошибся: на голове у кошки действительно оказался розовый бантик. Все просто и со вкусом. Два дома, два человека, общая тайна. Кот и кошка.

Он перевернул фигурку и обнаружил снизу точно такую же крышечку. Подцепил ее ногтем, снял и вновь перевернул кошку, подставив ладонь. В руку ему упал пакет, в котором лежал телефон.

— Умничка. — усмехнулся детектив, погладил деревянную кошку по голове и поставил ее на место.

Его охватило возбуждение. Он почему-то был уверен, что телефон, которым пользовалась Сара Эллисон, скажет ему гораздо больше. Скотт был слишком осторожен, но Сара могла оказаться чуть более легкомысленной.

Как и прежде, не снимая пакет, благо кнопки на стареньком телефоне были достаточно большие и выпуклые, Бриджес открыл список сообщений. Там их было несколько — и входящие, и исходящие. Вначале он зашел в последние, просто чтобы лишний раз убедиться в своей правоте, и вновь прочитал:

"Иду в торговый, встречу с Фредом. Возможно он знает, как достать деньги. Он меня во все втянул, так пусть выручает. До встречи, твоя Кис."

— Кис... — прошептал Бриджес и вновь глянул на статуэтку. — Ну да, осторожность превыше всего.

"Он меня во все втянул."

Дело не только в том, что он соврал. Уже ради одной этой фразы нужно вновь поговорить с Фредом Эллисоном.

Бриджес опять открыл список отправленных сообщений, там было еще одно. Тот же день, пол второго дня.

"Я сняла деньги, десятку. Нам должно хватить. Я не знаю, следит ли он за тем, как я трачу деньги. Если увидит, что я разом сняла все, может что-то заподозрить. Нам надо решаться. Кис."

Бриджес с хмурым видом откинулся на спинку дивана. Десятка? Десять тысяч

"зеленых", на какой-то аборт? Дороговато, даже с учетом того, что они хотели скрыть факт этой операции.

"Я не знаю, следит ли он за тем, как я трачу деньги."

Это его деньги, деньги Коэна. Вероятно, он дал ей карту и сказал ни в чем себе не отказывать. Ну да, чем еще мумия вроде Коэна может удержать при себе двадцатилетнюю девицу? Но похоже, Саре это уже надоело. Ей хотелось свободы.

"Нам надо решаться."

Пожалуй, самая загадочная фраза. На что решаться? Побег? Да, Бриджес поставил бы на это. Что может быть романтичнее: сбежать из золотой клетки, скрываться где-нибудь на другом конце мира, все время ощущая за спиной тяжелое дыхание ищек...

Бриджес раз десять перечитал это сообщение. Он пытался представить себя на месте Сары. Обычно рекомендуется представлять себя преступником, влезть в его шкуру, увидеть мир его глазами, чтобы попытаться предугадать его следующий шаг. Но в списке подозреваемых были слишком разные люди, с разными целями и возможными мотивами, а вот ситуация с самой Сарой понемногу, шаг за шагом, прояснялась.

Что она ощущала в тот момент, когда набирала это сообщение? Было ли у нее приподнятое настроение или она дрожала от страха, ощущая у себя в сумке десять тысяч долларов? И куда она потом дела эти деньги? При ней их не обнаружили.

Долго ли она думала, прежде чем нажать кнопку "отправить"? Что почувствовала в тот момент? Возникло ли у нее ощущение моста, стремительно разрушающегося за спиной?

Бриджес вновь перешел в общий список сообщений и выбрал другую папку — "полученные". Там было всего одно письмо, причем судя по восклицательному знаку рядом с ним, Сара его не прочитала.

"Фреду не верь, не встречайся с ним, не проси ни о чем. Давай встретимся вечером сама знаешь в каком ресторане."

Сердце Бриджеса забило учащенно. Сообщение Скотта Радона вызывало даже больше эмоций. Во-первых, оно лишней раз подтверждало рассказ официанта — встреча между Сарой и Скоттом действительно состоялась тем вечером, вернее даже, ночью, всего за пару часов до ее смерти. До смерти их обоих... Во-вторых, подозрений насчет Фреда Эллисона стало еще больше: если даже Скотт советовал Саре не доверять ему...

Бриджес выключил телефон, чтобы поэкономить батарею — черт знает, где находится зарядка от него — и поднялся с дивана. В глаза вновь бросилась темная лужа засохшей крови. Детектив медленно поворачивался вокруг своей оси, пытаясь мысленно возродить ту ночь и увидеть то, чего он видеть никак не мог, но ничего не получалось. Слишком много вопросов. Он лишь мог представить, как открывается дверь, как входит взволнованная и рассерженная после разговора со Скоттом Сара... а что потом? Судя по видео, потом пришел Скотт. Но не сразу, не мгновенно. Убийца мог успеть совершить свое злодеяние и уйти незамеченным... но что, если не успел? Что, если Скотт явился сюда в очень неудачное время и либо застал убийцу, либо, что более вероятно, увидел мертвую Сару в ванной? Что он тогда испытал? И, главное, где в это время спрятался убийца?

Взгляд Бриджеса уперся в шкаф, стоящий примерно в метре позади кресла. Шкаф проверяли, Бриджес знал, что там пусто, даже одежды нет, но теперь детектив задумался о другом: о том, какой это отличный наблюдательный пункт. Вся гостиная здесь как на ладони, и ванная частично тоже, если оставить дверь открытой.

Бриджес подошел к шкафу и открыл дверцы. Маленькая и наверняка голодная моль

выпорхнула оттуда и полетела в сторону окна. Сверху висели голые вешалки, шкаф ничем не пах — тут давно не было никакой одежды.

Детектив забрался внутрь. Ему пришлось слегка согнуться, чтобы не удариться головой, но он вспомнил Фреда — тот не слишком высокого роста. Кажется, даже слегка ниже сестры. Ему бы тут было вполне комфортно.

Бриджес закрыл первую дверцу полностью, а вторую не до конца, оставив лишь маленькую щель. Накатил приступ клаустрофобии, ему захотелось тут же вырваться отсюда, но он преодолел это и слегка наклонился вперед, чтобы через узенькую щель увидеть гостиную.

Входная дверь видна неплохо, кресло тоже — естественно, оно же прямо перед шкафом. Если открыть чуть-чуть шире, можно действительно увидеть ванную.

Повинуясь внезапному порыву, Бриджес достал из глубокого кармана своего плаща небольшой фотоаппарат, прижал его к самому просвету, так что объектив оказался почти зажат дверями, и сделал снимок.

— Ну ладно... — пробормотал он, разглядывая получившееся фото. — Пора сходить в торговый центр.

Путь занял всего полчаса — утренний час-пик прошел и теперь автомобилей на дорогах стало совсем немного. Торговый центр "Грейс" сверкал синими стеклами на всех трех этажах и напоминал огромный сапфир. Впечатление портили лишь большие рекламные плакаты, разбросанные в совершенно случайном порядке, они пестрели и создавали ощущение грязи, прилипшей к чему-то красивому. Бриджес остановился на парковке перед магазином, где сегодня было довольно просторно, и направился к автоматическим дверям.

Он не знал, с чего начать свой поиск — торговый центр был огромен, помимо непосредственно магазина и разных торговых точек тут располагались несколько ресторанов, пара кафе, небольшой зал для детей и даже кинотеатр. Где именно встретились Сара и Фред? Может, в одном из кафе? Или предпочли полумрак кинозала, где их едва ли могут увидеть и подслушать? А может быть, они коротко переговорили прямо здесь, у самого входа, словно случайно встретившие друг друга, но куда-то очень спешащие знакомые, а потом разбежались в разные стороны?

Бриджес видел людей в черной форме и с рациями, неспешно бредущих по коридорам — охранники. Вот с ними-то и надо пообщаться. Детектив достал удостоверение полицейского и крепко сжал его в руке: в ближайшие пару часов, не меньше, оно будет его оружием.

Прошло около сорока минут, а может и час — Бриджес специально не засекал, чтобы не было стыдно перед самим собой за бесплодно потерянное время. Он ходил от одного поста охраны к другому, но все было тщетно. Показывал фото Сары, просил рассмотреть повнимательнее, но все качали головами. Начал уже приставать к продавцам одежды — ведь если его предположение насчет побега верно, Саре и Скотту могла понадобиться одежда. Но и тут все было впустую.

Он уже ощущал подступающее отчаяние. Может, брат Сары не солгал? Может, действительно не было никакой встречи? Что тогда делать и кого подозревать? Видимо, придется согласиться с версией Фергюсона насчет Родригеса, хоть тут и пахнет надувательством.

И вот когда огонек надежды почти угас, один из охранников, дежуривший возле кафе на втором этаже, рослый гладко выбритый парень лет тридцати — по фамилии Бэнкси, если

прочешть бейджик на форме — утвердительно кивнул, глядя на фотографию Сары.

— Да, детектив. Я видел ее в тот день. Подождите минуту, я сейчас позову Кевина, он тоже тут был.

И он куда-то ушел, прежде чем Бриджес успел возразить. От нечего делать полицейский сел за один из многочисленных пустых в этот рабочий час столиков. Ноги гудели после блужданий по торговому центру и он острее, чем прежде, ощущал подступающую старость.

Бэнкси вернулся минут через десять с еще одним охранником. Второй тоже был лысый, но из-за невысокого роста и очень плотного телосложения эта лысина выглядела совсем по другому, даже немного забавно. На его бейджике значилась фамилия Макмерфи.

"Надеюсь, хоть этому Макмерфи не делали лоботомию, иначе проку от него чуть." — подумал Бриджес.

Ему детектив так же продемонстрировал свое удостоверение, после чего дал фотографию Сары.

— О да, я помню ее. — голос у Макмерфи был на удивление тонкий для такого грузного тела. — Это ее чуть не прикончили прямо тут, у нас на глазах.

Бриджес едва не подпрыгнул.

— Прощу прощения? Чуть не прикончили?

— Ну да. Тот парень... кажется, ее брат.

— Но это мы потом узнали, что он ее брат. — пояснил Бэнкси. — Когда оттащили его, хотели вызвать полицию, но она отговорила. Не надо, мол, брат мой это, просто слегка не в себе.

— Слегка! — Макмерфи театрально закатил глаза. — Да я в жизни не видел такой ярости. Мы двое, как видите, габариты имеем, но с трудом повалили этого щуплого паренька.

Во избежание недоразумений, Бриджес все же продемонстрировал им другое фото, Фреда Эллисона. Оба уверенно кивнули.

— Да, это он. — Макмерфи слегка сморщился. — Только в реальности он такой... бледный, словно болен чем-то.

— Нарик, небось. — догадался его коллега.

— У вас же тут есть камеры, верно? — спросил Бриджес и огляделся. Одну из них, не особо то и запятанную, он увидел почти над собой.

— Да, есть. Надеюсь, другие парни не успели еще стереть те видео. Мы храним все около недели, потом удаляем. Тут куча камер, объем получается огромный, сами понимаете, все не сохранить.

— Покажите мне это видео. — дрожащим от возбуждения голосом попросил детектив Бриджес.

Без лишних слов они все втроем направились к одной из дверей, на которой висел знак, предупреждающий, что посторонним вход воспрещен, но едва ли посторонний при всем желании сумел бы сюда пробраться: Бэнкси провел ключ-картой по магнитной полосе рядом с ручкой, раздалось негромкое и довольно музыкальное пиликанье и дверь отворилась. Бриджес обернулся: его не отпускало чувство, что кто-то на него смотрит, причем уже давненько. Но если и так, сюда этот некто точно не проникнет. Какой-то парень вроде бы пялился на него, стоя перед витриной отдела женской одежды.

Они прошли по затемненному коридору, где сильно пахло сигаретным дымом, и в конце концов оказались в тускло освещенной комнате. Но особого освещения тут и не требовалось:

свет излучали десять мониторов, перед которыми сидели откровенно скучающие люди. С радостью Бриджес отметил, что картинка тут цветная и достаточно четкая. Каждый экран был разделен на четыре сегмента, где двигались посетители, ползли эскалаторы, хлопотали продавцы и работники кафе.

Бэнкси подтащил для детектива лишний стул, а Макмерфи согнал парочку наблюдателей.

— Сходите погуляйте, мы тут полицейскому будем кино показывать.

Что-то бормоча себе под нос, мужчины ушли. Бриджес уселся на мягкий стул, а Бэнкси порылся в большой стопке дисков, на каждом из которых маркером была написана дата.

— Ага, вот! Нашел.

Он свернул окно, которое демонстрировало, что происходит в торговом центре в реальном времени. Всего за мгновение до этого Бриджес успел увидеть тот самый коридор, через который они прошли, прежде чем войти в служебное помещение. Там, возле запертой двери, стоял человек в капюшоне и, кажется, смотрел на эту самую дверь. Разглядеть его как следует детектив не успел, а просить вернуть картинку не стал: может, это ему лишь показалось. Может, разыгралось воображение...

И все же он видел уже сегодня этого человека, не один раз, краем глаза. Тот всегда оставался в тени.

Охранник Бэнкси вставил диск. Появился список файлов с явно автоматическими названиями, но у каждого была прописана дата. Бэнкси пришлось открывать подряд все файлы с одинаковым временем, прежде чем нашелся нужный.

— Прошу прощения, детектив. У нас все автоматизировано, но пока еще есть свои заморочки.

Наконец появилась знакомая картина: то самое кафе, где Бриджес был несколько минут назад. Внизу стояла дата: 17 июля. Справа от даты время — 17:32.

— Вот примерно в это время все случилось. — сказал Бэнкси. Голубоватый свет мониторов отбрасывал блики на его лысину. — Точные минуты не помню, поэтому мотать не буду, чтобы не пропустить.

Бриджес напряженно наблюдал за происходящим на экране. Теперь, когда монитор был заполнен картинкой с одной камеры, а не сразу четырьмя, детектив все же видел, что она не настолько четкая, как хотелось бы. Тем не менее, Сару он узнал — она сидела за столиком почти напротив камеры, перед ней стояла чашка. Народу тогда было заметно больше, чем сейчас, и Бриджес начал без особого тщания рассматривать других посетителей, попавших в поле зрения объектива, но знакомых лиц не нашел. Прошло три минуты — Сара по-прежнему сидела одна, изредка она делала маленький глоток. Она часто начинала довольно нервозно оглядываться по сторонам, словно опасалась увидеть еще кого-то, кроме брата.

— Кажется, она чего-то побаивалась. — заметил Макмерфи.

— Ее убили, да? — спросил вдруг Бэнкси и Бриджес едва не выругался и решил просто промолчать.

Наконец появился еще один знакомый — Фред Эллисон собственной персоной. Бриджес несколько не удивился, увидев, что на нем та же самая одежда, которую он видел во время их последней и пока единственной беседы. Разве что, немного почище.

Он сел напротив сестры, спиной к камере, и они начали разговаривать.

— Что насчет звука? — поинтересовался Бриджес.

— Ну... звука нет. — признался Бэнкси. — Это обошлось бы гораздо дороже, да и не

особо он нужен. Если кто-то что-то ворует, это обычно ясно и в полной тишине.

— Или начинает с кем-то драться. — добавил Макмерфи.

Бриджес мог видеть лишь спину Фреда, а потому внимательнее присматривался к его сестре. Может, какой-то ее жест даст хоть малейшую подсказку, хоть тоненький намек на предмет их разговора? В какой-то момент Сара уверенно покачала головой — возможно, ответила отказом на какую-то просьбу брата? А тот начал усиленно жестикулировать и чуть не задел проходившую мимо стола официантку.

— Вот тут его и понесло. — заметил Бэнкси.

— Вы были в тот момент рядом? — спросил Бриджес. — Слышали, что он говорил?

— Нет, сэр. Я как раз двигался в их сторону — вернее, просто в сторону кафе, но о чем он говорил, не слышал.

Примерно после минуты активной жестикуляции Фред вскочил на ноги и опрокинул стул. Сара пока еще сидела и что-то говорила, довольно спокойно, но брата ее слова вывели из себя.

— Вот, сейчас... — прошептал Макмерфи. Он тоже наклонился к экрану, но так, чтобы не мешать Бриджесу.

В мгновение ока, словно имел в подобных упражнениях большой опыт, Фред Эллисон перемахнул через стол и повалил Сару на землю.

— Ух, вот это да. — прокомментировал Бэнкси. — Отсюда еще страшнее выглядит. Будто смотришь фильм ужасов.

Стол частично загоразживал происходящее и мешал разглядеть все как следует. Бриджес придвинулся еще ближе к экрану, едва не уткнувшись в него носом.

— Тут, к сожалению, лишь одна камера. — извиняющимся тоном сказал Макмерфи. — Иначе мы показали бы все хотя бы с нескольких ракурсов.

Бриджес не слушал — его взгляд был сосредоточен на безмолвной, и оттого как будто даже более устрашающей сцене. Кажется, он мог разглядеть руки Сары — они спокойно лежали вдоль тела, тогда как Фред сжал пальцы на ее горле.

— Она не сопротивляется... — выдохнул Бриджес.

Люди вокруг засуетились, повскакали со своих мест. Никто не бросился на помощь Саре и это покорило детектива, но потом в кадре появились двое охранников — Бэнкси и Макмерфи. Наверное, люди уже видели, что кавалерия на подходе. Иначе, решил Бриджес, кто-нибудь обязательно вмешался бы. Очень уж не хотелось окончательно терять веру в человечество.

— Меня тоже удивило, что она не пыталась себя защитить. — кивнул Бэнкси. — Просто лежала, а он ее душил... Ее лицо уже стало красным, когда мы подоспели, но она продолжала лежать спокойно, почти безмятежно.

— Будто смирилась со своей участью. — добавил Макмерфи.

Охранники навалились на Фреда Эллисона. Бэнкси обхватил его за пояс и изо всех сил тянул на себя, а Макмерфи пытался расцепить его руки, сжимавшие горло девушки, но потом прекратил эти попытки и присоединился к своему коллеге. Вдвоем они все же оттащили Фреда и повалили на пол. Тот как будто отключился на мгновение и обмяк.

— Он что-нибудь говорил, когда душил ее?

— Скорее шипел, как змея. Я расслышал что-то вроде "Это все ты, ты виновата, что я теперь такой. Не вздумай меня кинуть, сука." В общем, он страшно обвинял ее в чем-то.

Подоспели другие охранники, они встали возле Фреда, готовые остановить его, если он

вновь начнет буйнить. Макмерфи тем временем помог Саре подняться, но ее сильно шатало, так что он поскорее усадил ее на стул и вскоре принес стакан воды. Потом он наклонился к ней и что-то сказал, а Сара покачала головой.

— Я предложил вызвать "скорую".- пояснил Макмерфи. — Но она отказалась.

Потом к ней подошел Бэнкси.

— А я уже сказал, что сейчас позвоню в полицию. Тут она и объяснила нам, что этот псих — ее братец, и можно обойтись без копов.

Видео продолжалось, но больше ничего интересного Бриджес не увидел. Сара забрала сумочку, висящую на спинке стула и, не глядя на брата, покинула кафе.

— Этого идиота мы вывели через другой выход. — сказал Бэнкси. — На случай, если он попытается вновь напасть на нее.

Бриджес откинулся на мягкую спинку кресла. Сидение было слишком удобным — тут немудрено уснуть. Он бы не смог сидеть тут часами, таращась в мониторы.

— Сделайте мне копию этого видео. — попросил он. — И если вы вспомните что-то важное... Может, какую-то фразу, произнесенную кем-то из них, сообщите мне.

Он вручил им свои визитки.

Несколько минут спустя Бриджес вышел в коридор торгового центра, сжимая в руке заветный диск. Он огляделся, будто надеясь или опасаясь вновь увидеть того человека, который, как ему казалось, подозрительно часто оказывался рядом.

"Пора завязывать с этой работенкой." Бриджес быстрым шагом направился к лифту, ведущему на первый этаж — до эскалатора было слишком далеко тащиться, а он как можно скорее хотел продемонстрировать свой трофей лейтенанту и — что гораздо важнее — вызвать Фреда Эллисона уже на официальный допрос.

Торговый центр он покинул в приподнятом настроении.

Он даже не разглядел лица того, кто пырнул его.

Джонни Гудман последовал совету Сэма и не стал идти назад, решив, что это действительно самоубийство. Вместо этого он нашел более-менее удобное для ночлега место в узком проулке между двумя домами, один из которых выглядел заброшенным. Устроился прямо на мешке с мусором, благо он оказался довольно мягким — похоже, выкинули какие-то тряпки — а под голову подложил несколько свернутых газет. Уже вечерело, в темноте его тут точно никто не найдет... а утром приедет Сэм и все будет хорошо. Конечно, жуткая татуировка никуда не денется, но он найдет какой-нибудь способ скрыть ее. Сэм наверняка подскажет, как это можно сделать.

Однако из двух домов лишь один был нежилым...

Вероятно, это случилось около двух часов ночи. Джонни уже спал, не очень крепко, правда — его сон был полон пугающих, тревожных образов, в этом сне он вновь и вновь нажимал на курок, бедняга Бобби Роул вновь и вновь валился с ног, а Сэм вновь и вновь кричал, какой же Джонни debil — когда в одном из окон, почти прямо над ним, зажегся свет. Быть может, кто-то только сейчас явился с работы. Может, наоборот — кто-то на нее собирался, на ночную смену. Это неважно — свет упал на лицо Джонни, свет блестел прямо у него на лбу, четко обозначив свежую татуировку.

Чьи-то шаги... но Джонни не слышит их.

Чье-то дыхание прямо на лице... но Джонни не ощущает его.

Сон разбился в тот миг, когда резкая боль пронзила все его существо, но эпицентром ее стал живот. Он ощущал там что-то холодное, что-то ужасно острое — а потом оно исчезло и послышался топот быстрых шагов. Джонни вновь остался один, а свет в одиноком окне в скором времени погас.

"Как угаснет скоро и моя жизнь..."

Он сжался, приняв позу эмбриона, но боль слабее не становилась. Джонни попытался зажать рану рукой, но прикосновение вызывало нестерпимую боль. В конце концов он взял газету, которую использовал вместо подушки, и аккуратно приложил ее к животу. Очень быстро она стала мокрой от крови и начала рваться.

Он заскулил, как побитый щенок. Самому было противно от этих звуков, а главное, их мог услышать кто-нибудь еще, но он не мог себя остановить, это происходило само по себе. Джонни чувствовал кровь, которая продолжала течь из раны, ощущал ее под собой — кажется, образовалась уже довольно большая лужа — и понимал, что с каждой каплей из него вытекает сама жизнь. Он улегся головой уже на холодный асфальт и закрыл глаза, прекрасно понимая, что никогда их больше не откроет.

"Но может, Сэм придет чуть раньше, чем приказал ему босс. Может, он спасет меня..."

Нет, Сэм целиком человек Коэна, он исполнит его приказ, каким бы жестоким он ни был. Он не станет так рисковать.

"Сэм неплохой человек, он придет, придет... нужно только протянуть до утра, вытерпеть всего несколько часов..."

Боль накатывала волнами, то отступала, так что он почти не ощущал ее и даже начинал сомневаться — не приснилось ли ему все это? — то возвращалась, еще сильнее, чем прежде, будто кто-то снова и снова вонзал острое лезвие в его плоть, и проворачивал, вызывая

чудовищные муки. Джонни глотал слезы и зажимал рот окровавленной рукой, чтобы не закричать.

Сколько все это длится? Время будто остановилось здесь, в этом темном проулке. Изредка на дороге мелькали фары проезжающих автомобилей и всякий раз Джонни слегка приподнимал голову в слабой надежде: вдруг это Сэм? Вдруг он каким-то образом почувствовал, как ему плохо, и вернулся за ним?

Потом он вновь опускал голову, и как будто засыпал, но это была лишь дрема: Джонни уплывал куда-то на этих болезненных волнах, но продолжал ощущать холодный шероховатый асфальт под головой, тепло, разлившееся под его телом, легкий ночной ветер, теребивший остатки волос на макушке — Коэн сбрил слишком много, чтобы ничто не мешало как следует рассмотреть свастику на лбу Джонни.

Как странно... Сейчас, ощущая подступающую смерть, он должен чувствовать печаль и смирение — что еще-то остается? — но вместо этого душу и затуманенный разум охватила ярость. Жестокая, страшная, кровавая ярость. Ему хотелось убить их всех — Коэна, Сэма, того татуировщика, всех, кто так или иначе виновен в том, что сейчас он лежит здесь, на грязной земле, умирает и хнычет от боли. Он желал увидеть их, перевернутых вверх ногами, на крюках, на которых подвешивают туши. Хотел видеть их торчащие наружу внутренности и мокрые от слез глаза. Хотел слышать их вопли и мольбу о пощаде...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

"Нет... так нельзя... с такими мыслями в рай меня не пустят."

Джонни удержался от смеха — знал, что тогда боль станет еще сильнее. Попытался перевернуться на другой бок и вновь чуть не закричал. Пришлось остаться в том же положении хотя, кажется, ноги у него онемели. А может, дело в том, что он уже почти мертв? Откуда начинается смерть? Что отключается в самом начале?

"Хорошо бы, если бы мозги."

Кажется, спустя целую вечность он наконец по-настоящему заснул. В этом сне не было ничего, кроме черной пустоты, но временами она вспыхивала и начинала пульсировать красноватым цветом, почему-то напоминая мигалку полицейской машины. Вот только где же синий цвет? Он тоже должен быть.

Джонни понял, что настал конец — может, этот красный свет увлечет его за собой? Может, скоро появится еще один источник света, тот самый белый туннель? И что ожидает его там, в конце этого туннеля? Ад, за все его прегрешения, за все дурные мысли и еще более дурные поступки? Может, рай, за эти несколько часов страшных предсмертных мук? А может, просто чернота — бесконечная тьма, без намека на просвет, вечная, холодная, тьма без конца и края...

Кто-то тряс его за плечо...

Нет, наверное, это иллюзия. Нет у него больше никакого плеча. Его самого больше нет.

Джонни попытался погрузиться в ту красноватую темноту, уйти в нее, раствориться в ней, но ощущение чьей-то руки становилось все более реальным.

— Джонни... Джонни, очнись!

Сэм? Неужели он все-таки приехал за ним?

"Слишком поздно. — хотел сказать Джонни, но губы слиплись, да он и не ощущал их. — Я уже мертв. Ты трясешь мой труп, Сэм. Отправляйся к боссу, скажи, что все кончено. Он победил... как всегда."

— Джонни, просыпайся!

Нет, это не голос Сэма. Этот звучит совсем по-другому...

Боль пронзила его лицо — кто-то ударил его по щеке. Чернота стала кроваво-красной, а потом вдруг стало светло. Джонни понял, что лежит на спине и смотрит в небо, которое уже стало голубоватым — ночная тьма отступала.

Кто-то еще раз хлопнул его по щеке, но уже слабее.

— Очнулся? Ну молодец. Наконец-то.

Да, этот голос определенно не был знаком Джонни. Через пару мгновений он увидел над собой человека в синем костюме — белого человека в этом черном квартале, вот что самое главное.

Человек был немолод, волосы его обрели пепельный оттенок, но лицо было довольно симпатичным, вот только от левой брови до правой щеки, пересекая нос, тянулся длинный старый шрам.

— Я уж думал, что потерял тебя. — мягким голосом произнес незнакомец. — Ты можешь сесть? Попробуй.

"Сесть? — мысленно удивился Джонни. — Я не могу сесть. Я же умер."

Но почему тогда он ощущает себя? Руки, ноги, шею, которая болела после долгого лежания в одном положении, другую, гораздо более сильную и ноющую боль в области живота и, там же, на животе, что-то мягкое и теплое.

"Я жив?" — хотел спросить Джонни, но с его губ не слетело ни звука. Но похоже, этот вопрос каким-то образом отпечатался в его глазах, потому что незнакомец кивнул.

— Да, ты жив. И будешь жить дальше, если сумеешь сейчас сесть... а потом и встать, ибо нести тебя на руках я не смогу.

Джонни сумел согнуть свои заиндевевшие руки и уперся ими в землю. Навалившись на них всем своим телом, он слегка оттолкнулся и действительно сумел принять сидячее положение. Правда, тут же застонал от боли и вновь попытался лечь, но мужчина остановил его, сунув руку ему под спину.

— Нет-нет, не надо. Тише, прошу тебя. Мы в опасном районе, даже мне тут неудобно. А уж тебе, с этим... рисунком на лбу... тем более.

Джонни ощущал подступающую тошноту. Голова кружилась, в горле пересохло, язык вообще не ворочался и казался бесполезным куском мяса. Его всего колотило. Теперь, имея возможность осмотреть себя, Джонни обнаружил, что рубашку с него сняли, а рану на животе обмотали очень толстым слоем бинта. Тем не менее, он уже начинал краснеть.

— Ты потерял много крови. — сказал незнакомец. — И потеряешь еще больше, если не пойдешь со мной. Обопрись на меня и попробуй встать.

Легко сказать. Джонни закинул руку на плечо мужчины и попробовал подняться, но ноги тут же подкосились.

— Ничего. Давай, попробуй еще.

Получилось лишь с третьего раза. Джонни стоял на ногах, вцепившись в незнакомца с непонятно откуда взявшейся силой, и пытался выровнять дыхание. Пульсирующая боль в животе не унималась ни на миг.

— А сейчас нам нужно идти. Тебе придется шагать, Джонни.

Джонни хотел спросить его, кто он такой, откуда знает его имя, как нашел его, но мог лишь нечленораздельно мычать. Он сделал первый шаг и вновь чуть не упал.

— Ничего страшного. Давай, дружище, осторожно.

Несколько неуверенных шагов спустя он наконец почувствовал землю под ногами.

Незнакомец слегка морщился — Джонни теперь цеплялся за него, словно обезьяна за древесную ветку, и висел на нем почти всем телом.

— Вот так, хорошо... Моя машина тут, совсем рядом.

Они вышли наконец из проклятого проулка и оказались на дороге. Судя по зеленоватому цвету небес, было раннее утро, солнце едва-едва поднялось над горизонтом. Улица была пустынна и тиха, лишь где-то далеко-далеко, на пределе слышимости, в чьем-то доме играла музыка.

Автомобиль, серый "бьюик", стоял у обочины, едва не заехав колесами на бордюр. Кое-как извернувшись, мужчина открыл перед Джонни заднюю дверцу. С громким стоном Джонни рухнул на сидение и тут же попытался лечь, благо там было довольно просторно.

Мужчина уселся за руль. Джонни ощущал на себе взгляд его внимательных карих глаз — он отражался в салонном зеркале.

— Ну как там? Нормально?

Джонни кашлянул и прохрипел так тихо, что сам себя едва услышал:

— Кто... кто...

На большее сил ему не хватало, но незнакомец все понял.

— Кто я? А что, разве не очевидно? — усмехнулся он и завел двигатель. — Твой ангел-спаситель, кто ж еще. Но этот костюм такой узкий, что мне пришлось скатать свои крылья в трубочку.

"Бьюик" доехал до конца улицы, где находился широкий перекресток, совершенно пустынный в этот ранний час, развернулся там и двинулся в обратном направлении.

"Это все сон. — думал Джонни. — Я умираю — а может, уже умер — и мне видится этот человек. А эта машина... куда она везет меня? Наверное, туда, откуда не возвращаются. Да, так оно и есть..."

— Скажи мне, Джонни, что ты сейчас ощущаешь? — бодрым голосом спросил незнакомец.

Джонни, находившийся на грани яви и сна, молчал.

— Давай попробую угадать. Ты злишься. Ты в ярости. Ты хочешь причинить кому-то боль — такую же, как причинили тебе, а может и сильнее. Я прав?

Да, у Джонни были такие мысли... Но кажется, это было так давно.

— У тебя будет шанс. — сказал незнакомец, вновь глянув на него через зеркало. Глаза его блеснули и Джонни пробрала дрожь. — Мистер Родригес поможет тебе, ты получишь то, чего так жаждешь. Что может сравниться с мстью? Разве что, по-настоящему вкусное шоколадное мороженое.

В то утро Сэм Картер простоял в одном из самых опасных районов города почти два часа. Еще около часа он потратил на поиски, но Джонни так и не отыскал. Разве что, заглянув в просвет между двумя домами, обнаружил там свежую лужу крови. Не хотелось думать о том, что она могла принадлежать Джонни. Но если его все-таки ранили, то где же он теперь?

О том, чтобы расспрашивать местных жителей, и речи быть не могло. Подходить к ниггерам и задавать вопросы вроде "вы не видели тут недавно белого парня со свастикой на лбу?" — значит почти наверняка нарываться на неприятности.

Обойдя все районы неподалеку от того места, где накануне высадил Джонни, Сэм был вынужден вернуться к машине. Во время своих поисков он и так уже заработал немалое количество подозрительных взглядов.

Сэм просидел в машине еще полчаса. Может, Джонни не послушался его совета и отправился обратно на своих двоих? Или нашел более-менее надежный способ скрыть свою татуировку и уехал на такси — Сэм не помнил, чтобы босс забирал у Джонни еще и деньги.

Позвонить Коэну и сказать, что не нашел Джонни? Бред, ради того босс и отправил беднягу сюда — чтобы тот навеки сгинул и не путался под ногами. Испытывая более острое, чем прежде, отвращение — как к самому себе, так и к своему боссу — Сэм завел мотор и отправился выполнять свое настоящее задание.

Детектива Райана Бриджеса, полицейского, вызывающего у шефа опасения, он отыскал довольно быстро. Поставив машину возле закусочной, расположенной почти напротив участка, Сэм наблюдал за тем, как детектив спускается по ступенькам крыльца, держа в одной руке пустой, видимо, стаканчик из под кофе, а в другой недоеденный пончик. Спокойным шагом полицейский направился к своему автомобилю.

Когда его машина тронулась, Сэм выждал несколько секунд, чтобы между ними образовалось хоть какое-то расстояние, и двинулся следом. Едва ли Бриджес ожидает, что его будут "пасти", а потому и приглядываться к едущим позади машинам не станет, но босс сказал быть аккуратным, а потому Сэм ехал максимально далеко.

Уже после нескольких поворотов он понял, куда направляется полицейский, и испытал легкое беспокойство. Может, люди босса где-то вчера наследили, разыгрывая всю эту сценку с перчатками? А может, детектива ведет профессиональное чутье?

Поняв, куда он намылился, Сэм отстал еще больше и свернул чуть раньше. Еще пару миль спустя он проехал возле дома, служившего укрытием для наблюдателей Родригеса, но автомобиля детектива там не оказалось. Неужели ошибся?

Ошибся — но лишь на пару домов. Детектив остановился возле дома Сары — вернее, возле дома некоего Барри Корнуотера, которого никогда не существовало — и Сэм застал как раз тот момент, когда он заходил внутрь.

Сэм остановился под сенью раскидистого вяза на другой стороне улицы и стал ждать.

Бриджес вышел примерно через полчаса, сжимая что-то в руке. Сэм тут же схватил бинокль и прижал к нему козырьком ладонь, чтобы линзы предательски не блеснули на солнце. Детектив держал нечто, упакованное в небольшой, излишне сверкающий пакет. Оно быстро исчезло во внутреннем кармане плаща полицейского и Сэм выругался.

"Вдруг он нашел что-то важное, какую-то серьезную улику? Но ведь копы должны были

там все вверх дном перевернуть в первый же день."

Детектив Бриджес сел в машину и отправился в сторону центра. Сэму пришлось выждать дольше, чем в первый раз: эта маленькая улочка была совершенно пустынна, любой автомобиль тут привлекал внимание. В зеркало заднего вида Сэм увидел магазин Бобби Роула. По прежнему там висела табличка "закрито", но теперь дверь обмотали желтой полицейской лентой.

Сэм полагал, что с уликой Бриджес вернется в участок, однако он остановился возле торгового центра. Что, решил затариться продуктами или сходить в кино? Ощущая раздражающее чувство, что его водят за нос, Сэм встал на другой стороне парковки, вышел из машины и направился быстрым шагом к раздвижным дверям, за которыми уже скрылся Бриджес. Тут действительно нужно поторопиться — полицейского потом будет не найти в этом огромном лабиринте из магазинов, кафешек и кинотеатров. На ходу Сэм натянул капюшон — очень уж много тут камер.

Сэм неспешным шагом двигался вдоль торговых точек, делая вид, что приглядывается к одежде, игрушкам, книгам, различным безделицам, но краем глаза постоянно наблюдая за детективом. К его удивлению, Бриджес занялся странной и скучнейшей работой: он бродил, выискивая людей в черной форме и с рацией на поясе — охранников, задавал им какие-то вопросы и, что особенно важно, показывал им некие фотографии. Сэм ощущал что-то вроде зуда во всем теле. Ему ужасно хотелось подойти ближе и подслушать, о чем он спрашивает, а еще лучше — как бы невзначай оказаться рядом в тот самый момент, когда он в очередной раз достает фотографии. Но это было слишком рискованно.

Может, позвонить шефу? Может, он даст добро на этот риск? Сэм хмурился, глядя на то, как Бриджес трясет фотографией уже перед лицом продавца в отделе женской одежды. Похоже, детектив совсем отчаялся, скоро начнет приставать к посетителям.

Полицейский поднялся на второй этаж. Сэм направился к противоположному эскалатору, чтобы не оказаться слишком близко. Когда они оба поднялись наверх, Сэму пришлось оборачиваться и вновь выискивать Бриджеса взглядом.

А детектив уже беседовал с высоким лысым охранником в кафе. Показал ему фотографию, причем на лице полицейского уже застыло безнадежное, почти скорбное выражение — и охранник внезапно кивнул.

"Ага, вот тебе и повезло наконец." Соблазн подойти ближе стал слишком велик, Сэм направился в сторону кафе.

Высокий охранник внезапно куда-то ушел, а детектив сел за столик. Сэм встал возле эскалатора. Между коридором торгового зала и кафе располагались кусты какого-то широколистного растения — очень неплохое укрытие. Сэм придвинулся к ним вплотную и теперь мог достаточно близко видеть макушку сидящего к нему спиной детектива. Оглядевшись, Сэм также заметил камеру почти над полицейским — кажется, его она тоже могла зацепить.

"Плевать. Хватит быть размазней, пора уже слегка рискнуть."

Вскоре явился еще один охранник, тоже лысый, но низенький и тучный. Они начали говорить с детективом, но слишком тихо, Сэм все равно не мог расслышать. Дьявол! Видимо, нужно было взять с собой оборудование, наподобие того, каким, без сомнения, был напичкан наблюдательный пункт Родригеса.

Охранники говорили по очереди, видимо, дополняя друг друга. Сэм не решался лишний раз высунуть нос из укрытия, чтобы как следует их рассмотреть и попытаться прочитать по

губам, о чем они говорят. Наконец все трое поднялись с места, прошли через кафе и исчезли в коридоре. Сэм бросился за ними.

Тут было пустынно, справа расположились всего несколько отделов с одеждой, причем один был закрыт. Сэм встал возле второго, делая вид, что разглядывает тряпки — к сожалению, это оказался отдел с женской одеждой и со стороны казалось, что Сэм неотрывно смотрит на трусы, натянутые на черный манекен.

Один из охранников провел картой по электронному замку. Раздался мелодичный звук, все трое скрылись за дверью с надписью "посторонним вход воспрещен". Вот только за миг до того, как дверь закрылась, Бриджес обернулся и, кажется, увидел его.

Сэм поспешно отошел в сторону, на ходу доставая телефон. Джордж Коэн, как всегда, не торопился брать трубку.

— Алло?

— Это Сэм. Я наблюдаю за Бриджесом, он сейчас в торговом центре.

— И что он там делает? — лениво поинтересовался Коэн. Он наверняка надеялся, что Сэм уже сейчас сообщит ему что-то чрезвычайно важное и, желательно, радостное, но этим надеждам сбыться пока не суждено.

— Он опрашивал охрану и продавцов, показывал какие-то фото. — быстро затараторил Сэм. — Потом исчез вместе с двумя охранниками в служебном помещении. Войти туда я не могу.

— Так продолжай караулить его. Позвони, когда случится что-то по-настоящему важное. И попытайся узнать, о чем он спрашивал. Подойди к кому-то из тех охранников, в конце концов!

— Понял, босс. — Сэм оборвал связь и уже в тот момент вспомнил: он не сказал Коэну, что Бриджес нашел что-то в доме Сары.

"Неважно, еще успеется." Сэм встал за углом, откуда был хорошо виден коридор, и стал ждать. Вскоре дверь открылась и появились другие охранники, выглядели они так, словно их только что вырвали из сладкой дремы.

Прошло, кажется, не менее получаса, прежде чем Бриджес вернулся. Сэм следил за ним осторожнее, чем прежде. Детектив внимательно огляделся, а потом направился в другую сторону — к лифтам.

"Они ему дали что-то. — стучало в голове. — Какое-то видео, не иначе. Но что на нем запечатлено?" Сэм, помедлив лишь одно мгновение, пошел обратно, но не к эскалаторам — до них идти далеко, Бриджеса потом будет не найти — а к таким же лифтам.

Он подошел к первому, нажал кнопку вызова, но ничего не произошло.

— Какого черта?

Подскочил к другому и вдавил кнопку до упора, но лифт не реагировал.

— Эй, приятель, они неисправны!

Сэм обернулся. Створки последнего, третьего лифта, были раздвинуты, там стояли двое мужчин в какой-то форме — похоже, лифтеры.

— С тросами проблемы. — пояснил один из них. — Давай сюда, этот работает.

— Благодарю. — буркнул Сэм и заскочил в кабину, которая уже закрывалась.

Он прижался спиной к прохладной металлической стене. Сэм уже жалел, что не поехал на эскалаторе — он ненавидел лифты и вообще все закрытые маленькие помещения. Каждый из них похож на гроб, в каждом из них ему тяжело дышать, а сердце колотится где-то возле горла.

Сэм закрыл глаза и не сразу заметил, как желтая лампа под потолком покраснела и начала мигать. Раздался угрожающий скрежет.

"Нет. Нет, нет, нет! Только не это!" Он рванул к дверям, словно надеясь, что они откроются перед ним сами по себе, как те, на входе, но чьи-то сильные руки ухватили его сзади.

— Спокойнее. — произнес один из лифтеров прямо над ухом. Но как можно было успокоиться? Сэм ощущал подступающую панику, но вызвана она была теперь не только внезапно остановившемся лифтом: объятья человека, державшего его сзади, стали совсем уж недружелюбными.

— Отпустите меня. — громко сказал Сэм, но лифтер не подчинился. Он по-прежнему крепко держал Сэма и тот не мог пошевелиться.

Во мраке, который рассеивался лишь мигающей кровавой лампой, Сэм увидел, как второй лифтер сделал шаг вперед. Кинжал тускло блеснул в его руке. Мгновение спустя острая боль пронзила Сэма в области живота, за первым ударом последовал второй, а потом и третий.

— За Эдриана!

Сэм чувствовал, что слабеет. Ноги его подкосились, он рухнул на колени. Кровь лилась на холодный пол и блестела в свете аварийного огня, кровь капала с лезвия кинжала.

Страшная слабость охватила его, боль куда-то ушла, все вокруг стало размытым и плавающим. Сэм упал и уже не ощутил четвертого удара — тот, кто держал его, вонзил нож ему между лопаток. Пятый удар — чуть ниже, в области поясницы. Кровь хлынула новым сильным потоком, потрясаясь теплой, живая... но он уже не был теплым и живым.

— За Эдриана. — произнес второй человек и воткнул нож в основание черепа Сэма.

Трое полицейских сидели в небольшой затемненной комнатке и напряженно наблюдали за действием, разворачивающимся перед ними на экране. Вернее, напряжение явно ощущали лейтенант Солверсон и детектив Фергюсон, а вот детектив Бриджес был куда спокойнее: все это он уже видел.

Самые важные кадры лейтенант Солверсон прокрутил несколько раз, останавливая видео, перематывая назад и вновь запуская. Стояла полная тишина, она слегка действовала на нервы.

— Ну что? — нарушил ее Бриджес. — Считаете, мог он вечером вернуться и закончить начатое?

Лейтенант молчал, а вот Фергюсон наконец отвлекся от этого невеселого фильма и ответил:

— Теоретически — да. Ты вчера дал мне задание покопаться в прошлом Фреда Эллисона. Я кое-что нашел. Хотя признаюсь, для меня версия с Родригесом все равно звучит куда реалистичнее.

Бриджес хотел поспорить, но поймал предостерегающий взгляд лейтенанта. Солверсон явно был не в восторге от разногласий, возникших вдруг у детективов, которые раньше всегда находили общий язык, и пока не принял сторону ни одного из них.

— К тому же, — продолжил Фергюсон. — перчатки наконец проверили: на них кровь Ричарда Кроу, как я и предполагал.

— Но зачем убийце относить перчатки в дом? — воскликнул Бриджес — уже не мог сдерживаться. — Почему не выбросить где-нибудь по дороге?

— Ну хватит уже. — почти прорычал лейтенант, остановив наконец видео, и смерил строгим взглядом обоих детективов. — Вы словно дети малые. Пора бы нам сопоставить факты и решить, в сторону какой версии двигать расследование. Но для начала надо поговорить с этим Эллисоном. Хотя бы чтобы выяснить, чем же его так разозлила родная сестра.

Это была победа, маленькая, но победа. С торжествующим видом Бриджес покинул кабинет, а уже в коридоре Фергюсон нагнал его.

— Нужно вызвать Родригеса на допрос. Коэн наверняка согласится предоставить нам то письмо с угрозой. Пусть объясняется. Пусть расскажет, чем занимались в том доме его люди, зачем следили за Сарой. В том компьютере, что мы обнаружили, не один десяток часов скучных съемок.

— Иметь мотив и совершить преступление — не одно и то же, Стив. — устало заметил Бриджес. — Родригес должен был понимать, как сильно рискует. И разве Коэн сделал первый шаг? Он вообще говорил тебе, что собирался делать дальше?

Фергюсон смотрел куда-то мимо него, явно не желая встречаться с напарником взглядом.

— Кажется, у него не было конкретного плана. Он оберегал своего свидетеля — того, который мог обличить махинации Родригеса — и хранил письмо с угрозой. Все карты были у него в руках, а Родригеса это не устраивало. Он мог просто... просто психануть, в конце концов! В надежде, что тогда и Коэн ответит каким-нибудь странным выпадом.

Бриджес чувствовал, что вновь начинает болеть голова. Споры с Фергюсоном

действовали на него сильнее всего.

— Ну хватит, Стив. Мы уже выяснили, что и у Родригеса, и у Коэна были мотивы убить Сару. И у Коэна они даже сильнее, если он узнал, что она изменяла ему со Скоттом. Да-да, и не смотри на меня так. Почему ты не рассматриваешь такую версию? Он играет с нами, потому что больше ему ничего не остается. Мы можем вызвать его на допрос, реально можем, но знаешь, почему мы этого не сделаем? Потому что у него есть то, чего нет у нас: козырь в виде информации, полученной от его свидетеля. Информация, которая поможет усадить Родригеса за решетку. Не за убийство Сары, так за налоговые махинации — для начала.

На лице Фергюсона было написано упрямство. История с бизнесом Родригеса его слабо интересовала.

— А если мы упрячем Эллисона, что мы выиграем? — спросил он.

— Время — для начала. Сразу приговор ему не вынесут, но он окажется под стражей, он будет официальным обвиняемым, и оба — Коэн и Родригес — вздохнут с облегчением. Напряжение спадет и мы сможем продолжить расследование.

— Как мы его продолжим, если Эллисон будет под стражей?

Бриджес отмахнулся от этих слов, как от назойливой мухи.

— Другое расследование. Ты контактируешь с Коэном — отлично. Уговори его поделиться с нами информацией о Родригесе, хоть какой-то ее частью.

— В смысле, о его бизнесе по продаже машин? — Фергюсона эта идея не вдохновляла.

— Да. Надо лишить Коэна этого козыря. Тогда он перестанет быть таким ценным свидетелем, и может стать обвиняемым.

Бриджес видел, что не до конца убедил напарника, но спорить тот больше не стал. Бриджес открыл кабинет, где на столе его уже ждала тоненькая прозрачная папка.

— Все, что нарыл по Фреду Эллисону. — пояснил Фергюсон. — Есть одна история... довольно любопытная.

Бриджес открыл папку и увидел фото Фреда в профиль. Тут он был моложе, кажется, почти подростком. Безусловно, фото было сделано полицейскими.

— Сколько ему тут?

— Шестнадцать. Он напал на девчонку, на какой-то школьной вечеринке.

Фергюсон говорил об этом таким небрежным тоном, будто надеялся, что тогда и сам Бриджес воспримет эту информацию как-нибудь по-другому, не посчитает ее шибко ценной, но этот фокус не получился. Сердце Бриджеса забилось учащенно, он отложил фотографию и увидел полицейский отчет.

— Напал на девчонку?

— Угу. Там в рапорте офицера все сказано.

Согласно рапорту, шесть лет назад, 11 июня, Фред Эллисон поссорился с девушкой по имени Алисия Томпсон. Это случилось на вечеринке в аквапарке, устроенной специально для учеников местной школы. У вышеозначенных молодых людей, шестнадцатилетнего Фреда Эллисона и семнадцатилетней Алисии Томпсон возник конфликт, в результате которого Эллисон схватил девушку за шею и принялся душить.

— Маньяк-душитель прям, да? — хмыкнул Фергюсон.

Когда Эллисона попытались остановить, он отшвырнул девушку от себя и она упала в бассейн. Вслед за ней прыгнули несколько других молодых людей и вытащили ее из воды. Девушка была в полубессознательном состоянии и не могла плыть самостоятельно.

— В полубессознательном состоянии... — вслух повторил Бриджес и встретился взглядом с Фергюсоном. — Похоже, он сильно ее сдавил. А когда понял, что его вот-вот остановят, спихнул ее в бассейн... Думаю, он это сделал неспроста. Понимал ведь, что в таком состоянии она утонет.

— Она бы не утонула. Там было полно народу.

Да, и все же... Бриджес перечитал эту строчку еще несколько раз.

Офицер Смит опросил свидетелей и отвез молодого человека в участок. Алисию Томпсон осмотрел врач, убедился, что угрозы жизни нет и уже через час ее допросили. Однако заявление она писать не стала, сказав, что не хочет портить жизнь и без того несчастному Фреду Эллисону.

— Бред. — выдохнул Бриджес. — Либо она была полной дурой, либо...

— Либо он там так разнылся и разревелся, что ей действительно стало его жаль. — пожал плечами Фергюсон. — Не усложняй, Райан.

Вскоре Эллисона отпустили. На этом отчет заканчивался. История была бы не слишком интересная, если бы не нынешние, куда более трагические события.

— Это был его первый опыт... — сказал Бриджес. Сейчас он скорее уже разговаривал с самим собой.

— Что?

— Первый опыт. Он впервые чуть не убил человека... вот таким образом. Вначале придушил, а потом спихнул в воду. Думаю, ему это понравилось. Вероятно, так понравилось, что потом он мысленно повторял это снова и снова, жалея, быть может, что не сумел довести дело до конца.

— А шесть лет спустя решился повторить это с собственной сестрой? — усомнился Фергюсон.

— Почему нет? Тем более, он был разозлен, ты сам видел. Он был в ярости. А испытав то, что уже испытывал тогда, понял, что нужно закончить начатое.

Десять минут спустя он приказал вызвать на допрос Фреда Эллисона, а сам уже собирался позвонить этому офицеру Смиту — вдруг было еще что-то такое, чего он не отметил в рапорте? — но все его планы разрушил телефонный звонок.

— Алло?

— Детектив Бриджес? Это Бэнкси.

Охранник из торгового центра. Может, вспомнил еще что-то важное?

— Я слушаю.

— У нас... у нас тут кошмар. Просто ужас какой-то. Пришлось перекрыть половину здания, чтобы не пускать туда людей. Одна женщина все же увидела и... и хлопнулась в обморок. — судя по голосу, Бэнкси и сам был на грани обморока.

— Что случилось? — воскликнул Бриджес. По коридору в его сторону как раз двигался лейтенант. Неужто придется еще одну неприятную новость ему сообщить?

— Убийство. — выдохнул Бэнкси. — Какого-то парня зарезали прямо в лифте. Очень жестоко зарезали, у него пять или шесть ранений. Боже, я никогда такого не видел... и столько крови...

По изменившемуся лицу Бриджеса Солверсон, видимо, понял, что что-то не так.

— В чем дело, Райан?

— Я подумал, что надо вызвать вас. Это случилось через несколько минут после вашего ухода. — промямлил Бэнкси. — Приезжайте скорее, прошу вас.

Гудки. Бриджес стоял, прижимая к уху уже молчащую трубку, и чувствовал, как шевелятся редкие волоски на затылке.

"...через несколько минут после вашего ухода."

— Еще кого-то убили. — коротко ответил Бриджес лейтенанту, распахнул дверь своего кабинета и надел плащ.

До торгового центра он добрался за десять минут — гнал изо всех сил, так что коллеги на патрульных машинах наверняка тормознули бы его. Не выпуская руль из рук, он достал телефон и позвонил детективу Фергюсону.

— Это Бриджес, у меня нет времени, поэтому объяснять ничего не буду, просто слушай: дай задание двум-трем, а может и четверем — чем больше, тем лучше — людям, пускай проверят все банки, пускай тычут в лицо каждому кассиру фотографию Сары Эллисон. Понял меня? Давай.

Все происходило слишком быстро, события сменяли друг друга, как в калейдоскопе. В кармане его пиджака так и лежал пакет с "секретным" телефоном Сары, содержащим несколько важных сообщений. Скотт Радон в своем сообщении советовал Саре сторониться родного брата — что ж, еще один гвоздь в крышку гроба бедного наркомана Фредди. С ним все было более-менее ясно, но что за дерьмо происходит тут, прямо здесь и сейчас?

Торговый центр с первого взгляда работал как будто в прежнем режиме, но уже на входе можно было видеть охранников и полицейских, которые разворачивают людей возле эскалатора, призывая их идти другим путем. Увидел Бриджес и знакомое лицо.

— Бэнкси!

Извинившись перед остальными, высокий лысый детина направился к полицейскому. Бриджес заметил, что народу сейчас было заметно больше, как назло, а охранники, вынужденные на ходу что-то сочинять, уже выглядели измотанными.

— Что произошло? Кого убили?

— Вы сейчас все увидите, пройдемте.

Они миновали заслон из охраны и двинулись мимо второго эскалатора, прошли пару торговых залов, непривычно пустых в разгар дня и запертых со всех других входов, и Бриджес понял, что они направляются в сторону лифтов.

— На второй этаж? Но эскалатор был ближе...

— Нет, сэр.

Еще пара шагов и Бриджес все понял. Двери одного из лифтов были раздвинуты и внутри кто-то лежал.

— А где ваш коллега, Макмерфи?

— Он... — Бриджес слегка покраснел. — Он в туалете. Ему не очень хорошо, сэр.

Подойдя еще ближе, Бриджес увидел, почему Макмерфи стало плохо.

С первого взгляде детектив понял — это он и есть, тот самый парень, который то и дело мелькал рядом, то появляясь, то исчезая, выныривая, будто из небытия, и вновь погружаясь в оное. Именно его Бриджес увидел за миг до того, как закрылась электронная дверь — парень тогда стоял возле отдела женской одежды.

А теперь он лежал здесь, в лифте, в огромной луже собственной крови. Серый капюшон слез с его головы и Бриджес мог разглядеть огненно-рыжие волосы и часть лица с легким налетом веснушек. Чем-то это лицо казалось Бриджесу знакомым...

— Тело трогали?

— Нет, детектив. Мы знаем, что нельзя.

Глаза парня были закрыты — и то хорошо. К стеклянному взгляду мертвецов Бриджес так и не привык за все годы работы в полиции. Шея залита кровью, а судя по тому, под каким углом повернута голова, можно заключить, что один из ударов был нанесен под самый череп, причем с большой силой. Еще две глубокие раны обнаружились на спине, но Бриджес не сомневался, что есть и другие — очень уж много крови у него под животом.

— Кто еще видел тело?

— Только одна женщина, она хотела воспользоваться лифтом. Нажала кнопку вызова, двери открылись, а там... в общем, медики сейчас с ней работают.

Бриджес встал на корточки и взгляделся в лицо парня. На вид ему лет тридцать, может тридцать пять. Кровь на шее почти сливалась с пламенеющими волосами. Да, определенно, он видел это лицо раньше, и явно не в списке отличившихся учеников какого-нибудь местного университета.

— Видео есть?

— Да, есть, вернее, мы над ним работаем. — от волнения охранник Бэнкси начал заикаться.

— Что значит "работаете"?

— В смысле, ищем среди всех записей те, на которых можно увидеть убийцу. У нас тут много камер, вы сами видели.

Бриджес заметил, что кнопки возле еще двух лифтов не горят.

— Что с другими лифтами?

— Странная история. Похоже, в обоих кто-то нажал аварийную кнопку, хотя аварийной ситуации не было. Мы уже все исправили, но заново лифты пока не пускали.

Бриджес поднялся. Само тело мало что могло ему сказать, надо действительно увидеть все своими глазами.

— Ладно, пойдемте. Покажете мне свои видео.

На самом деле он чувствовал, что ему самому вот-вот станет плохо, как Макмерфи. Крови было столько, что она залила почти весь пол кабины, практически не оставив чистого пространства. Она не изливалась за пределы лифта лишь благодаря узкому проему, куда стекала и исчезала в темноте. В воздухе стоял сильный металлический запах.

Уже не в первый раз в жизни Бриджес задумался о том, какого, черт побери, хрена он до сих пор всем этим занимается. Что его заставляет, что им двигает? Уж явно не детская наивная мечта о всеобщем добре и справедливости, она уже давно растаяла в сигаретном дыму, растворилась в лужах крови вроде этой, просочилась в могильную землю. Наверное, было что-то... но что именно? Бриджес вдруг понял, что если в ближайшее время не найдет ответа на этот вопрос, то просто сойдет с ума.

Он шел уже знакомым коридором, остановился возле электронной двери, где охранник вновь использовал свой ключ-карту, и скользнул вслед за Бэнкси в мрачное, освещенное лишь мониторами помещение.

Но сейчас тут былолюдно, даже слишкомлюдно — полтора десятка человек едва помещались, толпились, толкая друг друга и матерясь. Все они внимательно изучали экраны, на которых, как понял Бриджес, уже не отображается картина реального времени.

— Их было двое! — гаркнул один из охранников, светловолосый и розовощекий, чем-то похожий на младенца-переростка. — Одеты в костюмы лифтеров. Вот, сами посмотрите.

Бриджеса пропустили и он уселся на один из мягких стульев. С еще большим интересом и, главное, куда большей тревогой он впился взглядом в монитор.

— Вот, смотрите. Камера висит над лифтом и нам не видно, что находится внутри. — сказал Бэнкси. — К тому же, все случилось всего через несколько минут после вашего ухода. Помните охрану, что сидела тут, когда мы с Макмерфи привели вас сюда в первый раз? Мы прогнали их, чтобы они не мешали. Вероятно, они просто не успели вернуться на свои места и потому все пропустили. Мы ни о чем не подозревали, пока та женщина не подняла дикий крик, после чего потеряла сознание.

Бриджес слушал его краем уха. Он видел рыжеволосого парня, который мечется между двумя лифтами, но ни один из них не отвечает на кнопку вызова. Тогда он бросается к третьему, исчезает внутри и двери закрываются.

— Они специально заманили его. — прошептал Бриджес. — И специально отключили другие лифты, чтобы параллельно с ними никто не ехал, чтобы они не столкнулись нос к носу с ненужным свидетелем на первом этаже.

— Да, детектив, я тоже об этом думал.

Лифт уехал и сидящий рядом охранник переключился на другую камеру.

— Вот, эта передает то, что внизу. Сейчас все увидите.

Некоторое время — слишком долго — ничего не происходило.

— Они остановили лифт примерно на полминуты, а потом запустили снова. — теперь тоже шепотом сказал Бэнкси. — Им этого хватило, чтобы... чтобы убить его.

Полминуты — целая вечность. Можно за полминуты устроить государственный переворот, не говоря уже о том, чтобы зарезать какого-то парня в лифте.

Камера на первом этаже была расположена все в том же, крайне неудачном, по мнению Бриджеса, месте. Видимо, те, кто устанавливали ее, полагали, что с такого положения она будет выхватывать лица всех, кто входит и выходит, но...

Но ни черта не вышло. Двери наконец открылись и Бриджес увидел двух мужчин в спецовках — на головах у них были кепки, а поверх кепок еще и капюшоны. Увидеть их лица не представлялось возможным. Детектив довольно громко выругался.

— Понимаю ваше негодование. — сказал светловолосый охранник. — Вот тем мы сейчас и заняты: просматриваем записи с остальных камер, в надежде увидеть этих молодцев где-нибудь еще.

Один из "лифтеров" (они такие же лифтеры, как Бриджес — балерина, хотя, надо признать, кое-что в устройстве лифтов явно смыслят), выходя из кабины, что-то спрятал в карман.

— Стоп! Можно отмотать и увеличить?

Как оказалось, можно. На увеличенной и потерявшей в качестве картинке Бриджес все же сумел разглядеть что-то, сильно похожее на рукоятку ножа.

— Ясно. Дальше.

Но как оказалось, дальше смотреть нечего. Мужчины в спецодежде ушли из поля зрения камеры.

— Минут через пятнадцать подошла та женщина. — сказал Бэнкси. — Я вначале не понял, в чем дело. Услышал крик, прибежал, тут уже другие охранники собрались. Открыли лифт и тогда только разобрались.

Бриджес откинулся на спинку мягкого стула. На него вдруг накатила ужасная усталость. Ответ на вопрос, который он себе задал, возможно, плавал где-то на поверхности, но ухватиться за него так и не удалось.

— Продолжайте просматривать видео. Присматривайтесь и к другим лицам — у этих

двоих могли быть сообщники. И еще: за передвижениями убитого тоже проследите.

Если последнее распоряжение и показалось кому-то странным, он не подал виду. Бриджес поднялся и направился к выходу, как и прежде, в сопровождении охранника Бэнкси.

— Обо всех находках сообщать лично мне. — продолжал давать указания детектив. — Это может быть частью расследования, которым я занят.

— Хорошо, сэр, я понял. Так вы считаете, этот парень... убитый... тут появился неспроста? Из-за вас?

Бриджес передернул плечами, хотя теперь не сомневался: да, из-за него. Он следил за детективом, но оказалось, что кто-то наблюдал и за ним самим.

Детектив вернулся к лифтам и увидел прибывшего на место офицера Кингсли, уже отличившегося, по словам Фергюсона, в доме-засаде Родригеса: там он нашел окровавленные перчатки. Сейчас Кингсли был так бледен, словно из него самого кто-то выпустил всю кровь.

— Эй, ты чего? Призрака увидал?

Кингсли молчал. Взгляд его был прикован к мертвому телу.

"Неужели впервые видит труп? — задумался Бриджес. — Если да... слишком суровое начало."

Нет, не впервые: он точно присутствовал на осмотре дома Сары Эллисон, а там тел было еще больше. Что же так испугало его теперь? Жестокость преступления? Поглядев на его белое лицо еще немного, Бриджес прошел мимо: душевное состояние офицера его сейчас должно меньше всего волновать.

Вишенка на торте, иначе и не назвать, уже поджидала Бриджеса в участке, но судя по тому, с каким мрачным выражением детектив ушел, можно было предположить, что и она его не обрадует.

Детектив Фергюсон выполнил указание напарника и раздал четверем офицерам поручение — обойти все банки и переговорить с их работниками на предмет обращения к ним Сары Эллисон. Положительных ответов пока не поступало и Фергюсон сидел, глядя на брата Сары, что сидел в допросной напротив него, и молчал.

Дело в не том, что Фергюсон не знал, о чем его спросить. Уж вопросов к Фреду накопилось достаточно, но лучше будет, если их задаст Бриджес — не стоит лишать его такого удовольствия. К тому же, Фергюсон чувствовал, что не стоит ступать на этот тонкий лед — договоренность с Коэном, хоть и трещала по швам, пока еще действовала, и детектив не хотел лишней раз проверять ее на прочность.

А вот сам Фред Эллисон был не прочь потрепать языком.

— Какого черта вы меня сюда притащили? — он пытался изобразить гнев, но голос предательски дрожал. Словно мышь пыталась мяукать, пародируя кошку. — Вы не понимаете, что у меня сейчас полно дел? Мне завтра сестру хоронить, между прочим!

Фергюсон не отвечал. Он хотел бы отключиться от происходящего, но не удавалось. Стоило ему отгородиться от болтовни Фреда, как он натыкался на ужасно невеселые мысли о Бриджесе. Райан явно не собирается успокаиваться. Что-то сейчас отвлекло его, сильно отвлекло, но во Фреда он вцепится, как коршун. И тогда уже все будет зависеть от того, насколько крепким окажется этот чертов наркоман.

— Чего вы молчите? — Фред в этот раз был одет в синюю джинсовую куртку, но и она выглядела такой, словно он достал ее из какого-то старого, пыльного шкафа, где обитала моль размером с какую-нибудь тропическую бабочку. Более того, он пытался причесаться, используя гель, но вышло не очень. На самом деле, если бы его волосы просто торчали во все стороны, он бы выглядел менее комично. — Вам кажется, что это круто? Притащить человека сюда, оторвать от важной работы, а потом просто сидеть и... пялиться? Это типа такой психологический прием, да? Ни черта у вас не выйдет!

Хоть бы он заткнулся... Его болтовня вызывала все большее раздражение. Где там Бриджес, что так сильно отвлекло его? Пару раз в допросную заходил лейтенант, ему сообщили об убийстве в торговом центре, прямо там, где Бриджес достал видео, но никаких подробностей пока известно не было.

То и дело Фергюсон поглядывал на часы. Время шло, Фред сидел тут уже час. Он уже собирался позвонить Бриджесу и поторопить его, но тут дверь допросной распахнулась и детектив явился собственной персоной. Он был бледен и явно очень устал.

— Ааа, вот и ты. — без особой радости протянул Бриджес, увидев Фреда. — Сейчас поболтаем. Стив, выйдем в коридор на минуту.

Они вышли из комнаты и остановились возле окна. Бриджес достал телефон, открыл папку с фотографиями и показал одну напарнику.

— Ну что? Не знаешь этого парня? Не видел его, когда общался с Коэном?

— Сэм Картер. — в горле Фергюсона пересохло. На фотографии Картер лежал в огромной луже крови, в каком-то маленьком помещении. — Это... это что, лифт?

— Точно. — Бриджес убрал телефон. — Прямо в лифте его и грохнули, двое парней в костюме лифтеров. Подготовили все, как надо, явно следили за ним. В иерархии Коэна Картер был серьезной шишкой, да?

— Более-менее. — Фергюсон ощущал дрожь, мурашки так и бегали по телу. — Кажется, Коэн ему сильно доверял и поручал важные задания.

— Ага. Вроде слежки за мной.

Вкратце Бриджес рассказал ему обо всем, что сегодня случилось в злополучном торговом центре. Сам тот факт, что человек Коэна следил за Бриджесом, не особо удивил Фергюсона: Коэн ему сам прозрачно намекнул, что Бриджес беспокоит его.

— Это Родригес сделал. — почему-то почти шепотом сказал Фергюсон.

— Ясен хрен. Вот только зачем? Если верить твоей теории, именно Родригес сделал первый агрессивный шаг. А теперь что, продолжает наступление? Истребляет всех его людей по одному? Как-то это странно.

— А по моему, как раз в стиле этого психа.

Фергюсон кривил душой: он вообще не был уверен, что у Родригеса присутствует некий свой стиль. Слишком долго он водил дружбу с Коэном и многому научился именно у него. И именно это делает данное противостояние еще более устрашающим: будто ученик восстал против своего учителя.

— Я не буду рассматривать убийства Бобби Роула и Сэма Картера в рамках одного и того же расследования. — пригрозил Бриджес. — У меня уже есть дело, и новые мне сейчас не нужны. Если хочешь и дальше ворошить это осиное гнездо — дело твое.

— Ворошить гнездо? Что за бред? — возмутился Фергюсон. — Не ты ли мне говорил, общайся с Коэном, выуживай информацию?

— Обстоятельства меняются. — отрезал Бриджес. — Количество трупов растет, и я не могу быть уверенным, что это не происходит из-за нас. Сейчас я пойду допрашивать Эллисона, можешь пойти со мной, если хочешь, а если копаться в грязном белье Родригеса тебе важнее — что ж, пусть так.

Фергюсон ощущал, как пылает лицо. Он не ожидал такого выговора от напарника и уже хотел ответить что-то резкое, но не стал — когда увидел по глазам, что Бриджес только этого и ждет. А потому сказал, наиболее спокойным и мягким тоном:

— Хорошо, пойдем. Сыграем в плохого и хорошего копов?

— Чур я плохой. Он уже знает, что я плохой.

"Нет, — с внезапной тоской подумал Фергюсон. — Я гораздо хуже."

Фред Эллисон уже ерзал на не слишком удобном стуле и морщился от яркой лампы, бившей в лицо. Он вздрогнул, когда дверь открылась и вошли двое полицейских.

Бриджес включил диктофон и произнес монотонным голосом:

— Номер записи 2155. В допросной присутствуют: детектив Стивен Фергюсон, детектив Райан Бриджес, допрашивается — Фред Эллисон.

Бриджес положил на стол папку, которую захватил в своем кабинете, ту самую, которую приготовил для него Фергюсон, но не торопился ее открывать.

Фергюсон сидел рядом, изучающе глядя на Эллисона. Вдруг Бриджес прав и бедную Сару убил родной брат? Да, это вполне возможно... но какое это теперь имеет значение?

— Итак, Фред. — сказал Бриджес. — Начнем с того, что покопаемся в вашем прошлом. Я хочу составить что-то вроде вашей краткой биографии... по крайней мере, мы затронем последние лет шесть.

Фред заерзал еще сильнее. Может, догадывался уже, о каких именно фактах его биографии сейчас пойдет речь?

Бриджес не стал больше тянуть и выложил на стол две фотографии. На первой сам Фред, только шестнадцатилетний, на другой — симпатичная темноволосая девушка. При виде второй фотографии Эллисон пискнул, но ничего не сказал.

— Алисия Томпсон. — произнес Бриджес, четко выговаривая каждый слог имени. — Что она сделала вам, Фред? Вы чуть не придушили ее, а потом кинули в бассейн, где в другой ситуации она наверняка утонула бы, потому что, цитирую составлявшего рапорт офицера Смита, "находилась в полубессознательном состоянии".

— Какое это имеет отношение?! — взвизгнул Фред и едва не вскочил с места, как ошпаренный.

— Отношение? — с вежливым непониманием переспросил Бриджес. — Отношение к чему, Фред? Почему, по-вашему, вы сейчас здесь?

Кажется, Фред уже хотел откусить себе язык — видимо, понимал, что каждым своим словом будет рыть себе могилу.

— Я... я не знаю. — промямлил он. — Откуда я знаю? Наверное, вам нужна еще какая-то информация. Но я уже рассказал все, что мне известно!

— Я так не думаю.

— Вам не стоит так волноваться, Фред. — мягким, успокаивающим голосом сказал Фергюсон. — Повторный вызов свидетелей — вполне обычная практика, это еще ничего не значит. Иногда возникают... дополнительные вопросы, всплывают какие-то новые обстоятельства.

Похоже, отчасти его слова возымели действие. Все-таки, слово "свидетель" звучало не так страшно, как "подозреваемый".

— Ладно. Хорошо. — Фред дышал уже не так часто. — Я расскажу. Эта сука... эта Алисия Томпсон... посмеялась надо мной. Перед всеми. Вы знаете, почему она потом отказалась писать заявление, а? Нет, ни черта вы не знаете.

Он даже рассмеялся, хотя смех вышел немного нервным. Фергюсон видел, что Бриджес с огромным трудом держит себя в руках.

— Она предложила мне таблетки. И не от живота, господа детективы. Думаю, вы понимаете, о чем я, да?

Бриджес кивнул со слабой улыбкой.

— Алисия боялась, что вы можете выдать ее?

— Точно. Когда ее привели, знаете, что она первым спросил? Она спросила: "что он вам рассказал?" Сучка чертова.

— Давайте отмотаем слегка назад. Алисия предложила вам колеса, а вы... что вы сделали?

— Отказался. Я тогда еще не был нариком, понимаете? И не было в моих планах им становиться. А она просто рассмеялась. В тот миг как раз музыка оборвалась, собирались поставить другую, и в наступившей тишине она назвала меня трусом и сосунком.

— Обидные слова. — покивал Бриджес. — И вот тогда вы вышли из себя, да, Фред?

Эллисон посмотрел на Фергюсона, словно надеясь, что тот чем-нибудь поможет, но что он мог сделать?

— Ну... да. Я сильно разозлился, схватил ее за шею. Хотел просто припугнуть, но немного... перестарался.

— Вы решили убить ее, Фред? — Бриджес наклонился вперед, стул под ним громко скрипнул. — Это ведь, наверное, было так... волнуяще и возбуждающе, да? Ощущать под своей рукой биение чужой жизни. Чувствовать эту силу, быть почти что богом. Понимать, что в твоей власти оборвать эту ниточку.

Теперь Фред смотрел на детектива, как на психа.

— Да ни хрена подобного! Что вы мне тут вешаете, а? Думаете, я маньяк какой-то?

— Потом вы отпустили ее. Не довели дело до конца. Вам помешали? Или вы передумали?

— Я просто знал, когда остановиться!

По лицу самого Фреда стало ясно, что он осознал свою ошибку. Эта фраза повисла в воздухе, почти осязаемая. Фергюсон испустил прерывистый вздох, а Бриджес улыбнулся и сам в этот миг напоминал сумасшедшего.

— О. Ну это хорошо, Фред. Очень хорошо. И много у вас было попыток, прежде чем вы осознали и прочувствовали ту черту, за которую переступать нельзя?

Фред побледнел и стал такого же цвета, как стена за его спиной, глаза его лихорадочно бегали, словно ища хоть какую-то точку опоры.

— Не было... не было никаких попыток. Я таким не увлекаюсь, ясно вам? Я не извращенец!

— По коллекции порно, что я видел в вашей квартире, такого не скажешь.

Теперь в лицо Эллисона бросилась краска, щеки стали пунцовыми и шея пошла алыми пятнами.

— А вот это... это вас не касается.

Бриджес поднял руки, как бы соглашаясь с этим, но отступить явно не собирался, да и с чего бы? Фред своей тупостью делал всю работу за него.

"Вот именно, он тупой. — подумал Фергюсон. — Он бы не догадался так все обставить, так запутать следствие. Он бы скорее убежал оттуда, в ужасе от того, что натворил."

— Ну хорошо, Фред. — Бриджес убрал фотографии Алисии и самого Эллисона. — Давайте вернемся к делам дней нынешних. При каких обстоятельствах познакомились Джордж Коэн и ваша сестра?

Наверняка Фред должен был ждать этого вопроса и подготовиться к нему, но все равно замаялся и опустил взгляд вниз, принялся рассматривать свои ботинки.

— Я не знал, что так все выйдет. Не думал, что мистер Коэн так ею заинтересуется.

— Подробнее, Фред, подробнее.

Эллисон тяжело вздохнул, видимо, примиряясь с неизбежным, и заговорил быстро, явно надеясь поскорее отделаться от этой неприятной и неловкой темы.

— Первой колеса мне предложила Алисия, а второй была Сара. Саре я верил и потому попробовал. Об этом я вам уже рассказывал. Она смогла остановиться, я — нет. И вскоре оказался на крючке у мистера Коэна.

— Денег не хватало, верно?

— Да. Поначалу я пытался занимать, просил деньги у Сары, но вскоре она перестала мне их давать и даже общаться стала реже. Будто я был каким-то... каким-то прокаженным. И тогда я стал напоминать ей, что это все из-за нее. Это она меня посадила, она во всем виновата. Поначалу это действовало, она вновь давала мне деньги, но вскоре и их стало не хватать. И тогда ко мне пришли люди Коэна.

Фергюсону вспомнились высокие угрюмые парни, которые обыскивали его, прежде чем

подпустить к боссу. Может, Коэн послал кого-то из них? А может, кого-то более умного, вроде Сэма Картера или Скотта Радона. Ведь порой одним только насильем деньги из должников не выбьешь.

— И вот тогда у меня родилась эта идея. Плохая идея, как я понял намного позже. — Фред говорил все быстрее, глотая слова. — Я знал, что у Коэна есть несколько борделей. Естественно, я сделал вывод, что ему интересны девчонки.

Комок подкатил к горлу Фергюсона. А при мысли о том, что ему, возможно, придется каким-то образом защищать этого ублюдка от излишних нападков Бриджеса, становилось еще хуже. Вполне возможно, нервы его не выдержат, он плюнет и сам сделает все для того, что бы Эллисон сел за решетку.

— И ты предложил ему свою сестру. — тихо сказал Бриджес.

Фред сморщился, будто решительно не был согласен с такой формулировкой.

— Повторяю: я не знал, что все так выйдет. Я уговорил тех ребят, сказал, что у меня есть кое-что получше денег, но необходимо, чтобы Коэн пришел сам. Вы не представляете, как меня ломало в то время! — создавалось впечатление, что его и сейчас ломает. Он дергал ногой, лоб его блестел от пота, а глаза так и шныряли туда-сюда. — Я был должен им, а на новую дозу мог и не надеяться, пока не расплатился. Я был в отчаянии, черт побери!

— Мы поняли. — куда холоднее, чем прежде, сказал Фергюсон. — Продолжайте.

— А еще я не знал, что он такой старый.

Бриджес удивленно вскинул брови.

— Вы не знали, что мистеру Коэну семьдесят лет?

— Нет. То есть, я знал, что он в этом... бизнесе... уже очень давно. Думал, что ему около пятидесяти, может чуть больше. Но не думал, что... в общем, когда я увидел его, то понял, что мои надежды разрушены. Ну зачем ему Сара? Разве что отправить ее в одно из этих заведений, но я ни за что не согласился бы на такое!

Последнюю фразу он произнес громче всего и с явным вызовом. Возможно, он и сам верил в то, что сказал. Но оба детектива сильно сомневались: наркоша ради дозы и мать, и сестру продаст.

— Но мистер Коэн все же заинтересовался Сарой? — догадался Фергюсон.

— Да. Она ему понравилась, он назначил ей свидание. Сара... она не до конца понимала, что происходит. Не знала, что я...

— Что вы продаете ее. Ясно.

— Она согласилась. Думаю, для нее это было чем-то вроде приключения. До нее не сразу дошло, чем он занимается, иначе она, скорее всего, отказала бы. Но решающую роль, я думаю, сыграл Скотт.

— Скотт Радон присутствовал при их первой встрече? — удивился Бриджес.

— Да, и при некоторых последующих тоже, в качестве охранника, а иногда и собеседника. Развлекал Сару, когда Коэна не было рядом.

Детектив Бриджес едва заметно улыбнулся: он явно знал, как именно Скотт ее развлекал.

— Итак, мистер Коэн завел... э-э... роман с Сарой. И что было после? Он простил вам долги?

Эллисон кивнул.

— Да. А денег, которые он давал Саре, хватало на новую дозу. В общем, все стало очень даже круто.

Он умолк, явно предполагая, что закончил свой рассказ, но детективы знали, что это не так.

— Вы мне солгали, Фред. — строго сказал Бриджес. — Во время нашего первого разговора. Вы говорили, что два дня не видели Сару, но это не так.

И, не сказав больше ни слова, он вышел из допросной. Фред смотрел ему вслед с изумлением и страхом, а Фергюсон прекрасно знал, за чем пошел напарник. Пару минут спустя Бриджес вернулся с ноутбуком, развернул его к Фреду и включил видео, при этом произнеся:

— Мистеру Эллисону демонстрируется вещественное доказательство под номером 17.

Видео было беззвучным, тишина действовала на нервы, но зато позволяла сосредоточиться на реакции Фреда. Он явно до последнего не ожидал увидеть такое кино. Бриджесу приходилось иногда подниматься и проверять, не закончилось ли видео. По мнению Фергюсона, это было лишним: все происходящее отражалось на лице Фреда. Чем страшнее становилась картина, тем больше бледнел Фред. Под конец он уже трясся, как в лихорадке, рот его был приоткрыт и на губах поблескивала слюна.

— Я... это... нет, я... — он издавал какие-то нечленораздельные звуки, а когда видео кончилось, продолжал пялиться в потемневший экран.

— Ну что? — спросил Бриджес. — Припоминаете такое? Или скажете, что это ваш злобный брат-близнец?

— Вы подтверждаете, что это вы на видео, мистер Эллисон? — мягко спросил Фергюсон.

— Да, это я... — Фред обливался потом, его запах уже висел в воздухе. Фергюсон опасался, что парень скоро и вовсе напрудит в штаны. — Но вы не понимаете... вы просто не понимаете...

— Так объясните нам, мистер Эллисон. — все тем же успокаивающим тоном попросил Фергюсон. Бриджес сейчас молчал: знал, что эту партию должен разыграть напарник. — Объясните, чтобы мы поняли. Что она вам сказала?

И тут началось. Сопли, слезы, слюны, висящие на кончике носа капли пота — все смешалось в одну малоприятную кучу и вылилось из Фреда Эллисона бурным потоком.

— Она хотела уйти с ним, сбежать, хотела бросить меня! Она говорила мне, еще раньше, что беременна, а теперь сказала, что не собирается делать аборт!

Бриджес нахмурился, данные слова его явно удивили, но он не стал прерывать это словоизвержение.

— Она собиралась оставить ребенка и сбежать с этим придурком, Скоттом! Хотела бросить меня, а я, что бы я тогда делал, а? Что бы со мной тогда было?

Слезы текли по его щекам. Фергюсон вперился испытующим взглядом в своего напарника: не следует ли приостановить допрос? Но Бриджес, похоже, не замечал его.

— Она хотела сбежать? И для этого сняла деньги, верно? Те десять тысяч?

— Да! Но ей нужно было еще... она хотела разыграть свою смерть, свою и Скотта! Устроить аварию, понимаете? Чтобы все подумали, что они погибли, чтобы никто не искал их!

Фергюсон и Бриджес изумленно переглянулись. Такого уж точно никто из них не ожидал.

— Она знала, что это единственный способ спастись от Коэна. — немного тише сказал Фред. Он вновь смотрел себе под ноги, не решаясь поднять глаза. — Он достал бы ее даже из

под земли, если бы знал, что она жива. А тут... разбитая машина, два обгорелых трупа, которые может опознать только врач. Все шито-крыто.

Бриджесу вновь вспомнились слова официанта, случайно услышанная беседа Скотта и Сары. "Провернуть такое будет непросто. — говорил Радон. — Нам придется дать кучу взяток, чтобы они сделали это и не пикнули." Тогда он подумал об аборте, ибо это было самым логичным, но теперь удивлялся своей наивности. Почему Скотт использовал именно такое слово — "провернуть"? Куда лучше подошло бы другое — "скрыть". Скрыть факт аборта, скрыть сам факт беременности... но разве это так трудно? Многие женщины скрывают свои абORTы, вполне успешно, и для этого им не нужны огромные суммы.

— Однако она все же рассказала об этом вам, Фред. — медленно проговорил Бриджес. — Получается, вы стали бы единственным, кто знает правду. Похоже, она доверяла вам, несмотря на все, что вы делали.

Он положил на стол старенький телефон с крохотным экраном.

— А вот ее любовник был совсем иного мнения о вас. Он был едва знаком с вами, но при этом видел насквозь.

В телефоне было открыто сообщение, полученное Сарой. "Фреду не верь, не встречайся с ним, не проси ни о чем. Давай встретимся вечером сама знаешь в каком ресторане."

Фред смотрел, но казалось, что он не может прочесть написанное. Взгляд его странно расплывался и выглядел безразличным. У Бриджеса возникли ассоциации с рыбой — неважно, выброшенной на берег или спокойно плавающей в родной стихии. У нее вечно вот такой бессмысленный, одинаковый взгляд.

— Скотт был сволочью. — сказал наконец Фред. — И если уж на то пошло, я рад, что он сдох.

— Сволочь частенько видит сволочей в каждом встречном. — не удержался Бриджес и Фергюсон упреждающе кашлянул.

Фред поднял голову. Он больше не плакал — вероятно, ему надоело ломать комедию.

— Я знал, что у них не выйдет. Я знал, что Коэн узнает. И тогда они оба умрут. Коэн не простил бы такое.

— И ты решил спасти их? — почти шепотом спросил Бриджес, но потом вновь возвысил голос, вспомнив, что работает диктофон. — Решил, что уж лучше все сделаешь сам? Чтоб не мучились, да?

Фред помотал головой, словно пес, вылезший из воды.

— Я ничего не делал, ясно вам? Я и пальцем ее не трогал!

— А что же это за сцена в кафе? Сара не молилась на ночь? — фыркнул Бриджес. — Все это вновь возвращает нас к твоему прошлому, к истории с Алисией Томпсон.

— Да ни черта подобного!

— Ты вспомнил былое и решил, что в этот раз должен довести дело до конца. — почти с возбуждением заговорил детектив. — Тем более, Сара так сильно тебя разозлила. Еще бы: решила лишить тебя такой замечательной кормушки и удрать с каким-то голодранцем. Тут бы любой взбесился... но не у любого хватило бы сил закончить начатое.

Глаза Фреда Эллисона, блестящие от недавних слез, были широко распахнуты и в них Бриджес видел свое смутное отражение. Должно быть, Фреду он сейчас представлялся каким-то демоном, дьяволом во плоти. Плевать — дьявол или ангел, он должен завершить эту нудную, скучную работу, вернуться домой и как следует напиться. Да, это было бы лучше

всего.

— Я не убивал Сару. — почти что прошептал Фред, но потом повторил громче, видимо решив, что с первого раза это прозвучало неубедительно. — Я не убивал Сару! Как я мог? Она моя сестра, мы выросли вместе!

— Ту девчонку, Алисию, ты столкнул в бассейн. — Бриджес словно не слышал его. — Прекрасно понимая, что в ее тогдашнем состоянии она не только плыть — вообще держаться на воде неспособна. Она бы утонула, если бы не остальные ребята.

— Если бы там не было остальных, я бы не толкал ее в бассейн! — вскричал Фред и поднялся с места, едва не уронив стул. — Я бы вообще не тронул ее! Она назвала меня трусом при всех, потому я вышел из себя!

— Сядьте, Фред. — сказал Фергюсон. — Успокойтесь. Не сомневайтесь: в этом месте эмоции не в цене. У нас любят факты.

— Да пошли вы все! — Фред вдруг повернулся вокруг своей оси и указал на большие круглые часы. — Не думайте, что мне неизвестны мои права! Вы притащили меня сюда в три часа дня, и один час я просидел, пялясь вот на этого хмыря... — он кивнул в сторону Фергюсон. — Из отведенных восьми часов у вас осталось только шесть с половиной!

— Все верно, Фред. — кивнул Фергюсон. — На допрос отводится восемь часов. По истечении этого срока вы либо выйдете через парадные двери, либо вам предъявят официальные обвинения.

Фред покачивался на месте, приподнимаясь с пяток на носки и о чем-то напряженно думал. Может, сочиняет какую-то историю?

— Все будет зависеть от тебя, Фредди. — сказал Бриджес, отбросив остатки учтивой вежливости. — Не от наших вопросов — они вполне стандартны — а от твоих ответов на них.

Будто приняв какое-то решение, Фред Эллисон вернулся на место.

— Очень хорошо, Фред. Теперь скажи: тонущая Сара напомнила тебе Алисию? Был хоть что-то общее? Тебе нравилось, как она барахтается, пускает пузыри, смотрит на тебя сквозь толщу воды? Что ты прочитал в ее глазах за секунды до того, как они остекленели?

Бриджес заметил, как поморщился Фергюсон. Видимо, не теряет надежды приплести сюда Родригеса. Впечатление, что этот мексикашка причинил ему какую-то личную обиду.

— Я не убивал Сару. — вновь сказал Фред. — Меня не было той ночью в ее доме.

— А где ты был?

— Был у себя.

— Кто может это подтвердить?

— Никто. Я живу один.

Бриджес откинулся на спинку стула.

— Выходит, алиби у тебя нет. Это очень...

— Я позвонил ему. — вдруг выпалил Фред. Голос его дрогнул и Бриджесу показалось, что парень вновь оказался на грани слез. Перемена произошла резко, с такой скоростью и внезапностью, наверное, меняется погода где-нибудь в тропических лесах. — Я сделал это вскоре после нашего с ней... разговора. Позвонил и рассказал.

Бриджес внутренне напрягся, словно приготовился к какому-то удару. Но удар, скорее всего, будет психологический. Куда это вдруг потянуло Фреда?

— Позвонил? Кому? Коэну? Ты рассказал ему все?

— Нет. Я звонил Ричи.

Тут уже Фергюсон слегка подался вперед.

— Ричи? Ричарду Кроу?

Фред кивнул. Он сидел, опустив голову, его плечи слегка тряслись.

— Да, ему. Я знал... то есть, я думал, что ему можно доверять. Мы с ним вроде как подружились. Вместе ширялись, вместе ходили по всяким клубам...

— На деньги Сары. — холодно заметил Бриджес.

— Я решил, что расскажу ему, только ему. Я позвонил ему и взял с него слово, что он не передаст мои слова боссу.

Бриджес не удержался от презрительной усмешки.

— Один наркоман доверился другому наркоману.

— Вот именно! — Фред поднял голову, глаза его теперь поблескивали не только от слез, но и от злости. — Он — как я, он понимал меня! Он знал, что такое жизнь без дозы, это чувство, будто все вокруг тебя ломается, рушится, трещит по швам, хотя на самом деле все это происходит прямо здесь, внутри... он мог понять меня, только он!

Наступила тишина. Бриджес смотрел прямо в глаза Фреда Эллисона, Фергюсон, кажется, даже не дышал. В этой тиши стало прекрасно слышно, как шелестит пленка, записывающая их слова — вернее, в этот момент записывающая ту самую глухую тишину.

— О чем ты попросил его? — медленно и четко проговорил Бриджес.

Фред вновь бросил взгляд на Фергюсона, словно надеясь, что тот чем-то ему поможет.

— Я... — он нервно облизнул губы. — Я попросил его убрать Скотта. Убить его.

Перед мысленным взором вновь стала та черно-белая, мутная молчаливая картинка: человек, пешком направляющийся в сторону дома, где недавно скрылись Сара Эллисон и Скотт Радон. А еще вспомнились слова эксперта о том, что в крови Ричи обнаружился кокаин. Должно быть, перед делом он "заправился" для храбрости.

— И он согласился? — спросил Бриджес.

— Он сказал, что попробует с ним поговорить. Отговорит от необдуманных действий. Ну а если не выйдет... тогда да. "Хорошо, Фредди. — сказал он мне. — Я грохну его, но ты будешь у меня в долгу. В большом долгу, старина." Так он сказал и отрубил связь.

Он замолчал, потом поднял взгляд на детективов, и глаза его опять были полны слез.

— Ричи не мог убить Сару! Это же было бессмысленно! Это просто глупо!

— "Я грохну его, но ты будешь у меня в долгу."- проговорил вслед за ним Бриджес. — "В большом долгу, старина". Тебя не напрягла эта фраза, а, Фредди? Ты не испугался?

Краем глаза он видел, как Фергюсон бросил на него укоризненный взгляд. "Ну да, оно и неудивительно. — подумал Бриджес. — Как и сама Сара, я не сдаюсь без боя. Дышу, пока могу, дерусь и царапаюсь."

— Что вы имеете в виду? — тонко пискнул Фред.

— Он бы стал шантажировать тебя. Вы бы стали сообщниками в преступлении, в тяжком преступлении, и именно ты "заказал" Скотта.

— Если бы он рассказал об этом Коэну, тот убил бы их обоих. — вмешался Фергюсон. — Кроу не стал бы шантажировать Фреда тем, в чем сам был по уши замешан.

Бриджес пропустил эти слова мимо ушей. Он и сам себе сейчас напоминал коршуна, зависшего над добычей. Его жертва бежит, она пытается вилять, но это ей не поможет.

— Ричи очень скоро стал бы проблемой, да, Фред? И ты решил придушить этот сорняк на корню? И при этом обставить все так, будто там никого больше не было. Но не все получилось так гладко, ты допустил кое-какие помарки.

— Даже если бы так все и было, при чем тут Сара?! — воскликнул Фред. — Ну зачем мне ее убивать? Ради чего?

— Ты плохо контролировал себя. — Бриджес начал говорить монотонным голосом, словно проповедник. — Ты и сейчас плохо контролируешь себя. Ты бы хотел броситься через стол на меня, хотел бы придушить меня, да? Или утопить? Я вижу это желание в твоих покрасневших наркоманских глазах. Сара стала проблемой, тебя это злило. Тебя раздражала ярость. Твоя сестра хотела бросить тебя, оставить одного, наедине с жестокой ломкой. Как она могла? Как она смела даже помышлять о таком? Разве ты не заботился о ней? Вы жили без родителей, ты был ее опорой. По ее вине ты подсел на наркотики, по ее вине ты стал жалким, ничтожным существом, подобием человека, хлипкой тенью, мечтающей лишь о том моменте, когда игла вновь коснется твоей кожи. Во всем была виновата она. Так почему бы не сделать с ней то же самое, что ты пытался сделать с Алисией Томпсон? Та ведь тоже пыталась совратить тебя, да еще и назвала трусом, сосунком — при всех! Но ты дал отпор ей. А Сара... Сара тебя сильно подвела. Она подвела тебя и решила бросить. Вот ты и не сдержался, да? Может, вначале ты лишь хотел поговорить с ней? Но она была так упряма... и как же ты был рад, когда она замолчала. Под водой тяжело разговаривать.

Бриджес откинулся на спинку стула, он сам уже тяжело дышал.

— А теперь скажи мне, где и в чем я не прав.

Фред Эллисон выглядел так, словно его ударили по голове мешком с песком. Он открывал и закрывал рот, теперь уже точно напоминая валяющуюся на берегу рыбу.

— Я... Я не убивал Сару. — в который раз повторил Фред, вновь обретя дар речи. — Скорее всего, это сделал Ричи. Может, неверно расценил мои слова. А может, внезапно осознал, что она будет свидетелем убийства Скотта и решил избавиться от нее тоже.

— Бред. — бросил Бриджес. — Ты сочиняешь на ходу. Ты понял, что вляпался, и теперь пытаешься повесить все на Ричарда Кроу. Ясное дело — какой спрос с мертвеца? Он и опровергнуть ничего не может. Всего минуту назад ты кричал, что Ричи не стал бы убивать Сару, что это не имеет смысла. Ты...

Он хотел сказать что-то еще, сам еще точно не знал, но точно что-то жесткое, однако в кармане у него ожил телефон. Еле слышно ругнувшись, он потянулся к диктофону.

— Я приостанавливаю запись в 17:11.

Не глянув больше ни на Фреда, ни на своего напарника, Бриджес вышел в коридор.

— Алло?

— Отвлекись от Эллисона на пару минут. — это был лейтенант Солверсон. — Ребята нашли кое-что странное на видео.

Бриджесу не очень хотелось прерываться еще на полчаса или больше — Фред прав, время утекает — и потому спросил:

— На каком видео? С камеры торгового центра? Сняли убийц Картера?

— Нет, я про то, что нашел Стивен, с компьютера людей Родригеса.

"Предполагаемых людей Родригеса." — хотел поправить его Бриджес, но сдержался.

— Понял, иду.

Он успел почти позабыть о находках напарника — так сильно увлекся Фредом Эллисоном. Но сейчас он вновь задумался: а вдруг Фергюсон все-таки прав? А вся эта история с братом Сары лишь играет на руку настоящему убийце, ведь даже прошлое Фреда говорит против него. Легкая мишень, на него очень просто повесить всех собак.

"Однако как минимум, он признался, что хотел убить Радона. Это уже кое-чего стоит."

Эта мысль слегка подбодрила Бриджеса, пока он шел по коридору в сторону кабинета техников.

Трое ребят в наушниках сидели перед компьютером — тем самым ноутбуком, который Фергюсон нашел в доме, откуда велась слежка за Сарой. Рядом с ними стоял лейтенант.

— Ну что, Эллисон раскололся?

— Трещит по швам, но слишком часто начинает хныкать. — сморщился Бриджес. — Говорит, просил Кроу, чтобы тот грохнул Радона. Вроде как из наркоманской солидарности.

Видя непонимание на лице лейтенанта, Бриджес очень кратко пересказал ему сведения, полученные от Фреда.

— Мутно все как-то. — кажется, вся эта история не слишком убедила Солверсона. — Садись, сейчас покажем кое-что. Ребята только сейчас сумели взломать эту железяку — там стояла хорошая защита.

Бриджес сел за стол и ноутбук тут же развернули в его сторону.

— Ночь убийства. — тихо сказал Солверсон. — Камера работала рывками, видимо, тому, кто снимал, приходилось отключать ее время от времени. Сам момент, когда Сара зашла в дом, заснять не удалось, но зато мы видим то, что произошло сразу после этого.

Видео было цветным, но в ночном мраке казалось черно-белым. Окна в доме Сары были закрыты занавесками, что происходит внутри, разглядеть невозможно.

— Куда мне смотреть?

— На дорогу.

До Бриджеса дошло, что он наблюдает ту же самую сцену, которую засняла камера на магазине покойного Бобби Роула, но с прямо противоположной стороны. Большую часть получившейся картинки, правда, занимал дом, от которого не было сейчас никакого толку, а на дорогу оставалось лишь пара сантиметров свободного пространства. Но их хватило, чтобы увидеть горящие кроваво-красным светом задние фары автомобиля.

— Чья машина? Она стоит почти у самого дома! — Бриджес подался вперед в надежде разглядеть номера, но это было невозможно. Камера хоть и была цветной, по качеству не превосходила ту, что установил над своим магазином Бобби Роул. — На "мерседес" Скотта Радона вроде бы не похоже.

— Это точно не "мерседес", а появление Кроу мы уже видели — он пришел на своих двоих. Обрати внимание, автомобиль остановился чуть дальше, проехал на пару метров вперед. Водитель будто знал о камере на магазине Бобби и не хотел попасть в поле ее зрения.

— Да... но вот о наблюдении Родригеса он и понятия не имел. — Бриджес поднял глаза. — Нужно узнать, что это за машина. Попытаться определить хоть по каким-то признакам, хоть по форме фар! Узнать модель, а потом найти видео со всех камер наблюдения в том районе. Будем искать уже определенную модель автомобиля.

— Мысли читаешь. — кивнул Солверсон. — Этим и займемся. А ты пока заканчивай с Эллисоном. Говоришь, он признался, что "заказал" Скотта?

— Так точно.

— Возможно, врет. Повесить на себя один труп — гораздо лучше, чем держать ответ за три сразу.

Когда Бриджес ушел, детектив Фергюсон выждал примерно минуту и отправился следом.

— А вы-то куда? — удивился Фред Эллисон.

"Попытаюсь спасти твою задницу." — хотел ответить Фергюсон, но в последний момент прикусил язык.

В коридоре он достал телефон и направился в самый дальний конец, где едва ли его смогут подслушать и где он не натолкнется на напарника. Джордж Коэн в этот раз взял трубку достаточно быстро.

— Скажи мне, что вы уже нашли убийцу Сэма. — прошипел старик.

— Нет, мистер Коэн, у нас тут другие дела. — Фергюсон уперся спиной в подоконник и внимательно смотрел прямо перед собой, чтобы не упустить момент, когда поблизости окажется Бриджес. — Мой напарник хочет покончить с убийством Сары и умыть руки — смерть вашего помощника он расследовать не будет.

— Тут нечего расследовать, это сделал Родригес. — может, это Фергюсону показалось, но язык Коэна как будто бы слегка заплетался. Неужели старик напился? — И чем это таким важным вы там сейчас заняты?

— Райан всерьез намерен упрятать за решетку брата Сары. Если вы с таким положением дел не согласны, вам стоит вмешаться.

— А что у Бриджеса на него есть? Это же бред, Фред тут ни при чем.

Вот в этом Фергюсон был с ним согласен. От мистера Эллисона буквально несло страхом и паникой — он был слишком труслив. Он мог накинуться на собственную сестру в порыве злости, но убить разом троих? Маловероятно.

— Кое-что, к сожалению, есть. На самом деле, Фред своей непроходимой тупостью делает всю работу за него. Если так пойдет и дальше, меньше чем через шесть часов Фреду вынесут официальное обвинение.

— Что он уже успел наболтать? — спросил Коэн с явным раздражением. Похоже, ему не очень хотелось возиться с дурачком-братцем своей молодой возлюбленной.

Фергюсон понял, что пересказывать весь разговор нет смысла, да и время поджимает. Бриджес может вернуться в любую минуту.

— Райан спросил, где Фред был в ночь убийства Сары, а тот ответил, что находился дома. Естественно, подтвердить это никто не может.

— Ясно... — наступило молчание. Видимо, Коэн напряженно соображал. — Ладно, вот как мы поступим. Пусть Фред изменит свои показания. Пусть скажет, что солгал, что на самом деле находился в клубе "Блю Мун" почти всю ночь.

Фергюсону хотелось расхохотаться. Воистину, изобретательность Джорджа Коэна не знает границ.

— Это очень... очень интересная идея, мистер Коэн. Действительно, не каждый сознается в том, что провел ночь в гей-клубе. Это и правда может прокатить, однако есть одно "но". Кто подтвердит, что Фред действительно там был?

— А вот это уже доверь мне, я займусь. В клубе работает барменом один мой должник, сидящий на кокаине, Гарри Голдуотер. Он задолжал мне денег, круглую сумму — я прощу ему часть долга, если он совет полиции, будто видел в клубе Фреда. И еще: если Бриджес

задаст каверзный вопрос, пусть наш глупый Фредди требует адвоката. Ибо разгребать такое количество дерьма я уже не в силах.

— Ладно. — нельзя сказать, что Фергюсон был в восторге. Довериться одному наркоману, чтобы спасти другого — так себе идея. И все же такой план лучше, чем полное отсутствие оного. — Я передам Фреду, что ему нужно говорить.

Он оборвал связь и поспешил в допросную. Вероятно, времени уже оставалось совсем мало — не минуты, а секунды. Бриджес может вернуться в любой момент, а иного шанса остаться с Эллисоном наедине наверняка больше и не представится.

Фергюсон вошел в комнату и тут же достал из кармана блокнот и ручку. На первом листе он написал:

"Нас могут услышать с той стороны, потому молчи. Я напишу тебе, что нужно делать, а ты не раскрывай рта. Кивни, если понял."

Он вырвал листок и кинул на стол перед Эллисоном. Фред возрился на него в изумлении, прочел и медленно кивнул.

На следующем листе Фергюсон написал:

"Ты должен изменить свои показания. В ночь убийства ты был не дома, а в клубе "Блю Мун". Да, я знаю, что это гей-клуб, в этом весь смысл. Если понял и согласен, кивни опять."

Фред прочел записку, густо покраснел и возрился на детектива полными гнева глазами. Явно собрался что-то сказать, но Фергюсон приложил палец к губам и зашипел, как змея.

Фред перечитал записку еще раз, Фергюсон прямо видел, как он борется с собой. Наконец он примирился с неизбежным и вновь кивнул. Свобода важнее косоного взгляда какого-то детектива.

Фергюсон уже нацарапал следующее сообщение.

"Бармена в клубе зовут Гарри Голдуотер, он скажет, что видел тебя в ту ночь. Если же тебя спросят о чем то, что ты не можешь знать или что противоречит другим твоим показаниям, требуй адвоката."

Ох, как долго, как же долго выводить все эти буквы. Последние слова совсем расплывались, буквы налезали друг на друга, словно пьяные, но Фред понял все и кивнул в третий раз. При этом на Фергюсона он смотрел с подозрением, словно думал, что детектив разыгрывает его, издевается или устроил какой-то странный полицейский тест, который Фред, известное дело, провалил.

Фергюсон едва успел собрать рассыпанные по столу листки с сообщениями — дверь допросной открылась и вернулся Бриджес. Фергюсон с первого взгляда увидел, что настроение у напарника как будто бы слегка улучшилось, а для Фреда Эллисона это, безусловно, было очень дурным знаком.

Детективы вновь уселись напротив подозреваемого и допрос продолжился. Бриджес щелкнул кнопкой на диктофоне.

— У тебя, Фредди, насколько я понимаю, автомобиля нет...

— Я хочу изменить свои показания. — громко, почти торжественно объявил Фред.

Бриджес удивленно приподнял брови.

— Да? Ну хорошо. Какие именно?

— Насчет того, где я был в ночь, когда убили Сару и... тех двоих.

Фергюсон поморщился от последних слов. Окажись Фред Эллисон все таки на скамье подсудимых, подобная формулировка могла бы разом отвратить от него присяжных.

Пренебрежение человеческой жизнью в суде не приветствуется.

— Даже так? Ну это настоящий прогресс. — одобрительно покивал Бриджес. — И где же ты был в момент смерти сестры?

— В клубе. В гей-клубе "Блю Мун", если быть точным. Думаю, вы знаете, где это.

Фергюсон почти услышал, как Бриджес скрипнул зубами. От подобия улыбки, блуждавшей уже по его лицу, не осталось и следа. А Фред побледнел, поняв, что ляпнул лишнего.

— Вот оно что. — произнес детектив глухим голосом. — Наверное, менее сдержанный человек, услышав фразу "Я был в гей-клубе таком-то, вы знаете, где это", ударил бы тебя, но я пока еще себя контролирую.

Фред с мольбой посмотрел на Фергюсона, словно решил, что уже сейчас все испортил, а потом встретился взглядом с Бриджесом.

— Я... Я не то имел в виду. Простите.

— На самом деле ты прав. — хмыкнул Бриджес. — По долгу службы, я действительно знаю, где это. И какие люди там обитают. Любители ходить через заднюю дверь — там самые безобидные существа. И почему же ты решил "вспомнить" о своем походе в это заведение лишь сейчас, когда всерьез запахло жареным?

— Сами знаете, почему. — буркнул Фред, опустив взгляд. Его лицо заливала краска, и это было хорошо: Бриджес решит, что Фред краснеет именно из-за постыдного, по мнению многих, посещения гей-клуба, хотя на самом деле все наоборот: Фред стал пунцовым именно потому что ему приходилось об этом врать. — Такое ведь не афишируют вроде.

— Ерунда, на дворе не Средневековье. Все спят с кем хотят и никому нет до этого дела.

— Я не ради... этого туда ходил. — Фред так и не поднимал головы. Красные пятна расплывались уже по его шее. — Там иногда можно подешевле купить кое-что.

Тут он не врал и Фергюсон пришел к выводу, что Фред и правда когда-то, пусть и не в ночь убийства Сары, там бывал.

— Ладно, ты был в гей-клубе. — скучающим тоном произнес Бриджес. — Кто может это подтвердить?

— Да мало ли кто. — передернул плечами Фред. — Много народу могло меня там видеть, я же не знаю их всех по именам.

Фергюсон едва удержался от одобрительного кивка. Фредди поступил в кои-то веки мудро, не выпалил сразу имя бармена, и это очень хорошо — иначе Бриджес мог бы решить, что вся эта история слишком сильно напоминает спланированный сценарий. Возможно, в голове Фреда кто-то наконец повернул некий рубильник в положение "включено".

— Ну в таком случае можно сказать, что никто там тебя не видел. — заметил Бриджес. — Не считая того, у кого ты мог бы купить наркотики. Но такие люди на допрос обычно ехать не хотят.

— Бармен. — сказал наконец Фред. — Гарри Голдуотер, так, кажется, его зовут. Он точно меня видел.

Фергюсон украдкой глянул на напарника. Бриджес прищурился, изучая лицо подозреваемого, явно уверенный, что тот вновь пытается водить полицейских за нос.

— Гарри Голдуотер, значит? Видел тебя, да?

— Угу. Я несколько раз подходил к барной стойке, перекидывался с ним парой фраз.

Фергюсон почти видел, как Бриджес пытается отыскать в этих бесхитростных показаниях хоть какую-то лазейку.

— Ну ладно. Мы вызовем этого Гарри и проверим твое алиби. — с самым хмурым видом Бриджес сложил руки на груди. — А сейчас ответь: у тебя есть машина?

Фред бросил взгляд на Фергюсона, словно спрашивая, не есть ли это один из тех вопросов, на которые лучше не отвечать и затребовать адвоката, и детектив едва-едва заметно качнул головой.

— Нет, тачки у меня давно уже нет. Я ее... э-э... продал.

— Представляю даже, зачем. А дом ты продавать не думал? Представь, на сколько доз тебе хватило бы.

Фред промолчал, понимая, что уж на этот вопрос отвечать необязательно.

— Ну ладно. — Бриджес поднялся с места. — Мы вызовем этого твоего бармена из гей-клуба. Молись, чтобы он сейчас был не под кайфом.

Вечерело, солнце медленно клонилось к закату, оно озорно брызгало лучами, проползая под громадой перекинутого через узенькую реку моста, и оранжевые блики прыгали по воде, словно тысячи крошечных рыбок, состоящих из чистого света.

Генри Фишер сидел в лодке, неспешно почесывая седую бороду. Его удочка уже почти час не двигалась и пожилой рыбак находился на грани сна.

Это забавно, но половину детства Генри потратил, пытаясь объяснить своим неугомонным и, как он понял чуть позже, довольно глупым сверстникам, что у него нет ни малейшего желания подтвердить свой титул рыбака, навеянный и привязанный к нему одной лишь фамилией, очень даже, надо отметить, распространенной. Но эти дурачки продолжали смеяться, выпрашивая рыбу всякий раз, стоило ему переступить порог школьного коридора.

Его чаша терпения напоминала скорее ведро, но переполнившись однажды, она не просто пролилась — треснула по швам. Плюнув на все, даже на возможное наказание от отца, которое обязательно последует, если он опоздает домой к ужину, десятилетний Генри собрал всех своих друзей — которых он, впрочем, друзьями не считал — одолжил у одного из них удочку, и все вместе они отправились вот сюда, на эту самую реку. Которая в те времена была и шире, и глубже, и богаче.

Ему хотелось раз и навсегда доказать им, что никакой он не рыбак и бесполезно выпрашивать у него рыбу на каждом шагу. Генри даже не сел в лодку — с самым раздраженным видом он закинул удочку прямо с берега.

"Вот увидите, — начал он. — Мы стоим здесь целый час, а поплавок даже ни разу не..."

Но договорить он не успел: удочка едва не согнулась пополам. Изумленный и обескураженный, он вытащил на берег крупного карася, которого, впрочем, чуть не выронил обратно в воду — настолько он был скользкий и так сильно отбивался. Ребятня вокруг радостно скандировала: "Рыбак! Рыбак! Рыбак! Рыбак!"

С тех пор он стал рыбаком не только по имени, но по призванию. Родители не возражали против такого занятия — порой он приносил домой столько рыбы, что отец ездил продавать ее, а это хоть какой-то дополнительный доход. Нельзя сказать, что ему всегда везло так сильно, как в тот, первый раз, но обычно удача от него не отворачивалась — с пустым ведром он никогда не возвращался.

С той поры минуло пятьдесят лет, а Генри Фишер традициям не изменил: как и прежде, каждые выходные он выбирался на природу, выплывал на лодочке в центр реки и закидывал свою удочку. Возраст сказывался все сильнее, кости громко хрустели, в спине что-то поскрипывало всякий раз, когда он вставал и начинал наматывать леску. С крупной рыбой справиться было уже трудно, но она и попадалась редко, больше не вырастала здесь, в черте города. Река стала грязной, как весь остальной мир, хоть Генри и надеялся наивно, что она останется единственным нетронутым уголком. Уловы становились все меньше и однажды — Генри знал, что этот день настанет, быть может, это произойдет уже сегодня — он вернется на берег с пустыми руками.

Встрепенувшись, поняв, что вот-вот уснет и перевернется через борт, он похлопал себя по щекам и отмотал леску — быть может, на глубине еще сохранилась какая-то живность.

Удочка вдруг застыла, будто крючок налетел на какую-то невидимую преграду. Генри понял, что не может повести ее ни в одну, ни в другую сторону, словно что-то держало ее там, внизу.

— Какого черта?

Вероятно, он опять наткнулся на какой-то мусор. Так происходило частенько, почти всякий раз, стоило ему опуститься ближе к речному дну. Но обычно это была всякая ерунда: старый рваный сапог, картонная коробка из под сока, наполненная водой и потому тяжелая, какие-то железяки неизвестного происхождения... чего только люди не сбрасывали в несчастную реку. Однако в этот раз Генри явно обнаружил что-то очень тяжеловесное. Леска не двигалась, а приподнять удочку выше не удавалось — она опасно сгибалась и подрагивала, грозя сломаться.

— Ну давай же...

Он встал у самого края и тянул на себя, насколько хватало сил. Лодка опасно накренилась, того и гляди перевернется или просто выкинет его, как скакун плохого наездника. Боль в спине вновь напомнила о себе, гораздо сильнее, чем прежде. Мышцы на его старом лице напряглись, лоб покрылся испариной, а руки начинали предательски дрожать.

"Она сейчас сломается." — понял Генри, но в следующий миг все вдруг кончилось. Леска повисла, будто мертвая, змея, а крючок вновь двигался спокойно. Переведя дух, Генри уселся и стал наматывать леску. "Надо бы отплыть отсюда, чтобы вновь не..."

Но закончить мысль он не успел — над водой наконец появился крючок. Он не был пустым, кое-что он все-таки поймал. Вернее сказать, оторвал.

Генри смотрел во все глаза, дыхание у него перехватило. Нечто, пойманное им, упало в лодку и рыбак склонился над ним, не желая даже трогать руками. Оно было красноватым снизу, но белым сверху и на белой поверхности проступал некий орнамент... слишком четкий и слишком рукотворный. Татуировка.

Это была человеческая плоть.

Бармен гей-клуба "Блю Мун", Гарри Голдуотер, оказался человеком двадцати трех лет, с белыми, явно крашеными волосами, выбритыми с одной стороны и торчащими беспорядочно во все стороны с другой, сережкой в ухе и пирсингом в виде кольца в носу. У Бриджеса, несмотря на это, не возникало никаких ассоциаций с быками, слишком уж щуплым и тщедушным был этот паренек. Такого быка забодали бы даже коровы.

— Итак, мистер... Голдуотер, у нас к вам несколько вопросов.

Гарри Голдуотер сидел в допросной напротив двоих детективов и смотрел на них совершенно безучастным взглядом. Бриджесу даже показалось, что сбылось его предсказание и Гарри действительно успел чем-то "накачаться". Однако когда он заговорил, это ощущение пропало. Правда, Гарри пытался придать своему голосу некие женственные черты, получалось не очень и это лишь резало слух.

— Голди, если можно. Все называют меня так.

— Голди? — переспросил Бриджес. — Это звучит немного... по-гейски.

Фергюсон едва заметно улыбнулся, а вот сам Голди не оценил шутку и промолчал.

— Ну что ж, мистер... Голди, раз вам так угодно. Нас интересует ночь с 17 на 18 июля. Вернее, промежуток примерно между часом и тремя часами ночи. Сейчас я продемонстрирую вам одну фотографию, а вы скажете, видели вы этого человека в ту ночь в клубе или нет.

На стол легло фото Фреда Эллисона. Очень медленным, плавным движением, словно совершая какую-то лишь одному ему известную церемонию, Гарри Голдуотер подтянул к себе фотографию и начал ее рассматривать.

Прошло, кажется, минуты полторы, прежде чем он ответил:

— Да, он был в клубе. Несколько раз заказывал коктейли. Фред, верно? Не то чтобы мы друзья, но иногда болтаем.

Бриджес забрал фотографию.

— Хорошо. Постарайтесь вспомнить, в какое время он появился в клубе, а в какое ушел оттуда.

Голди театрально закатил глаза.

— Боже мой, я не помню, что я ел сегодня на завтрак, а вы меня спрашиваете о таком.

— Понимаю. Но все-таки, постарайтесь вспомнить. Это очень важно.

Бриджес выжидающе смотрел на него. Кажется, от его взгляда Голди стало слегка не по себе, он начал озираться по сторонам, словно искал, чем бы отвлечься, но комната для допросов была слишком скучной и серой.

— Кажется, примерно в полвторого ночи, плюс-минус пятнадцать минут. А ушел... вроде бы, часа три было, может полчетвертого.

— Ясно... — Бриджес почесал затылок. Ему до сих пор не верилось, что Фред Эллисон сумеет выпутаться из такой передраги. — А что насчет камер наблюдения? Есть они на входе?

— Есть одна, но сломалась пару недель назад. — безразличным тоном ответил Голди.

"Очень удобно." — подумал Бриджес.

— Вы с ним разговаривали?

— Немного.

— О чем именно?

— Я не помню уже. Какая разница?

Действительно, никакой. Этот вопрос был чем-то вроде соломинки, за которую утопающий Бриджес пытался ухватиться.

— Ладно. — буркнул детектив. — Благодарю вас за содействие. Вы свободны.

Он подумал, что неплохо бы проверить связи этого Голди, вдруг среди его знакомых окажется сам Джордж Коэн? Но выяснять это он будет позже. У Бриджеса, кажется, не было сил, даже чтобы поднять со стула собственную задницу.

— Что будем делать дальше? — спросил Фергюсон, когда дверь за Гарри Голдуотером закрылась.

— Надо поговорить с лейтенантом. Из отпущенного нам времени осталось чуть больше двух часов, и мне кажется, сейчас Фред замкнется, чтобы не наболтать лишнего. Надо решить, что с ним делать дальше.

Несколько минут спустя они сидели в кабинете лейтенанта, который неспешно курил, посылая в потолок дымные кольца.

— Интересная вырисовывается ситуация. — заметил он, когда детективы пересказали ему сведения, полученные от Фреда и Голди. — То, что Эллисон поменял показания, выглядит подозрительно. Но и то, что возле дома Сары остановилась неопознанная машина, тоже подозрительно.

— Думаете, он соврал насчет звонка Ричарду Кроу? — спросил Бриджес.

— Возможно. Как я и говорил, он мог признаться в таком, чтобы на него повесили меньше. Но Кроу пришел пешком. Чью же машину мы видели?

— Может, кто-то из людей Родригеса. — вновь взялся за свое Фергюсон. — А то, что камеру оставили включенной, вполне логично. Пока один делал дело, другой наблюдал. И мог сообщить, в случае, если бы кто-то подъехал к дому. Например, именно так могли убить Скотта Радона. Эксперт ведь сказала, что там не совпадает угол, под которым пуля вошла в голову.

— Но явившийся Ричи скорее застал бы убийцу врасплох. — возразил Бриджес. — Тем более, что он шел пешком. Этот наблюдатель мог заметить машину, но вот человека в таком мраке разглядеть трудно.

— Ладно. — лейтенант Солверсон хлопнул в ладоши. — Давайте еще раз пробежимся по тому, что имеем. Сара Эллисон изменяла Коэну со Скоттом Радоном, его ближайшим помощником. Она забеременела, решила сохранить ребенка, а потом они со Скоттом придумали древний, как мир, план: устроить автокатастрофу и "погибнуть" в ней, чтобы никто их не искал. Для того, чтобы данные экспертизы получились такие, как надо, им нужны были деньги. Сара сняла десять тысяч с карты, которую дал ей сам Коэн.

— Но в каком именно банке и где эти деньги сейчас, мы не знаем. — вставил Фергюсон.

— Десяти тысяч могло быть мало, ей нужно было еще, но она боялась, что большие траты беспокоят Коэна, что он что-то заподозрит. На этой почве она поссорилась со Скоттом. Может, он хотел отказаться от этого плана, поняв, как это рискованно?

— Но еще раньше она поругалась с братом. — напомнил Бриджес. — Так сильно, что он чуть не придушил ее при всем честном народе. А потом, по его собственному признанию, звякнул Ричи и "заказал" Скотта.

— Да-да, я помню. — махнул рукой Солверсон. Пепел с тлеющей сигареты рассыпался

по столу. — Итак, она ругается с Фредом, потом ругается со Скоттом и отправляется домой на такси. В это время или чуть раньше, если верить этим показаниям, Фред звонит своему якобы приятелю Ричи — который теперь, мертвый, не может подтвердить или опровергнуть это, а телефона при нем не найдено — и просит убить Скотта, а сам... отправляется в гей-клуб за очередной дозой, чтобы отпраздновать это событие.

— Вполне возможно. — слабо улыбнулся Бриджес.

Тут Солверсон развел руками, как бы говоря: "дело дрянь, господа."

— Итого у нас четыре подозреваемых. — хмуро объявил он. — Фред Эллисон, который был недоволен тем, что сестра бросает его — а заодно лишает коэновских денег, и потому способный в порыве гнева ее прикончить... Судя по истории с Алисией Томпсон, с нервами у него явно не все в порядке. Скотт Радон, он вполне мог решить, что Ромео из него никакущий, а жизнь под крылышком Коэна гораздо приятнее, чем неизвестность в обществе строптивой Джульетты. Может, он опасался, что она даже начнет шантажировать его. Ричард Кроу, возможно, получивший "заказ" от Фреда и вдруг понявший, что Сара станет нежеланным свидетелем. Вот только как раз с самим Скоттом вышел облом — тот оказался излишне живучим... И безмянный человек Родригеса, решившего, что пора от слов перейти к действиям. А если последний вариант верный, и Скотта, и Ричи мог добить или убить именно он.

— Там есть место, чтобы спрятаться. — сказал Бриджес. — Шкаф, пустой, без одежды, в самом центре комнаты. Я проверял — там весь дом как на ладони. Убийца мог скрываться в нем, выжидая удобного момента.

Наступила тишина. Все трое сидели, не зная, что еще сказать. Но лейтенант Солверсон наконец коснулся самой неприятной темы:

— Количество трупов растет, господа. Бобби Роул, теперь Сэм Картер. Мы не можем быть уверены, что это не звенья одной цепи. И точно так же нельзя быть уверенными в том, что эти преступления действительно связаны друг с другом. Охрана торгового центра сообщила, что еще на нескольких камерах засветились наши "лифтеры", но лица у них все по-прежнему скрыты капюшонами и головными уборами.

— Насчет Бобби Роула тоже все глухо. — вздохнул Бриджес. — А вся эта история с вывозом записывающего оборудования похожа на фарс. Мы...

Тут все трое разом подскочили — телефон на столе лейтенанта Солверсона ожил. Они воззрились на него, словно на какой-то незнакомый предмет, не зная, что с ним делать. Наконец лейтенант взял трубку.

— Солверсон, слушаю.

И он слушал. И молчал. И хмурился. И даже ничего не сказал, лишь в самом конце сухо попрощался. Бриджес чувствовал: никаких хороших новостей ждать не нужно.

— Все лучше и лучше с каждым часом. — в голосе лейтенанта не было ни злости, ни раздражения, лишь отчетливая усталость, которая напугала Бриджеса гораздо больше. — Полчаса назад Джерико Родригес пересек границу Мексики. Он удрал.

Фергюсон и Бриджес переглянулись, пораженные. Один только лейтенант как будто не удивился.

— Несколько камер засекли его машину, а также еще парочку бронированных автомобилей — что-то вроде почетного эскорта. Теперь он там, а мы здесь, и мы совершенно беспомощны. Мексика ни за что не выдаст его без самых весомых оснований. На обычный допрос мы его вызвать уже не можем.

Бриджес медленно поднялся и снял со спинки стула свой плащ. Странная легкость накатила на него, и это было потрясающе приятное чувство: ему вдруг стало на все плевать. На весь мир.

— Я иду спать. — объявил Бриджес и ушел, тихо прикрыв за собой дверь.

Но выспаться как следует он так и не сумел.

Дерьмо копится, растет, увеличивается, словно снежный ком и очень долго не может остановиться. Хорошие вещи — эти слабые лучики солнца, изредка вспыхивающее над бесконечными, до самого горизонта, равнинами, горами, реками и лесами дерьма, настолько коротки и легковесны, что порой кажется, их и нет вовсе. Может, они — лишь мираж, картинка, плавающая в воздухе, невесомая и совершенно бесполезная. А вот дерьмо настоящее, оно реальное, его можно потрогать и ощутить его вонь.

Новый поток дерьма излился на детектива Райана Бриджеса непозволительно рано — часы на тумбочке рядом с его полупустой, вот уже шесть лет холостяцкой кроватью показывали полчетвертого. С огромным трудом, ощущая себя самым несчастным человеком в мире, он поднес надрывающуюся трубку к уху.

— Бриджес, слушаю.

Он слушал — но то ли сон еще не до конца отпустил его, то ли собеседник нес какую-то чушь. Река? Какая еще река? Рыбак? Тело в воде? Все это звучало глупо.

— Я ни черта не понимаю. — признался Бриджес, садясь в кровати и морщась от боли в спине. — Кого утопили?

— Водолазы сейчас работают. — голос лейтенанта звучал устало — можно не сомневаться, его тоже только что разбудили. — Вероятно, тело уже нашли. Выезжай, Райан. Чует мое сердце, это очередной подарок от Коэна или Родригеса.

Бриджес хотел сказать ему, что не собирается расследовать новые убийства, пока не разобрался со старыми, но Солверсон уже повесил трубку. С минуту сонный Бриджес просидел, прижимая к уху молчащий телефон.

Он подошел к окну. По стеклам неспешно ползли капли и детектив испытал сильнейшее дежа-вю. Ночь, когда убили Сару Эллисон, Скотта Радона и Ричарда Кроу была точно такой же.

Выйдя на улицу, Бриджес понял, что ошибся — не совсем такой же. Пусть та и была дождливой, в ней ощущалось июльское тепло. Однако сегодня дул холодный, прямо-таки ледяной ветер, он с яростью швырял в лицо капли не очень сильного дождя и казалось, будто на дворе осень, причем не цветущий желтым-красным огнем сентябрь, а конец октября, не меньше. Бриджес запахнул полы плаща и сел в машину.

Тело. Тело в реке. Смысл услышанного только сейчас доходил до детектива. Чье тело? Почему лейтенант решил, что оно связано с Коэном или Родригесом? Бриджес приедет на место и будет тыкаться, словно слепой котенок.

К реке он подъехал не со стороны моста, свернул чуть раньше, поскольку издали увидел сине-красные огни стоящих на берегу автомобилей. С нормальной дороги он съехал на узкую песчаную, которая шла вниз под довольно крутым углом. Из под колес в воздух поднимались тучи брызг и влажного песка.

Остаток пути пришлось пройти на своих двоих — дорога кончалась возле маленького холмика, усеянного старыми, бесхозными, дырявыми лодками. Единственным ориентиром Бриджесу служили все те же цветные огни, которые теперь стали ярче и казались странно нереальными, они будто расплывались, разбивались в усеянном дождевыми каплями воздухе на тысячи своих крошечных копий. Оказавшись у берега, Бриджес увидел еще одну лодочку,

куда более ухоженную на вид, и стоящего подле нее пожилого мужчину. С ним беседовал офицер Уолтон.

— Райан!

Бриджес присмотрелся, чтобы понять, кто это там ему машет. Мерцающие огни били прямо в глаза и мешали видеть. Ага, напарник уже тут. Бриджес двинулся к нему.

Фергюсон надел дождевик, капли стекали по прозрачному одеянию и чем-то он сейчас напоминал призрака.

— Тебя тоже лейтенант позвал?

— Нет, я сам вызвался. — попытался пошутить Бриджес и всего на мгновение лицо Фергюсона стало маской крайнего изумления, граничащего с ужасом. Да в чем же дело?

Но Фергюсон быстро взял себя в руки... а может, сонному Бриджесу все это просто показалось.

— Водолазы еще работают. — сказал напарник. — Выносят на берег все, что хоть отдаленно похоже на орудие убийства или просто может стать уликой.

Действительно, теперь Бриджес увидел их: люди в абсолютно черных водолазных костюмах почти сливались с окружающим мраком, и в особенности — с черной водой. На расстеленном в песке покрывале уже валялись с десятков вещей, явно пролежавших в воде не один год: ржавые, покрытые водорослями ножницы, маленький ломик, какая-то совершенно непонятная железка, деревяшка — возможно, деталь стола или еще какой мебели — густо усеянная длинными гвоздями, и много других мелочей, разглядывать которые у Бриджеса пока не было никакого желания.

— Тело-то достали?

— Да, достали. Пойдем.

Они двинулись прочь от ярких огней. К счастью, Фергюсон догадался захватить с собой фонарик, иначе Бриджес спотыкался бы в этом мраке о собственные ноги. Наконец они остановились перед большим черным мешком на молнии.

— Сам посмотри. — предложил Фергюсон. Голос его слегка дрогнул.

Все еще удивляясь — что же творится с напарником? — Бриджес расстегнул мешок и слегка развел в стороны его края.

Представшее ему зрелище не радовало глаз. В каком-то смысле, это было даже хуже, чем жестоко заколотый ножами Сэм Картер. Вода и речная живность уже успели слегка поработать над трупом, бледное тело набухло, стало местами синеватым, а местами почти черным. Но наибольшую тревогу вызывала пустота на месте головы — кровавое месиво на шее, торчащая кость и рваные связки.

— А где голова? — спросил Бриджес.

— Ее-то в основном и ищут сейчас водолазы, но сдастся мне, ее тут вовсе нет.

Бриджес уже собирался застегнуть мешок, но что-то его остановило.

— Эй, Стив... посвети сюда.

Он наоборот, расстегнул мешок еще больше, обнажив ноги. На бедре человека не хватало куска плоти — кто-то словно выдрал его, причем недавно.

— Да, это рыбак... — вздохнул Фергюсон. — Он нашел тело. Удочкой его зацепил и оторвал кусок.

Но вовсе не дыра в бедре обеспокоила Бриджеса. Чуть ниже бедра по вздувшейся от воды плоти тянулся какой-то темный узор...

— Подойди с фонарем ближе, не видно ни черта!

Фергюсон с явной неохотой подчинился. Желтый луч света ударил на бледную кожу, еще четче обозначив черный рисунок. Это была татуировка в виде китайского дракона. И он знал, кому она принадлежит.

— Вот черт... — выдохнул Бриджес. — Лейтенант был прав.

По иронии судьбы, дракона тоже обезглавили — крючок вырвал самую верхнюю часть татуировки. Бриджес застегнул мешок и, не сказав больше ни слова, отправился обратно. Фергюсон поспешил следом.

— Лейтенант был прав? — переспросил он. — Что ты имеешь в виду?

— Прав насчет того, что это новые подарки от наших приятелей, Коэна и Родригеса. Но конкретно этот — от Коэна.

Бриджес остановился, увидев, что Фергюсон встал, как вкопанный.

— Ты чего?

Фергюсон побледнел, почти как тело в мешке. Издали было видно, что его бьет крупная дрожь — связано ли это лишь с холодным ветром, особенно сильным у реки, налетающим порывами?

— Так это тело кого-то из людей Родригеса?

— О да. — кивнул Бриджес. — Я знаю этого парня. Эдриан Лопес, был водителем у Родригеса, потом пропал на некоторое время, а затем вроде стал заниматься слезкой. Вполне возможно, он был одним из тех, кто следил за Сарой, а Коэн решил наказать его... по-своему.

Фергюсон закусил губу, напряженно о чем-то думая. Бриджес готов был дорого заплатить, чтобы залезть в его голову.

— Ладно. Думаю, пора убираться отсюда. А всем этим дерьмом займемся завтра.

Но Бриджес прежде побеседовал с рыбаком.

— Я знал, что это когда-нибудь случился. — с ходу заявил Генри Фишер. — Это просто обязано было произойти.

— Что именно, мистер Фишер? — удивился Бриджес.

Голубые глаза пожилого рыбака странно блеснули.

— Я просто обязан был рано или поздно найти чье-то тело. Людей убивают... люди тонут... кончают жизнь самоубийством... и их поглощает вода. Я рыбаку уже полвека, я находил в реке всякое, но это мое первое тело.

— Надеюсь, что и последнее. — натянуто улыбнулся Бриджес. Старик явно был слегка не в себе. Детектив с таким уже сталкивался: порой люди реагируют на шоковую ситуацию совершенно неожиданным образом. — Пожалуйста, в ближайшие пару дней не уезжайте никуда из города. Вас могут вызвать на допрос.

Стивен Фергюсон хотел уйти отсюда, но опасался, что напарник неправильно его поймет. Он и так уже частенько косился на него, бросал странные взгляды. Бриджес чувствует, что с ним что-то не так.

Медицинский эксперт Сьюзен Коул надела перчатки и осторожно дотронулась до торчащих мышц и рваных связок на лишенной головы шее Эдриана Лопеса.

Тело лежало на длинном металлическом столе и тут, в искусственном свете выглядело еще более безобразно. Настолько, что Фергюсона слегка подташнивало. А может, он стоял слишком близко. Бриджес, вон, встал у самой двери — ему явно не хочется видеть всех подробностей.

— Похоже, горло было вначале перерезано, выпущена значительная часть крови, а уже потом отсечена голова. — раздражающе спокойным голосом говорила Сьюзен Коул. Будто они находились на уроке биологии и она рассказывала, например, о фотосинтезе. — А саму голову так и не нашли?

— Нет. — ответил Бриджес. — Водолазы все обыскали, но не нашли.

Эксперт остановилась возле правой ноги Эдриана, пригляделась к темно-красному провалу там, где должна быть плоть и кожа, а потом взяла со стола завернутый в пакет мягкий предмет, от которого Фергюсона еще больше мутило. Это был тот самый кусок мяса, вырванный рыбаком. Не вынимая из пакета, она приложила его к рваной ране на бедре.

— Да, это отсюда. — на мгновение отсеченная голова китайского дракона встала на место. С самим Эдрианом такой фокус пока не провернуть. — Хорошо, когда люди заботятся о том, чтобы их опознали... как раз вот в таком случае.

— Да, это верно. — хмыкнул Бриджес. Ночной ураган прошел, сама ночь прошла, вновь светило солнце, и настроение детектива вроде бы слегка улучшилось. Наверное, вернувшись домой, он даже сумел поспать... а вот Фергюсону не удалось. Он так и пролежал всю ночь без сна, и в результате уже сейчас валился с ног, будто после долгой трудной смены. — Но если бы его сожгли, толку не было бы.

"Лучше бы его сожгли!" — в отчаянии подумал Фергюсон, но тут же одернул себя. Нет, нельзя так думать. Все правильно: старый пройдоха солгал ему, а теперь ложь в буквальном смысле всплыла, и хорошо, что это случилось сейчас, а не позже.

"Но я уже успел много чего наделать. Слишком много..."

"Да, я поймал шпиона, — вновь послышался ему голос Коэна. — вполне очевидно, что напрямую к смерти Сары он непричастен. Но он наблюдал..."

"Ты не просто поймал его, сукин ты сын. Ты пытал его, а потом убил, вот что ты сделал."

"В какой канаве мне теперь искать его выпотрошенный труп?" — спросил тогда Фергюсон и почти угадал, как оказалось.

— Стив? Ты здесь?

Фергюсон поднял голову. Должно быть, на его лице сейчас было какое-то странное, отсутствующее выражение, раз Бриджес так забеспокоился.

— Да... Да, я просто задумался.

Сьюзен убрала вырванную плоть и стала осматривать тело.

— Есть гематомы, возможно, полученные при жизни, хотя сейчас уже тяжело сказать,

они сливаются с трупными пятнами. Правда, последних совсем немного — очень уж большое количество крови вылилось из него.

"Во-первых, я не потрошил его. Несколько выбитых зубов, не более. — вспоминал Фергюсон слова Джорджа Коэна. — Во-вторых, он жив, я отпустил его, когда понял, что ничего от него не узнаю."

"Ну да, отпустил. — подумал детектив, глядя на обезображенное тело. — Он аж голову потерял от счастья."

Наконец Бриджес и Фергюсон вышли в коридор, где царил приятная прохлада и отсутствовали любые запахи.

— Я прогуляюсь. — объявил Бриджес. Свой любимый, поношенный, латаный-перелатанный плащ он держал на сгибе локтя. — Нужно привести в порядок мысли. Хочешь со мной?

Фергюсон покачал головой.

— В другой раз. Я пойду в участок, может шеф даст какое-нибудь задание.

Но в участок он не пошел. Фергюсон отправился в парк, где утром было довольно пустынно, сел на скамейку возле фонтана и достал телефон.

Его палец завис над кнопкой вызова. Может, еще не поздно все исправить? Нет, он больше не видел выхода. Свет померк и теперь он блуждал в темноте.

— Алло? — голос Джорджа Коэна был странным, тихим и скрипучим.

— Это Фергюсон. Я звоню только чтобы сказать, что выбываю из игры. Разрываю нашу договоренность. Вы не соблюли поставленные мною условия и я больше не собираюсь подставляться.

Повисла долгая тишина. Фергюсону казалось, что он слышит какой-то посторонний звук — что-то вроде всхлипов и стонов. Не мучает ли сейчас Коэн еще кого-нибудь?

— Вы выбрали не самый удачный момент, детектив. — ответил наконец старый мафиози. — И я считаю, что это не телефонный разговор. Нам нужно еще раз встретиться и все обсудить.

— Тут нечего обсуждать, и встречаться нам тоже не нужно. — отрезал Фергюсон. Он понял, что говорит слишком громко. Конечно, едва ли кто-нибудь спрятался в кустах за скамейкой или позади фонтана, но все же... Понял он и еще кое-что: его раздражает ярость. — Я уже достаточно себя скомпрометировал и не собираюсь продолжать.

— Не говорите со мной в таком тоне, детектив. — холодно сказал Коэн. — И не думайте, что сможете так легко отвязаться от меня. Вы уже ступили на эту тропу, и сойти с нее нельзя. Вы грязный коп, детектив Фергюсон. Вы можете разорвать наши договоренности, можете сознаться во всем, можете раскрыть сотню преступлений, но вы все равно будете грязным копом.

— Я не согласен. — Фергюсон хотел нажать отбой, но следующая фраза Коэна остановила его.

— Интересно, что сделает детектив Бриджес, когда узнает, что вы вставляли палки в колеса его расследованию?

— Вы мне угрожаете, мистер Коэн? Шантажируете?

— Нет, лишь предупреждаю. Пожалуйста, детектив... — в голосе Коэна теперь сквозила усталость. — Давайте поговорим. Спокойно, честно и открыто. И в этот раз скажем друг другу всю правду.

Фергюсон напряженно размышлял. О чем же, интересно, теперь будет говорить Коэн?

Наверняка он уже в курсе, что Родригес сбежал и шансов усадить его за решетку в ближайшее время не будет.

— Ладно. — согласился наконец детектив. — Где встретимся?

— Вы знаете парковку на углу Девятнадцатой?

— Да.

— Она принадлежит мне. Там безопасно, не будет лишних глаз и лишних ушей.

Сегодня, в шесть часов вечера, сойдет?

Желание оборвать связь стало просто невыносимым. Ему все равно не верилось, что Коэн будет шантажировать его, так зачем же соглашаться на продолжение всего это цирка? Разве что, из чистого любопытства.

— Ладно. — сказал Фергюсон и нажал отбой. Сердце громко стучало в груди, кровь шумела в ушах.

"Что я делаю? Что я делаю опять?"

Он наблюдал за церемонией издали, приподняв ветровое стекло, чтобы его не смогли разглядеть и узнать. Бриджесу не хотелось общаться с этими людьми.

Священник читал молитву. Слова не долетали сюда, детектив слышал лишь неразборчивое бормотание вместо речи. Солнце светило непозволительно ярко в этот грустный день. Ночной ураган сейчас смотрелся бы куда уместнее.

Кресты, надгробия и редкие памятники в виде ангелов. Черда безмолвных каменных изваяний тянулась во все стороны, насколько хватало глаз, и сегодня к ним прибавится еще одно.

Гроб был красивый и дорогой — Бриджес видел это даже издали, сидя в машине. Можно не сомневаться, Джордж Коэн не поскупился. Равно как и не поскупился на цветы — вся земля вокруг вырытой могилы просто утопала в них. Несколько рабочих с лопатами стояли чуть поодаль, ожидая, когда скорбная церемония завершится.

Возле гроба стояли всего пять человек, не считая священника. Ближе всех находился Фред Эллисон, отпущенный вчера за час до того, как истекло его время пребывания на допросе. Лейтенант решил, что выносить обвинения рано, а может и глупо. Разговоры о заказном убийстве Скотта Радона вполне могли быть пустой болтовней. Такое бывает: даже невинные люди, понимая, что не могут доказать свою непричастность, начинают нести околесицу, и чем больший страх их съедает, тем более бредовыми становятся их показания. Возможно, это как раз тот случай... хотя Бриджес с этим был не согласен.

В кои-то веки Фред оделся нормально, тут тоже явно не обошлось без помощи Коэна. Черный пиджак смотрелся на нем даже довольно неплохо, волосы были уложены, может подбородок выбрит, хотя со своего наблюдательного пункта Бриджес рассмотреть не мог. И все бы ничего, если бы не опухшее, красное лицо Фреда. Он рыдал — потому что ему было действительно жаль сестру, или потому что действительно убил ее, может даже и не своими руками, и теперь страдал от чувства вины?

"И все таки это не он. — вдруг, безо всякой на то веской причины подумал Бриджес. — Это не он, и я знал это с самого начала. На него указывало многое, а его поведение вызывало немало вопросов, лишь поэтому я взялся за него. Стивен прав, нужно искать кого-то на стороне... кого-то из окружения сбежавшего Родригеса или одного из тех, кто стоит сейчас рядом с Джорджем Коэном?"

Оставшиеся четыре человека — это сам Джордж Коэн и трое его охранников, друзей, сообщников — один хрен, это неважно, суетились рядом. Один из них возвышался на голову над остальными, другие беспрестанно оглядывались по сторонам. Коэн, в отличие от брата Сары, выглядел спокойным, но то и дело подносил руку к лицу. Остатки его седых волос трепыхались на легком ветру.

"По крайней мере, он не бьется в истерику над ее гробом." — подумал Бриджес. Быть свидетелем такого зрелища он бы не хотел.

А вот у Фреда окончательно сдали нервы. Он склонился над открытой верхней частью гроба и начал что-то говорить своей мертвой сестре — Бриджес видел, как быстро шевелились его губы. Коэн наблюдал за этим с должным терпением.

Священник закончил свою речь и предоставил возможность проститься с умершей. Фред рухнул перед гробом на колени и зарыдал в голос — даже до Бриджеса доносились его

судорожные стоны и вой, почти что звериный. От этого звука волосы на руках вставали дыбом.

Коэн что-то сказал Фреду, положил сухую руку ему на плечо, но тот покачал головой и ужасные стенания продолжились. Коэн вдруг сунул руку в карман своих брюк и вытащил телефон. Посмотрел на него, кажется, раздраженно, а может и удивленно — со своего места Бриджес точно увидеть не мог — а потом, как ни странно, ответил на звонок.

"Кто же такой важный звонит ему?" — невольно задумался Бриджес. Наверное, это кто-то действительно серьезный, раз Коэн взял трубку сейчас, в этот момент. Детектив пожалел, что не захватил бинокль. Но оно и неудивительно, он до самого конца не знал, куда его приведет наитие.

Коэн с телефоном возле уха начал медленно удаляться от рыдающего Фреда. Один из охранников тут же последовал за ним.

Досмотреть всю эту сцену Бриджесу не удалось — зазвонил его собственный телефон.

— Детектив Бриджес, слушаю.

— Ее нашли. Видеозапись с Сарой Эллисон. — это был офицер Уолтон. — В маленьком банке неподалеку от того же самого торгового центра. Сара сама снимала деньги с карты, с помощью банкомата.

— Так значит, у нас есть видео с банкомата? — еще недавно эта новость порадовала бы Бриджеса, но сейчас он ничего не почувствовал.

— Так точно. Более того: она что-то спрятала в камере хранения. Работник банка подтвердил. Только нужно ваше присутствие, чтобы при вас ее вскрыли.

— Сейчас приеду. Диктуй точный адрес.

Офицер Уолтон продиктовал и Бриджес положил трубку. Он бросил последний взгляд на траурную церемонию: гроб медленно опускали в землю, Фред Эллисон больше не рыдал, но по-прежнему стоял на коленях, а Джордж Коэн сгорбился и менее всего сейчас походил на криминального босса, державшего когда-то в страхе весь город. Тщедушный старик, да и только.

Банк, о котором рассказал офицер Уолтон, находился почти напротив торгового центра: при желании Бриджес мог заглянуть туда еще вчера и самостоятельно все выведать. Офицер ожидал его у входа.

— Мне они отказались выдавать видео. — извиняющимся тоном сказал он. — Сказали, позвать вас.

Бриджес ободряюще похлопал его по спине.

— Все нормально, ты молодчина.

Работник банка, Ройс Кархолл, как значилось на бейдже, уже ожидал их в холле. Это был немолодой мужчина, в очках, с остатками черных волос возле ушей.

— Вы, полагаю, детектив Бриджес? Очень рад знакомству. Я Ройс Кархолл.

Бриджес знакомству был не очень рад. Мистер Кархолл сэкономил бы его время, если бы просто выдал офицеру запись и содержимое ячейки, но видимо, здесь действовали какие-то особенные правила. Да и, честно говоря, впервые за несколько дней Бриджес даже не знал, чем себя занять.

Тут было довольно уютно, дизайнеры попытались превратить обычный банк в своего рода подобие гостиницы. Ковры, мягкие диваны и кресла, даже картины на стенах. А из радио возле касс льется какая-то легкая мелодия. Во всей этой обстановке четыре банкомата, стоящие у дальней стенки, неподалеку от коридорчика, за которым виднелась

ведущая на второй этаж лестница, смотрелись почти что нелепо, словно гости из другого измерения.

— Офицер продемонстрировал мне фото девушки, и я узнал ее. — говорил мистер Кархолл, неторопливо направляясь к банкомата. — Она снимала деньги вот тут, с третьего банкомата. Крупную сумму, насколько я заметил, детектив.

— Вы всегда так наблюдаете за посетителями? — довольно резко осведомился Бриджес. Очень уж ему не нравился подобострастный тон этого человека. От таких, по его опыту, бывает гораздо больше проблем, чем от тех, кто настроен открыто враждебно.

Улыбка на миг сползла с лица банковского работника, взгляд водянистых глаз стал жестким. Но потом улыбка вернулась и, к неудовольствию Бриджеса, стала еще более навязчивой.

— Нет, детектив. Мы в нашем банке уважаем личное пространство каждого человека. Я обратил на нее внимание, лишь потому что девушка, как мне показалось, выглядела взволнованной.

Вот такие суждения — "выглядела взволнованной", или "выглядела испуганной", или "готова была штаны намочить от ужаса" — тоже очень, очень не нравились Бриджесу, но в этот раз он все-таки решил промолчать.

— Покончив с деньгами, она обратилась ко мне. — продолжил мистер Кархолл. Теперь он уже прошел мимо банкоматов и двигался в сторону служебного помещения. — Но об этом я вам расскажу через минуту, подождите здесь.

Офицер Уолтон, похоже, собирался войти в кабинет следом за ним, но дверь захлопнулась перед его носом.

— Какого...

Бриджес невесело усмехнулся.

— Вот ведь скользкий тип, верно?

Минут через десять мистер Кархолл вернулся, держа в одной руке диск в коробке, а в другой — маленький серебряный ключик. Диск он протянул Бриджесу.

— Видео приятно удивит вас качеством. — сказал он и, хотя это казалось уже невозможным, улыбнулся еще шире (если бы Бриджес знал о жуткой процедуре, которую проделал Джордж Коэн с несчастным Эдрианом Лопесом, прежде чем убить, то непременно пожелал бы повторить ее с мистером Кархоллом).

Далее они поднялись на второй этаж, где все было выполнено уже не так красиво: сюда явно чаще ходили лишь банковские служащие, а также те, кто желал воспользоваться ячейками хранения. Кархолл и двое полицейских встали возле стены, полностью состоящей из миниатюрных одинаковых ящичков с замками и серебристыми ручками, отличающихся только номерами. Мистер Кархолл вставил ключ в замок дверцы под номером 1753.

— Вы бы удивились, если бы узнали, какие порой причудливые вещи люди желают спрятать в наших сейфах. — сказал Кархолл. Наверное, он думал, что детектив Бриджес и офицер Уолтон физически не могут выносить тишину и ее нужно обязательно заполнить пустопорожней болтовней. — Деньги, драгоценности, ценные бумаги — это, если можно так сказать, рутина для нас. Однажды на моих глазах мужчина запрятал туда пачку макарон купленных им, по его словам, прямо в Италии. Мне аж захотелось попробовать их: должно быть, они очень вкусные, раз удостоились...

— Спасибо, что помогаете нам. — самым холодным голосом произнес детектив Бриджес, желая тем самым показать, что разговоры мистера Кархолла его не только не

интересуют, но даже раздражают.

— О, без проблем, детектив. — ответил банковский служащий, даже не моргнув глазом. Либо он не заметил красноречивого тона полицейского, либо намеренно проигнорировал его. Какими-то особо медлительными, ленивыми движениями он открывал уже отпертую дверцу. — В конце концов, это то малое, что можем сделать мы, простые люди, для вас, служителей закона, охранников нашего покоя и наших жизней. Это ведь все так тяжело...

— Что тяжело? — проворчал Бриджес.

— Ну... — Кархолл удивленно приподнял брови, подозрительно ровные. Неужели нарисованные? Бриджес не видел его вблизи и не мог знать этого, да и не хотел. — Я имею в виду, ловить преступников. Все эти перестрелки, погони, ранения...

Бриджес оглянулся на своего коллегу и с облегчением обнаружил, что на офицера Уолтона все эти слова оказывают точно такое же действие: кажется, он уже готов был на стенку лезть.

— Все так и есть, мистер Кархолл. — смягчившимся тоном сказал Бриджес. — Все, как вы и сказали. Перестрелки, погони... каждый день, и много раз. Иногда всем полицейским составом выезжаем. А ранения... — тут он понизил голос. — только сегодня утром штук пять получил, не меньше.

"И все до единого смертельные." — хотел добавить он, но решил, что это будет уже перебор.

Этот цирк произвел на мистера Кархолла впечатление. Он так и застыл перед открытой дверцей, не зная, как реагировать. Ужаснуться — значит признать, что его одурачили, а рассмеяться — значит невольно приуменьшить заслуги полицейских.

— Э-э... мда. — только и сумел выдавить он и стал двигаться быстрее. Он извлек черную женскую сумку — но не совсем классическую, эта была значительно больше, чем те, что дамы носят обычно. "И уж точно, — подумал Бриджес. — это не та сумка, которую Сара вешала на спинку стула в том кафе."

— Вот, собственно, то, что она спрятала. Возможно там деньги, поскольку ушла она из банка уже налегке, возможно, еще что-то...

— Не волнуйтесь, сэр, мы разберемся. — кивнул Бриджес. Он уже и сам широко улыбался, но эта улыбка была лишь отражением той, раздражающей, которая недавно сползла с лица мистера Кархолла. Его губы превратились в прямую линию, как только он отвернулся от банковского служащего.

Бриджес и офицер Уолтон расписались в нескольких бумагах и вышли на солнечную улицу. Спиной детектив ощущал взгляд мистера Кархолла. Видимо, господа полицейские разочаровали его: они явно не очень-то соответствовали его представлениям.

— Вот ведь упырь, да? — заметил Бриджес.

Офицер Уолтон направился к свободному автомобилю такси, стоящему у обочины. Бриджес с легким удивлением двинулся следом.

— Ты что, на своих двоих сюда добирался?

— Так точно, сэр. У меня был обеденный перерыв и я решил немного помочь вам, насколько могу... — Уолтон улыбнулся. — И не зря, как оказалось.

— Это точно. — Бриджес сжимал в одной руке коробку с диском, а в другой — большой пакет, в который положил сумку Сары. — Спасибо, дружище.

Бриджес направился в кафешку через дорогу — в животе уже урчало, он сегодня почти не завтракал. На ходу он обернулся и помахал рукой уже севшему в такси офицеру, и рука

его замерла в воздухе — весь он замер, словно каменное изваяние, посреди проезжей дороги. Слева уже доносились нетерпеливые гудки.

Он смотрел на удаляющееся такси и чувствовал, как земля уходит из под ног. Этого не может быть... немыслимо... но почему он сразу не проверил это? Ведь это же так легко, это, черт побери так легко!

Теперь он знал, какому автомобилю принадлежат те горящие дьявольским красным пламенем фары. Это был "форд" модели "Краун Виктория". Самый популярный автомобиль в местном таксопарке.

До участка он добрался почти в беспамятстве. В голове лихорадочно вертелись мысли, а все, что происходит вокруг, отскакивало от него, словно он был окружен каким-то невидимым щитом. Выскочив из машины, он вихрем взлетел по ступенькам крыльца.

В коридоре Бриджес чуть не врезался в офицера Кингсли.

— Ох, простите, детектив...

Бриджес уже шел дальше, но офицер окликнул его.

— Детектив Бриджес! У меня послание.

С большой неохотой Бриджес обернулся к нему.

— Послание?

— От детектива Фергюсона. Он сказал, что сегодня вечером не сможет присутствовать на выступлении, посвященном расследованию убийств Сары Эллисон, Скотта Радона и Ричарда Кроу.

Бриджес нахмурился и сумел наконец выйти из состояния, близкого к эйфории. Как странно... чем же будет так занят его напарник?

— Он объяснил причину?

— Нет, сэр. Сказал только, что это очень важно.

Бриджес решил, что забивать голову странными отлучками Фергюсона сейчас не стоит. В конце концов, едва ли это может быть что-то, связанное с расследованием: он прекрасно знает, что они зашли в тупик. Хотя Бриджес, если повезет, вот-вот повернет в нужном направлении.

Он был так возбужден после сделанного открытия, что даже не стал сразу просматривать видео с банкомата, а сумку просто на время оставил на столе. Вместо того, чтобы изучать новые улики, он решил получше присмотреться к старым.

Бриджес сделал копии обоих видео — и того, что они просмотрели самым первым, полученного с камеры на магазине Бобби Роула, и второго, взятого из компьютера в укрытии Родригеса. Теперь он собирался просмотреть их подряд, одно за другим... Как знать: возможно, если бы он сделал это еще вчера, озарение произошло бы раньше.

Черно-белая размытая картинка с первого взгляда не могла сказать ему ничего нового. Бриджес вновь наблюдал за тем, как такси останавливается возле дома, как из него выходит Сара Эллисон, расплачивается с таксистом и тот уезжает. Дальше смотреть было не нужно: его интересовало только такси.

Бриджес отмотал назад и вновь включил видео, но в этот раз замедлил его. Дверца закрывается, Сара направляется по дорожке к дому, автомобиль трогается с места и... исчезает из поля зрения камеры. Все — его нет.

С хмурым видом Бриджес откинулся на спинку стула. Что-то тут не складывалось. Он посмотрел на время, обозначенное в углу: 02:31. Бриджес записал его в блокнот, вырвал листок и положил справа от себя. Он выключил видео и начал проигрывать другое — с камеры, установленной в доме почти напротив дома Сары.

Безусловно, удачным его не назовешь. С такого угла в основном был виден лишь дом и узенькая полоска дороги. Человека, выходящего из машины, закрывал бы все тот же чертов дом. Бриджес вновь наклонился вперед. Ни Сару, ни еще какого-либо человека разглядеть в этом мраке было нереально, но вот правую фару автомобиля он видел. Безусловно, это он и

есть — "Форд Краун Виктория", на котором разбегает каждый второй таксист в городе.

Такси стояло теперь чуть вдали, отъехало вперед и остановилось практически возле подъездной дороги следующего дома. Но Бриджесу все равно казалось, что камера Бобби Роула должна была видеть его, хоть чуть-чуть, хоть краешек заднего бампера, хоть что-то. Он взглянул на время: 02:37. Целых шесть минут прошло с того момента, как Сара Эллисон вышла из своего такси и направилась к дому. Каковы шансы, что это уже другой, второй автомобиль такси? К сожалению, очень большие.

Если бы второе такси двигалось по той же дороге, камера Бобби Роула поймала бы его, но слева находилась еще одна узкая дорожка, не такая популярная, однако второе такси вполне могло проехать именно по ней и оказаться как раз перед соседним домом. Бриджес сжал в кулаке ручку с такой силой, будто это она была во всем виновата, и вывел на блокноте новые цифры: 02:37.

Возможно, все это ничего не значит. Да, убийца вполне мог приехать на такси. Фред признался, что у него нет машины. И подосланный убийца Родригеса или Коэна, недовольного изменами молодой девушки, тоже вполне мог приехать на такси, чтобы не "светить" свою собственную машину. А может быть, на этом такси приехал всего лишь сосед Сары и отправился спать.

Бриджес нажал на паузу и приблизил изображение. Горящая красным огнем фара видна хорошо, а все остальное — лишь нагромождение темных оттенков. О том, чтобы рассмотреть номер автомобиля, не могло идти и речи.

После 02:38 камера отключилась и вновь заработала лишь в 03:12, когда все уже было кончено. Бриджес так и не узнал, в какое время такси уехало.

Прошерстить весь таксопарк, выспрашивая водителей, суя им под нос фотографии Фреда Эллисона, быть может, Сэма Картера, Эдриана Лопеса, к которому у Коэна явно были претензии, раз он так жестоко с ним расправился? Бред, на это нужны огромные ресурсы и куча времени, лейтенант ни за что не согласится на такое.

От былой радости не осталось и следа. Да, возможно, он и правда нашел... что-то... но вот что с этим делать — не имел представления.

Понимая, что оттягивать это и дальше невозможно, Бриджес вставил в компьютер диск, полученный в банке.

Видео было коротким — старина Кархолл уж явно постарался, обрезав все "ненужные" секунды. Оно включилось за миг до того, как Сара Эллисон подошла к банкомату.

Кархолл не соврал, качество и правда было хорошим, к тому же, камера была цветной, хотя, как показалось Бриджесу, некоторые цвета она искажала — так совершенно черная сумка в руках Сары, та самая, что лежала сейчас на столе рядом с Бриджесом, на видео казалась темно-синей.

Бриджес понял, что впервые видит Сару Эллисон — живую Сару Эллисон — так близко. Она подошла, зажимая сумку подмышкой, а в свободной руке держала карточку. Черные волосы девушки разметались по плечам, подведенные тушью глаза выглядели очень яркими. На ней было синее блестящее платье — должно быть, что-то из гардероба, предоставленного Коэном, а на правой руке поблескивал золотистый браслет. Девушка была красива, очень красива, и Бриджес ощутил в сердце щемящую грусть, вспомнив печальную церемонию, увиденную утром. Да, она была красива... но вот-вот от этой красоты не останется и следа. Ее тело будет чернеть и разлагаться, глаза ввалятся, кожа и мышцы начнут отделяться от костей, и если процесс распада продолжится, как обычно, то уже через

год от нее останется один только скелет.

Бриджес резко помотал головой, поняв, что уже почти минуту смотрит куда-то в сторону, а не в экран. Пришлось отмотать видео немного назад.

Камера в банкомате располагалась чуть ниже, чем обычно, поэтому и на Сару Бриджес смотрел слегка снизу. Судя по движениям правой руки, она вставила карточку и начала вводить данные.

Вдруг она оглянулась.

Бриджес так напрягся, словно наблюдал за происходящим в "прямом эфире" и еще мог на что-то повлиять. Он бы душу продал, чтобы узнать, на кого или на что она сейчас смотрит через плечо. Но длился этот взгляд недолго — Сара вновь повернулась к экрану.

Она открыла сумку и, видимо, положила ее на пол. Прежде, чем наклониться, девушка вновь огляделась по сторонам.

— Ты кого-то боишься... — прошептал Бриджес. Он не слишком удивился, обнаружив, что лоб его покрылся испариной, а рука, которую он держал на мышке, слегка подрагивает. — Что-то тебя испугало, верно? Кто-то наблюдает за тобой?

Ответить она уже не могла, Бриджесу оставалось лишь наблюдать за ее нервными взглядами. Кажется, руки девушки слегка дрожали, когда она вновь стала нажимать на кнопки.

Судя по всему, начался отсчет денег. На несколько мгновений Сара опять почти исчезла из поля зрения камеры банкомата — видимо, складывала деньги в сумку. После этого она вытащила карту и ее тоже закинула в сумку.

"Иначе, — подумал Бриджес. — мы наверняка нашли бы ее еще при обыске дома."

Сара обернулась через плечо в последний раз и Бриджес поставил видео на паузу. Он пытался увидеть ее глаза, пытался прочитать в них ответы, но это было невозможно.

Девушка отошла от банкомата и видео кончилось. Бриджес вновь откинулся на спинку стула. Теперь оставалось лишь просмотреть содержимое этой самой сумки.

Пять часов спустя детектив Райан Бриджес вошел в зал, предназначенный для брифингов и экстренных совещаний. Сегодня здесь собрались почти все полицейские, не хватало только некоторых патрульных, в том числе офицера Уолтона, зато офицер Кингсли сидел в самом первом ряду, как один из полицейских, принимавших достаточно активное участие в расследовании. Там же расположились капитан Стерджесс, сержант Берд и лейтенант Солверсон, который при виде вошедшего Бриджеса тут же поднялся и быстро к нему подскочил. Он был почти в ярости и Бриджес едва не съежился — он никак не мог понять, чем это он успел заслужить такую немилость начальника.

— Черт побери, Райан! — сказал лейтенант шепотом, но так, что сидящие ближе полицейские наверняка слышали. — Где ваш напарник, детектив Фергюсон?

Бриджес чуть не ударил себя по лбу. Ему стоило сообщить о Фергюсоне сразу, но он занялся видеоматериалами и другими вещественными доказательствами, так что слова офицера Кингсли совершенно вылетели у него из головы.

— Ох... сэр, простите, это моя вина, я должен был сказать вам. Стив сказал, что не сможет присутствовать сегодня.

— Что за бред?! — шепот лейтенанта Солверсона стал еще громче. — Это еще почему? Что за срочные дела у него возникли?

Этот вопрос мучил и самого Бриджеса.

— Я не знаю, сэр, он не сказал. Говорил только, что это очень важно.

Бриджес рассказал об этом так, словно Фергюсон сам говорил ему о своих планах, а не передал это через офицера Кингсли. Почему-то Бриджесу казалось, что лейтенант разозлится еще больше, если узнает, что детективы не виделись с самого утра, с того момента, как вышли из кабинета медицинского эксперта.

Лейтенант сжимал и разжимал кулаки, и будто не замечал, что теперь на нем сосредоточено внимание уже всех присутствующих.

— Почему вы мне не сообщили о планах напарника?

— Я забыл, сэр. Простите. Я занялся новыми уликами...

Но Солверсону все это было неинтересно.

— Получите официальный выговор. А детектив Фергюсон... — он уже даже дышал тяжело, как разозленный бык. — Я потом решу, как его наказать.

И он сел на место. Бриджес с минуту стоял, не зная, с чего начать. Неожиданная, пусть и краткая выволочка выбила его из колеи.

"Начать? Начать нужно с самого начала."

И он начал.

Вначале он ввел присутствующих в курс дела насчет отношений Джорджа Коэна и Сары Эллисон, потом поведал о романе Сары и ближайшего помощника Коэна, его "правой руки", Скотта Радона. Вскоре после этого он перешел уже к самому главному: к последним событиям, предшествующим смерти Сары и Скотта.

Надев перчатки, он продемонстрировал телефоны, которыми тайно пользовались любовники, и даже одну из статуэток в виде кошки. После этого Бриджес положил на высокий стол перед собой большую черную сумку и открыл ее.

— Это самая последняя полученная нами улика. Данную сумку Сара Эллисон спрятала в банковскую ячейку. Вот что находится внутри.

Он начал выгребать содержимое. Вначале он вытащил перевязанные тугой резинкой деньги — те самые десять тысяч, потом карточку, с которой их сняли.

— Теперь более... необычные вещи. Полагаю, мисс Эллисон очень не хотела, чтобы мистер Коэн обнаружил их.

Бриджес вытащил книгу — японский словарь. Несколько дисков с фильмами, которые были посвящены изучению японского. Музыкальный диск с песнями японской певицы Миюки Накадзимы. И последнее — дневник, так же украшенный иероглифами.

— Вот это, — Бриджес поднял его повыше, чтобы всем было видно. — возможно, одна из самых ценных улик, к изучению которой мы приступим как можно скорее. И не волнуйтесь: Сара писала не на японском.

— Правильно ли я понимаю: мисс Эллисон хотела сбежать в Японию? — спросил сержант Берд.

— Судя по всему, да. — кивнул Бриджес. — Не знаю, насколько Скотт Радон был таким выбором доволен. Но Сара, видимо, испытывала к этой стране какую-то особенную любовь.

Это действительно так: Бриджес быстро пролистал дневник и обнаружил там переводы песен, вероятно, с того самого музыкального диска. Видимо, Сара переводила, ориентируясь только на слух, но в целом у нее получалось неплохо. Она явно готовилась к своему побегу и не собиралась быть "белой вороной" в чужой стране.

Бриджес чувствовал, что пора заканчивать. Он устало оперся о стол и оглядел своих собравшихся коллег.

— Буду откровенен: дело дрянь. У нас с самого начала было больше вопросов, чем

ответов, были улики — некоторые лишь косвенно указывающие на чью-то вину, а некоторые слишком похожие на откровенную фальшивку.

Он заметил, как начал ерзать обнаруживший окровавленные перчатки офицер Кингсли. Конечно, он был недоволен, что его находку, находку детектива Фергюсона, ныне отсутствующего здесь и неспособного потому отстоять свою точку зрения, так принижают.

— А все то, что случилось дальше, — продолжал Бриджес. — убийство Бобби Роула, Сэма Картера, найденное в реке тело Эдриана Лопеса — все это лишь усугубляет наше положение. Количество трупов выросло в два раза, а мы... вернее, в основном я, вполне возможно, был сосредоточен не на том.

Бриджес имел в виду, конечно же, Фреда Эллисона, но уточнять это сейчас не нужно. Те, кто был близок к расследованию, и так поняли, о чем речь.

— Думаю, в ближайшее время все эти дела будут... — тут он замер. Сказать эту фразу было очень тяжело, но ему придется через себя переступить. Кажется, в глазах некоторых он увидел сочувствие — они прекрасно понимали, каково ему сейчас. — переданы полиции штата для дополнительного и более детального расследования. Возможно, нашим более высокопоставленным коллегам удастся найти какие-то новые улики, а также вызвать на допрос сбежавшего в Мексику Родригеса. У меня все.

Под гробовое молчание публики он сошел с низенькой сцены и покинул зал.

К концу дня погода вновь испортилась. Разыгрался настоящий ливень, тугие струи дождя настойчиво ввинчивались в землю, громко били по стеклам, крышам и подоконникам. Местами ливневые канализации не справлялись, из-за чего в низинах образовались маленькие озера, которые автомобили преодолевали с трудом.

Детектив Фергюсон остановился возле парковки, где они с Коэном условились встретиться, без пяти шесть. Становилось все темнее, будто из-за непогоды долгое летнее солнце решило лечь спать пораньше. С минуту Фергюсон посидел, собираясь с мыслями. Развернуться, уехать, пока не поздно? Вдруг это ловушка? И совсем необязательно смертельная — Коэн мог долго играть с ним в кошки-мышки, прежде чем прикончить. Этого Фергюсон боялся больше всего — стать марионеткой в руках этого человека. Человека, которого ненавидел всей душой.

Он вышел из машины и глубоко вдохнул холодный мокрый воздух, надеясь, что он выветрит из головы ненужные мысли и успокоит чувства. Очки пришлось снять — в дождь от них больше вреда, чем пользы. Фергюсон направился к пропускному пункту — всего лишь маленькой будке, рядом с которой был расположен шлагбаум.

Там его уже ждали. Фергюсон не сомневался: в обычные дни этих жутковатого вида ребят в черных майках и с автоматами тут нет. Они завели его внутрь, где находилась простенькая панель управления, и повторили процедуру осмотра. Изымать было нечего — пистолет Фергюсон оставил в машине.

— Если понадобится, я зубами старику перегрызу горло. — с улыбкой пообещал Фергюсон.

Но зубы ему выбивать не стали и выпустили через другую дверь. Таким образом он оказался на территории практически пустой парковки. Фергюсон мог бы спросить — а куда ему, собственно, теперь идти? — но серый автомобиль, стоявший впереди, в самом центре площадки, красноречиво говорил сам за себя. Пригибаясь под ливневыми потоками и недружелюбными порывами ветра, Фергюсон двинулся прямо к нему. Дождь заливался за шиворот и холодными ручьями тек по спине, вызывая дрожь во всем теле. Кажется, он стал еще сильнее — он уже почти шипел, пузырился в лужах, он будто хотел продырявить землю. Лишь сев в машину, Фергюсон немного, но не до конца, приглушил его шум.

— Плохой день. — заметил Фергюсон.

Коэн сидел за рулем, но трогаться с места явно не собирался. Фергюсон думал, что он уедет куда-то — может, в какое-то сверхсекретное убежище — но похоже, их беседа пройдет прямо здесь, посреди принадлежащей Коэну парковки.

— Плохой день. — согласился Джордж Коэн. — Но вы сами выбрали плохой день для плохой новости. Сегодня утром я был на похоронах Сары.

"Вероятно, в этом самом костюме." — подумалось детективу. Пиджак Коэна был чернее вороного крыла. Фергюсон живо представил его, склоняющегося над мертвым телом Сары, словно хищник над добычей.

Видимо, Коэн просидел в машине довольно долго — его редкие седые волосы не липли к черепу, да и сама одежда выглядела сухой. Либо сегодня у старого мафиози совершенно нет никаких дел, либо слова Фергюсона и правда очень обеспокоили его.

— Соболезную вам. — сухо сказал Фергюсон.

— Спасибо. Но если бы соболезовали по настоящему, то не стали бы еще больше огорчать меня тем утренним звонком.

Фергюсон чуть не фыркнул. Вот оно что... Старикан решил давить на жалость. Очень забавно.

— Вы обманули меня. Я показывал вам фотографию того парня, Эдриана. Фотографию, на которой ваши люди, в том числе ныне покойный Картер, тащат его к своей машине, а он явно не очень хочет с ними ехать.

— Да, обманул. — Коэн пожал костлявыми плечами. — А разве играя в покер, вы раскрываете свои карты раньше времени?

— Вы опять проводите аналогии с играми, но жизнь — это не игра. К тому же, ваша так называемая карта сыграла против вас. Правда все равно всплыла, и вы все равно в дерьме. Одна-единственная ниточка отделяет вас от вызова на допрос, и ниточка эта хранится у меня, в запертом столе. Та самая фотография, оригинал. Ее будет достаточно для вынесения обвинения, учитывая ваш богатый... послужной список.

— А у ваших коллег не возникнет ненужных вопросов? Например, они могут поинтересоваться, почему вы вспомнили об этой фотографии только сейчас.

Фергюсон чуть не рассмеялся, удивленный наивностью Коэна.

— Ну почему вы думаете, что я лично вручу ее своему начальнику? Можно прислать ее анонимно. А если кто-то в чем-то и заподозрит меня, доказательств у него все равно не будет.

— Если вы это сделаете, детектив, — сказал Коэн, понизив голос, так что Фергюсон едва слышал его за шумом неугомонного дождя. — я тоже кое-что анонимно пришлю.

Он достал телефон, искал в нем что-то примерно минуту, а потом из динамика донесся голос самого Фергюсона.

"Как бы глупо это ни звучало, вы должны поклясться, что с этим человеком все нормально. Иначе я не смогу вести с вами никаких дел."

Потом раздался голос Коэна:

"Хорошо, детектив, я клянусь вам: он жив. После нескольких часов допроса с пристрастием я отпустил его."

Коэн поднял глаза и встретился взглядом с Фергюсоном, который смотрел на него, не скрывая отвращения.

— Вы удивлены, детектив?

Он слегка перемотал запись вперед.

"...Откуда вы знаете, что я соглашусь?"

"Он вам понравится. Я в этом не сомневаюсь."

— Доверяй, но проверяй. — хмыкнул Коэн. — Я должен был обезопасить себя. И теперь вижу, что все сделал правильно.

Фергюсон был оглушен. Такой поворот событий мог изменить все, и далеко не в его пользу. А из телефона лился его собственный голос:

"Джерико Родригес должен сесть, причем в самое ближайшее время. Мои коллеги, в том числе детектив Бриджес, настроены скептически, но я думаю, мы можем попытаться направить их на путь истинный."

"И как же мы это сделаем?"

"Старым, как мир, способом. Подбросим улики. У меня есть перчатки — я специально испачкал их в крови Ричарда Кроу. Я выбрал именно его кровь, потому что точно не знал, на

чьей он стороне, но был уверен, что он не человек Родригеса. Эта улика натолкнет следствие на нужные нам выводы: в ночь убийства там был еще один человек."

Коэн отключил телефон.

— Думаю, достаточно, не так ли?

Фергюсон молчал, все еще не в силах поверить, что попался так легко. Несколько минут назад, бредя сюда под проливным дождем, он еще думал, что никогда не станет пешкой в руках этого монстра. Но он, похоже, ошибся.

— В том ресторанчике полно записывающего оборудования. — не без гордости объявил Коэн. — Даже если бы вы пернули, я бы потом это услышал. Ну так что, детектив? Что будем делать?

— Я уже сказал. — Фергюсон наконец обрел дар речи, но голос предательски подрагивал. — Наша договоренность расторгнута, вы меня обманули.

— Это даже звучит как-то по-детски. — фыркнул Коэн. — Но я вас понимаю. Вы так старались, расставляя свои сети, что в какой-то момент сами начали в них путаться.

— Какие еще сети? — вскинулся детектив. — О чем вы?

Улыбка сошла с лица старика. Теперь он смотрел на Фергюсона совершенно серьезно.

— Не думайте, что если я стар, то ничего не помню. Или что меня уже поразил старческий маразм. Я помню эту фамилию: Фергюсон. Помню лучше, чем многие другие.

Детектив ощутил, как ужас волнами накатывает на него, парализуя тело и лишая возможности спокойно мыслить. Да, он собирался раскрыть себя, но не сейчас... и уж конечно он не думал, что Коэн сделает это за него.

— Я не понимаю, о чем вы. — буркнул Фергюсон в безуспешной попытке отбиться от этой атаки.

— 9 октября 1987 года. — по-военному четко произнес Коэн. — Два дня оставалось до того момента, как человек по имени Ричард Фергюсон явится в суд и даст показания против четверых подсудимых. Показания мистера Фергюсона были решающими и самыми важными для следствия, а подсудимые были моими людьми... тогда еще моими и Родригеса.

Фергюсон молчал, отвернувшись к окну. Его била крупная дрожь. Угроза разорвать зубами стариковское горло уже не казалась такой безумной. Что угодно, лишь бы он заткнулся.

— Мистер Ричард Фергюсон был главным свидетелем. — продолжал Коэн. — Его слова могли засадить за решетку четверых ребят, двум из которых едва стукнуло двадцать.

— Они были преступниками. — сухо заметил Фергюсон.

— Они были моими ребятами! Почти что моей семьей! — в голосе Коэна слышалась боль. — Я не мог позволить этому Фергюсону явиться в суд. Он обязан был замолчать, просто обязан был! Я послал человека, выяснить адрес, где проживает Фергюсон. Он проследил за ним до улицы, где жил этот парень, а потом остановился — ему показалось, что мистер Фергюсон заметил слежку. Ему пришлось отстать от него. А когда он вновь двинулся следом, то увидел, что мистер Фергюсон пропал. Но зато он увидел дом, на почтовом ящике которого было написано: "Р. Фергюсон". Этого было достаточно.

Фергюсон сжал кулаки с такой силой, что ногти больно впились в кожу. Он ощущал, как в нем вскипает ярость, словно огромный дракон медленно поднимает голову из слабо дымящегося озера застывшей лавы.

— Но он ошибся. — еле слышно прошипел Фергюсон. Он так и сидел, отвернувшись к окну, безуспешно пытаясь унять свои чувства.

— Он ошибся. — глухим голосом согласился Коэн. Фергюсон украдкой все же глянул на него и с удивлением обнаружил, что старик тоже отвернулся. — Он не знал... как он мог знать?... что на этой улице жил другой человек с фамилией Фергюсон. Роберт, ваш отец.

Тут их взгляды наконец встретились.

— Я знал, что этот день настанет, детектив. Я знал, что сын будет мстить за отца. Месть — блюдо, которое подают холодным, и это не просто красивая фраза. Нужен холодный расчет и трезвый ум, чтобы акт мщения вышел идеальным.

— Вы даже не проверили. — голос Фергюсона дрожал и он больше не пытался скрыть этого. — Вы не стали проверять, не ошибся ли ваш человек, не допустил ли какой-то оплошности. Он рассказал вам, как следил за ним, за этим Ричардом Фергюсоном, верно? Рассказал еще тогда? Рассказал, что упустил его из виду?

— Да, рассказал... Но я действительно не стал делать никаких дополнительных проверок. У меня был адрес и мне этого было достаточно. И я послал Родригеса.

— Почему именно его?

— Он жаждал крови. Один из тех, кто мог сесть за решетку, был его племянником, и Джерико хотел лично отправить в ад того, кто готов этому поспособствовать. — Коэн невесело усмехнулся и замолчал.

Настала очередь Фергюсона говорить. Ему не хотелось, каждое слово вызывало боль и лишь еще больше распалило этот огонь в груди, но это была своего рода церемония, без которой, он чувствовал, обойтись нельзя. Фергюсон вдруг понял, что на самом деле давно хотел высказать все это. Да, он порывался рассказать об этом Бриджесу... лейтенанту... случайным парням в бесчисленных барах и забегаловках, где он провел, как ему казалось, половину своей осознанной жизни. Но именно Джордж Коэн был идеальным слушателем.

— Я проснулся в ту ночь не от выстрелов. — сказал Фергюсон. — А от стука в дверь. Я почувствовал что-то странное. Я понял: сейчас произойдет плохое. Это как... как запах грозы летним вечером. Это витает в воздухе. Я услышал, как отец спускается вниз по лестнице и сам начал торопливо одеваться. Я хотел сказать отцу, чтобы он не открывал. Пусть забаррикадирует двери, заколотит досками окна и зовет полицию. Пусть достанет пистолет, который хранит в сейфе у себя в кабинете... Но я не успел. Я сам уже был на лестнице, когда отец встал у двери. Я услышал, как отец спрашивает: "Кто там?" А ваш Родригес... знаете, что он сказал? "Это полиция, откройте." Гребаный сукин сын. И эта фраза подействовала, как заклинание. Папа открыл, когда я уже преодолел почти половину ступенек. Четыре выстрела — громких, ужасающих, от них дрожали стекла, он даже не потрудился навинтить глушитель. Грохот падающего тела и торопливый топот. Я хотел сбежать вниз сразу же, но побоялся, что меня тоже убьют.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Слишком ярко и слишком живо все события той ночи вновь вставали перед его глазами.

— Я помню, как сидел на полу, а голова отца покоилась на моих коленях. Помню, как пытался зажать раны рукой, но их было четыре, а руки у меня всего две. Отец умер не сразу, он дрожал, корчился и захлебывался кровью. Кровь текла из его рта и в искусственном свете казалась черной. Кровь сочилась из каждой раны и скоро вокруг нас обоих образовалась большая лужа. К тому времени, как папа умер, я и сам уже был измазан кровью... Он так и не сказал ничего перед смертью. Он не мог дышать и говорить. Но я смотрел в его глаза, и до сих пор вижу их порой, в своих снах.

Он умолк и вновь в омываемой дождями и овеваемой со всех сторон ветрами машине

настал тишина.

— Ричард Фергюсон, — снова взял слово Коэн. — явился в суд в назначенное время и дал показания, на которые надеялось обвинение. Четверых парней загребли в тюрьму на срок от 15 до 29 лет. Племянник Родригеса умер через четыре года — кто-то перерезал ему горло во сне.

Возможно, старик думал, что эти откровения вызовут у Фергюсона сочувствие. Нет. Не вызывали.

— Ты думаешь, Стивен, — впервые Коэн обратился к нему по имени. Фергюсон обернулся и встретился с ним взглядом. — что я такое чудовище... такое невыносимое отродье... что мог забыть невинного человека, которого я приговорил к смерти? Человека, который не сделал мне ничего дурного. Человека, которому всего лишь не повезло иметь ту же фамилию, что и у его соседа через несколько домов...

Фергюсон молчал. Он хотел отвернуться к окну, но что-то в бледных слезящихся глазах Коэна останавливало его.

— Вот с этого все и началось, Стивен. Именно тогда мы впервые крупно поссорились. Мы тогда еще были слишком молоды и глупы, чтобы признать, что оба виноваты, и потому пытались спихнуть вину друг на друга. Скажу честно, тогда меня больше беспокоили эти люди, четыре человека, которым предстояла жизнь в аду. Я старался поменьше думать о том, что отнял жизнь у несчастного, который не сделал мне ничего плохого. Мы оба об этом почти не думали. Мы ругались, цитируя чертов приговор. Мы наставляли друг на друга пистолеты и опускали их, не в силах нажать на курок. А потом, через четыре года, племянника Джерико убили. Это стало последней каплей. Родригес ушел в банду Блэка, а позже сам встал у ее руля.

Фергюсон смотрел на него уже с изумлением. Да, он знал, что Коэн и Родригес разорвали партнерские отношения довольно скоро после убийства его отца, но не думал, что именно оно стало отправной точкой для этого.

— Еще не встав на путь крови, — продолжил Коэн после недолгой паузы. — мы встречались где-нибудь в баре, на нейтральной территории. Мы могли говорить о чем угодно, так, словно ничего не случилось. Но потом Джерико неизменно возвращался к этой теме. "Почему ты не проверил, Джордж? — спрашивал он. — Если Кевин сказал, что не довел Ричарда Фергюсона до дома, как ты мог назвать мне этот адрес?" И он забывал, как накануне убийства буквально пританцовывал на месте, ожидая, когда же ему отдадут кровавый приказ. Мне тогда казалось, что он готов перестрелять всех, кто живет на этой улице, даже не зная точного адреса.

— Так вы из-за этого до сих пор не ладите? — почему-то почти шепотом спросил Фергюсон. — Так и не смогли признать, что виновны оба?

— Да... да, наверное, из-за этого. А сейчас расскажи мне свою историю, Стивен. Ты решил стать полицейским... Из-за таких, как я? Или целиком из-за меня?

— Вначале из-за вас. — признался Фергюсон. — Мне очень хотелось стать тем, кто усадит вас за решетку. Я представлял, как застегиваю наручники на ваших запястьях, а потом улыбаюсь и произношу всего одно имя: Роберт Фергюсон. И наблюдаю за вашей реакцией. И я еще думал тогда: "Если он не поймет... если он не вспомнит этого имени... я просто достану пистолет и выстрелю ему в лицо. И плевать, если проведу оставшиеся дни за решеткой."

— Я бы вспомнил. Я бы вспомнил его и на смертном одре. Это имя стало бы

последним, что слетело бы с моих губ... так я думал... но потом появилась Сара.

Фергюсон молчал, ожидая, что Коэн заговорит о ней, но его интересовало другое.

— На несколько лет ты пропал из моего поля зрения, Стивен. Да, я потихоньку наблюдал за тобой, ожидал, когда жажда мести наконец прорвется и ты сядешь мне на хвост. Но ты уехал.

— В Нью-Йорк. — сказал Фергюсон. — Там я выучился, окончил академию и устроился на первую работу. Я знал, что мне нужно получить хоть какой-то опыт, прежде чем начать охоту на крупную дичь. А потом я занялся вами, Джордж. Парня, которого вы скрываете и бережете как зеницу ока, зовут Эммануэль, верно?

Коэн удивленно моргнул.

— Да, верно. Неужели...

Фергюсон усмехнулся.

— Да-да, именно так. Я наблюдал за ним полгода. Жертвовал обедами и отпусками, чтобы досконально изучить все его маршруты. И однажды нанес удар. Вы назвали меня грязным копом, Джордж. Может, вы и правы. Я нашел еще одного такого же — грязного копа, и попросил его об одолжении. Он остановил уже пустую машину, которую перегонял Эммануэль, и подкинул наркотики в багажник. Паренек, кажется, особо и не сопротивлялся, понимая, что виновен. Я догадывался, что Родригес не станет с ним возиться и подставлять себя, и не ошибся. И конечно же, я догадывался, что им заинтересуетесь вы, Джордж.

— Но зачем все это? — никак не мог понять Коэн. — Ты хотел, чтобы я уничтожил Родригеса? Не хотел сам с ним расправиться?

Фергюсон слабо улыбнулся.

— Родригес был всего лишь исполнителем. С самого начала моей главной целью были вы, Джордж. С вашей помощью я собирался упрятать Родригеса за решетку, где он гнил бы до конца своих дней, или где ему перерезали бы глотку, как его мерзкому племяннику. Но вас я оставил бы для себя. Я много месяцев думал о том, как убью вас. Как оставлю вас умирать, истекая кровью. Я не буду смотреть на вас в этот момент, как смотрел на отца, я уйду, и вы умрете в полном одиночестве, никому не нужный, всеми покинутый, жалкий старикан.

Коэн смотрел ему в глаза и, должно быть, увидел что-то такое в них, что заставило его отвести взгляд.

— Да, Стивен. Ты так бы и поступил, и это было бы справедливо. Но ты ведь уже понял, что справедливости в этом мире нет. Разве справедливо, что Сара сейчас лежит в могиле? Разве справедливо, что ты сейчас сидишь тут, высказывая все это, но не можешь приставить пистолет к моей голове и нажать на курок?

— Вы любили Сару? — спросил Фергюсон, желая сменить тему. Действительно, к чему говорить о мести, которая теперь уже, не сомневался Фергюсон, никогда не свершится?

— Любил. Ты когда-нибудь встречал человека, про которого мог бы сказать: "он будто олицетворение самой жизни"?

Фергюсон покачал головой.

— А она была именно такой. Она была такой стремительной, и при этом спокойной. Такой мягкой, но при этом решительной. Она любила жизнь и я думал, что жизнь тоже ее любит. Сара мечтала о путешествиях. Она хотела побывать во многих странах, особенно в Японии. Только брат ее беспокоил. Сара не была легкомысленной. Она осознавала свою ответственность и любила своего бездаря-брatца.

— А что насчет Скотта? — спросил Фергюсон. — Вы знали, что они с Сарой любовники?

Коэн слегка сморщился.

— Я догадывался. Я не злился на Сару, потому что мог понять ее. Она молода и красива, а я... Но меня все же беспокоило, что это именно Скотт. Он ведь, в принципе, был такой же, как я, только моложе почти на пятьдесят лет. Я опасался, что когда он пойдет на дно, то утянет Сару с собой. И, вероятно, так оно и вышло.

Он умолк и вновь наступила долгая тишина. Стихия вокруг не унималась, ливень, похоже, зарядил на весь вечер, а может и на всю ночь. Где-то вдали гремел гром — он напоминал голодное урчание в чьем-то исполинском животе.

— Это не Родригес. — сказал наконец Фергюсон. — Поначалу, когда все это случилось, мне было выгодно заставить вас думать, что это он. Это было просто — Родригес следил за Сарой и за вами, он знал, что девушка стало вашей слабостью, и вполне мог этим воспользоваться. Когда Сару убили, вы тут же нанесли ответный удар.

— Эдриана я убивать не собирался. — Коэн смотрел немигающим взглядом прямо перед собой. — Но он упорствовал, покрывая своего хозяина, да еще и начал грубить. Вот я и не выдержал.

— Где его голова, Джордж? Что вы с ней сделали?

— Отправил Родригесу, на блюде. Как знак, что это случится и с ним самим, и со всеми его людьми. Если бы не наш тогдашний разговор, трупов было бы уже гораздо больше. Пусть я и солгал насчет Эдриана, но больше я крови не проливал, как и обещал.

— Лжете. — отрезал Фергюсон. — Вы очень сильно оплошали с Бобби Роулом. Так сильно, что разом испортили все!

— Это была случайность. Мои люди допустили грубую ошибку. Они собирались лишь поговорить с Бобби, а не убивать.

— Но они убили, и стерли запись с камеры, которая видела их лица. Вы ведь понимаете, как подозрительно это выглядело? Предполагаемая машина Родригеса должна была проехать прямо мимо магазина, но она не могла проехать там, если ее там не было, а случайно взятый напрокат фургончик не убедил бы ни Бриджеса, ни лейтенанта. Нужен был автомобиль, совершенно точно принадлежащий Родригесу, но такого у вас нет. Вот вы и вышли из положения, удалив видео... видео, на котором ничего нет.

— Все совсем не так...

— Но выглядит именно так! Вы одним махом все разрушили. Убийством Эдриана вы лишь спугнули Родригеса. В результате он только ответил кровью за кровь и сбежал в Мексику, не желая вступать в открытое противостояние. Вы еще не поняли? Он не ответственности за убийство Сары и остальных боится. Он боится вас, Джордж.

Наступила гнетущая тишина. Фергюсон вновь сидел, отвернувшись к окну. Ему казалось, что там, за стеной дождя, кто-то шевелится, что там движется какая-то фигура, но возможно, это просто иллюзия.

— Насколько безопасно здесь? — спросил он.

— Безопаснее, чем у директора Пентагона в заднице. — хмыкнул Коэн. — Сегодня тут нет никого, а ребята на входе впускают только тех, у кого есть пропуск — то есть лишь моих людей. Боишься, Стивен? Пока не нужно. Мы сейчас друг у друга на крючке, и лучшее пока, что мы можем делать — это не дергаться.

— Я убью вас, Джордж.

— Вы знаете, что стоит первым пунктом в моем новом, переписанном завещании? Отправить напрямую вашему начальнику ту самую замечательную аудиозапись, часть которой мы с вами сейчас прослушали. А чем будете парировать вы?

Фергюсон молчал. Мерзкий старик загнал его в угол.

— Нам лучше продолжить сотрудничество. — заявил Коэн. — Это будет полезно нам обоим. Разве вы наказали Родригеса, как собирались? Да, он сбежал, но это не значит, что его нельзя достать. Еще парочка улик, детектив, более убедительных, и у ваших коллег появится достаточно причин, чтобы запросить экстрадицию Родригеса.

Фергюсон заметил, что Коэн вновь перешел на более официальный тон. Думает подкупить его таким образом?

— Я не собираюсь больше заниматься этим. Найдите кого-нибудь другого.

— Да бросьте, детектив Фергюсон. Он четыре раза нажал на курок. Четыре пули вонзились в вашего ни в чем не повинного отца. Давайте продолжим, вы ведь и так уже измазались по самые уши. Еще немного грязи вам не повредит.

— Я не буду... — начал Фергюсон, но осекся. Теперь он точно знал: зрение не подвело его. Даже без очков он видел смутную фигуру, бредущую в их сторону сквозь дождь. — Там кто-то идет.

— Что?

— Кто-то движется там. Идет прямо сюда.

Паника захлестнула его. Неужели Коэн сейчас солгал, сказав, что хочет продолжить сотрудничество? Неужели уже приготовил для него пулю? Что ж, это было бы верным решением. И чем Фергюсон мог бы ему навредить после смерти? Той дурацкой фотографией? Нельзя забывать о "кроте" Коэна, шныряющем по участку. Он вполне может подчистить и этот хвост.

— Я никого не вижу. — буркнул Коэн.

Фергюсон подергал ручку, но дверца не открывалась.

— Откройте дверь, Джордж.

— Да бросьте...

— Откройте дверь, мать вашу!

Но он уже не успел бы ничего сделать. Человек появился перед ними, словно сотканный из капель дождя. Он шел довольно медленно, держа руку на животе, словно он у него болел, а вторую опустив вдоль тела. Что-то в ней было зажато.

— Что за... — выдохнул Коэн.

— Откройте двери, черт побери!

Незнакомец был одет в синюю куртку с капюшоном, но сейчас он опустил капюшон и Фергюсон очень смутно — мешали струи дождя — рассмотрел его лицо. Он заметил странную отметину у него на лбу, какое-то черное пятно.

— Джонни? — изумленно воскликнул Коэн, но едва ли с той стороны его мог кто-то услышать.

Старик будто оцепенел. Похоже, он знает этого парня, но при этом сильно удивлен его появлением.

Незнакомец встал прямо перед ними и поднял правую руку, сжимавшую пистолет.

"Они слышат. — успела мелькнуть мысль. — Те люди на пропуске, они слышат грохот выстрела."

Все происходило будто в замедленной съемке. Отчетливее, чем прежде, Фергюсон

видел уже не капли, а струи дождя, бегущие по лобовому стеклу. Из-за воды тело незнакомца казалось размытым и будто бы раздавалось то вширь, то в высоту, напоминая колеблющуюся фигуру призрака. В какой-то момент Фергюсон разглядел его пистолет... слишком длинный пистолет. Глушитель.

"Нет, они не услышат. Никто ничего не услышит."- понял Фергюсон.

Так громко шумит дождь... такие густые его струи льются с разверзшихся небес... на востоке гром... а сердце стучит, многократно перекрывая все звуки.

В последний, лишь в самый последний миг все вновь стало нормальным, обрело прежние скорость, яркость и объем. Мужчина направил пистолет на лобовое стекло.

— Горячий привет вам от сеньора Родригеса!

Четыре выстрела не разбили лобовое стекло, но оставили в нем четыре круглых отверстия с трещинами, змеящимися во все стороны. Первая пуля попала в грудь Джорджа Коэна, а вторая напрямик в голову и за мгновение до собственной смерти Фергюсон увидел, как голова старика, с черным отверстием в центре лба, падает на руль. Еще две пули настигли детектива Стивена Фергюсона. Первая вошла в плечо, причинив лишь боль, а вторая пронзила сердце. Он умер, успев услышать еще один раскат грома.

Райану Бриджесу казалось, что он идет по эшафоту.

Конечно, он никогда не шел по эшафоту, и едва ли мог знать, что на самом деле ощущает при этом человек, но ассоциации у него возникали именно такие.

Вокруг было слишком тихо. Дождь наконец кончился, оставив огромные лужи, похожие на маленькие озера. В них желтыми и сине-красными бликами отражался свет фар и мигалок полицейских автомобилей. Их было больше, гораздо больше, чем возле реки, где выловили тело Эдриана Лопеса. Больше даже, чем рядом с домом Сары Эллисон, где было совершено тройное убийство. И оно неудивительно: умер их коллега, их товарищ, их друг, и каждый полицейский посчитал за честь прибыть сюда и помочь хоть чем-то, хоть немного... особенно если это поспособствует установить личность убийцы.

Какая тишина... Они разговаривали почти шепотом... почему? Они шли почти на цыпочках. Взяв в руки мобильный телефон, они отходили как можно дальше, чтобы не разбивать эту тишину. Траур начался уже здесь, прямо сейчас, на этой чертовой парковке, абсолютно пустой этим вечером. Лишь в самом ее центре стоял одинокий автомобиль.

Бриджес хотел остановиться. Он чувствовал, что задыхается. Боль сдавила грудь и не давала сделать вдох. словно чья-то огромная жестокая рука сжимала его грудную клетку и казалось, что вот-вот затрещат сминаемые ею ребра. Но Бриджес не останавливался, он шел, и ему было плевать, даже если это начало сердечного приступа.

Как ни странно, боль ушла, когда он увидел их. Вернее, вначале он увидел Стивена. Детектив Фергюсон сидел, наклонившись чуть в бок и слегка свесив голову — казалось, что он дремлет у окна. Плечо почернело от крови, но гораздо больше крови было на груди, в области сердца.

Глаза детектива были закрыты и это слегка порадовало Бриджеса. Он боялся того, что может прочесть в их стеклянном взгляде.

Джорджа Коэна он заметил не сразу, но не особо удивился: старик наконец получил то, что заслуживал. В него убийца также всадил две пули, одну в грудь, а другую прямо в лоб. Коэн лежал головой на руле и пол под ним был залит кровью.

Даже аромат дождя не мог перебить этот сильный металлический запах. Кажется, воздух в радиусе нескольких метров пропитался им, а может, у Бриджеса уже начались галлюцинации.

Он перевел взгляд на лобовое стекло, не разбитое, но покрытое густой паутиной трещин. Убийца, видимо стоял прямо тут, где стоит сейчас Бриджес. Детектив почти видел, как он поднимает пистолет, нажимает на курок два раза... потом поворачивается корпусом — совсем чуть-чуть, слегка... и выпускает еще две пули.

Чуть вдали Бриджес видел беседующих лейтенанта Солверсона и офицера Кингсли. С неохотой он направился к ним.

— Офицер Кингсли приехал первым. — сказал лейтенант Бриджесу. — Поступило сообщение о стрельбе на парковке и он вызвался проверить, в чем дело.

— Я не ожидал такого. — кажется, офицера трясло. И дело тут вовсе не в холоде, сохранившемся и после окончания дождя. — Я думал, может подростки какие балуются... ну знаете, проезжают, высунув пистолет из окна, стреляют по стоящим машинам. Это у них вроде как развлечение. Но такое...

— На пропуске никого не было? — спросил Бриджес.

— Никого. Совершенно пусто. Ощущение, что люди ушли в спешке, там даже кофе недопитый был.

Бриджес больше не мог игнорировать испытующего взгляда лейтенанта Солверсона.

— Сэр... — сказал он, обнаружил, что в горле сухо, как в пустыне, и прокашлялся. — Сэр, клянусь, я не знал. Я понятия не имел, что он встречается с Коэном. У меня и мысли такой не возникло. В конце концов, это было бы странно, после того, как мы нашли Лопеса.

— Одним выговором дело теперь не ограничится, детектив Бриджес. — тихо и угрожающе произнес лейтенант. — В своем рапорте начальству я доложу о вашей халатности, которая, хоть и косвенно, привела к смерти сотрудника полиции. Вы должны были сообщить мне об отсутствии Фергюсона не за пять минут до собрания, а за несколько часов. Я бы всю полицию поставил на уши, но нашел бы его. А теперь... пускай начальство решает, что с вами делать дальше.

Он развернулся и побрел прочь. Бриджес смотрел ему вслед и не чувствовал ровным счетом ничего. Он не боялся. Он уже знал, что ему нужно сделать.

Поздним вечером того же дня он случайно — не проявляя особого интереса к расследованию, но весь участок кипел и жужжал, словно пчелиный улей, так что не услышать что-либо было невозможно, — узнал, что камера видеонаблюдения на входе засекла человека, который спокойно прошел, продемонстрировав что-то охране на входе. Бриджес сидел в офисе, неспешно попивая остывающий кофе, и слышал переговоры нескольких офицеров.

— Наверное, они знали его, потому и пропустили...

— А может он украл пропуск у кого-то...

— Возможно, охранники были заодно с убийцей...

— А вообще я слышал, что сама парковка принадлежит Коэну. С чего бы им пускать убийцу, когда там находится их босс?

— Да с того, что их подкупил Родригес, дурья твоя башка.

— Но что же там делал детектив Фергюсон?

— Наверное, нарыл на него что-то. Должно быть, схватил за жабры.

Бриджес ушел, поняв, что его вот-вот стошнит. Он постоял перед кабинетом лейтенанта почти минуту, собираясь с духом, а потом наконец постучал.

— Войдите.

Лейтенант Солверсон сидел перед компьютером с самым хмурым видом. "Должно быть, изучает то самое видео." — подумал Бриджес. Но его это уже не интересовало.

— Чего вам, детектив?

Бриджес даже не стал закрывать дверь. Он положил на стол перед лейтенантом свои пистолет и значок, а также сложенную вдвое бумагу.

— Что еще за цирк, Бриджес?

— Это заявление. Увольняюсь по собственному желанию.

Голос Бриджеса не дрогнул на этих словах, и он испытал что-то вроде гордости.

Лейтенант оттолкнул от себя все эти вещи с таким видом, будто они были заразные.

— Не дурите, детектив. Я не могу подписать его. Во-первых, я еще не написал рапорт. Я не могу упоминать в нем в качестве полицейского человека, который на момент написания рапорта уже уволен. Во-вторых, расследование все еще на вас.

— Сэр, я повинен в смерти детектива Фергюсона. — тут уже Бриджеса стала бить

легкая дрожь. — А в своем расследовании я едва ли смогу продвинуться. Я, как говорится, выгорел.

— Я не могу подписать. — упрямо повторил Солверсон, глядя на него исподлобья. — Пока — не могу. Вам бы лучше отдохнуть, Райан.

Сталь ушла из голоса лейтенанта. Только сейчас Бриджес понял, что Солверсон вовсе не злится. Он просто устал — страшно, смертельно устал. Так же, как и сам Бриджес.

— Отдохнуть, сэр? — переспросил детектив, словно не вполне понимая, что это значит.

— Да, Райан. Отдохнуть. Набраться сил, коли они у вас еще остались. Посидите дома немного, а потом уже приходите... с заявлением или без. Договорились?

Набраться сил... Смешная шутка. У него не было сил, даже чтобы немного поспорить.

— Хорошо, сэр. — пробормотал Бриджес, забрал значок, оружие и заявление. Последнее он выкинул в мусорку — все равно потом придется переписывать даты.

Может, это ему казалось, но разговоры вокруг стихали, стоило ему оказаться поблизости, а когда он уходил, возобновлялись, уже пониженными голосами. Они все обвиняют его? Пока он распинался перед ними на этом глупом собрании — собрании, в конце которого все равно расписался в собственном бессилии — их коллегу убивал в упор неизвестный злодей. А может, сочувствуют? Многие и не знали о разногласиях, возникших между Бриджесом и Фергюсоном в последние дни, и потому могут думать, что он скорбит о напарнике, как о хорошем друге. И они правы... но для истинной скорби время еще не пришло. Наверное, он еще не до конца осознал, что произошло.

В одиннадцать часов вечера он покинул свой кабинет. Пистолет и значок он оставил у себя в ящике — в ближайшее время они ему не понадобятся.

Прошло три дня с момента убийства детектива Стивена Фергюсона и ставшего местной легендой босса мафии Джорджа Коэна.

Райан Бриджес болел. Он не мог точно знать, что именно его подкосило: чудовищные события последних дней или всего лишь погода, которая резко ухудшилась в конце июля. Совсем не летний ветер дул, кажется, сразу со всех направлений. Тяжелые капли барабанили по подоконнику круглые сутки, а если дождь и прекращался, свинцовые тучи никуда не исчезали — они висели, кажется, над самыми крышами, угрюмые и мрачные, как сама жизнь.

Хоть Бриджес и провел эти дни, почти не вставая с постели, отдыха не получилось, он даже поспать толком не мог. Боли в груди усилились, а вечерами и особенно ночью хриплый кашель заставлял его сгибаться пополам. Во время иных приступов Бриджесу казалось, что из его горла уже должна капать кровь. Похоже, он умудрился подхватить воспаление легких, но даже не думал вызывать врача.

Третий день этого так называемого отдыха стал самым плохим. Бриджес лежал, не в силах даже пошевелиться, его бил озноб, он удивлялся, что с потолка еще не свисают сосульки, а окна не покрылись инеем. При этом он ужасно потел, иногда засыпал ненадолго, носился по каким-то мрачным коридорам в своих лихорадочных снах, и просыпался неизменно на краю постели, обернутый перекошенным одеялом, с липкими от пота волосами и болью в груди, такой сильной, словно кто-то бил по ней молотком. "Я умираю." — думал Бриджес и эта мысль не казалась такой уж страшной.

В очередной раз из сумбурного сна его вырвал телефонный звонок. Бриджесу было жутко от одной мысли о том, чтобы встать с кровати и взять трубку, но потом он понял, что трезвонит мобильник, лежащий совсем рядом. Кажется, на то, чтобы протянуть руку и взять его, он потратил последние силы.

— Бриджес, слушаю. — произнес он и не узнал собственного голоса.

— Это Солверсон. — лейтенант говорил так тихо, что Бриджес едва слышал его. А может, его уже и слух подводит? — Похороны Стивена назначены на завтра. Мы там все будем. Приезжай тоже, если хочешь. Начало в одиннадцать.

Бриджес помолчал, думая, что на это ответить, но Солверсон уже положил трубку.

Он завернулся в одеяло, надеясь, что сможет согреться, но ничего не помогало. Этот холод был внутри, в самом сердце.

Бриджес сам не помнил, как одевался на следующее утро. Он встал с кровати и тут же чуть не упал — это он запомнил... а вот что было дальше? Как он смог одеться? Как натянул на себя рубаху и штаны, даже не перепутав их местами? Не говоря уже обо всем остальном... Но он словно очнулся, обнаружив, что сидит за рулем. Нет, не просто сидит, а едет... и даже как будто в правильном направлении. Домов вокруг становилось все меньше, деревья — больше, а над головой неизменно висели все те же серые тучи. Казалось, что несмотря на ветер, они даже не движутся с места, они закрыли небеса своей громадой навсегда, до скончания времен. И даже когда весь мир рухнет, эти тучи все так же будут висеть над исчезнувшей частью вселенной.

Большая часть коллег, друзей и немногочисленных родственников уже собрались. Бриджес остановился примерно там же, откуда недавно наблюдал за другой скорбной

церемонией. Он вышел из машины и направился туда, где на стульях, выстроенных в три ряда, уже сидели люди. Солверсон ничего не сказал, увидев Бриджеса, только едва заметно кивнул и отвернулся.

Священник начал свою речь, а Бриджес лишь сидел на стуле с самого краю, глядя на гроб, лежащий возле черной ямы, которая вот-вот станет последним пристанищем для полицейского детектива Стивена Фергюсона, и все глубже погружался во мрачные думы.

Потом началось прощание. Друзья и коллеги Фергюсона подходили к гробу, верхняя часть которого была открыта, говорили какие-то слова, клали рядом с ним цветы. Бриджес подошел одним из последних. Он не знал, что сказать, и потому лишь слегка дотронулся до плеча напарника, до другого, не того, куда попала пуля — и быстрым шагом побрел прочь.

— Райан.

Он обернулся. Солверсон медленно шел следом, на ходу он доставал сигареты.

— Вы вернетесь в строй, Райан?

— Пока не знаю, сэр.

— Я не стал упоминать вас в рапорте, если вас это волнует. Вы... вы не виноваты в том, что случилось.

Бриджеса эта новость не обрадовала и не опечалила. Он вновь ничего не ощутил и теперь его мучил страх: вдруг он утратил способность вообще что-либо чувствовать? Превратился в какую-то... амёбу под видом человека? Но с другой стороны, раз его это страшит, значит это не так, верно?

— Хорошо, сэр. Я подумаю.

Бриджес направился к машине. Боль в груди ослабла, он почти мог свободно дышать. Вновь накрапывал мелкий дождь, холодные капли текли за шиворот и детектив ускорил шаг.

Остальные автомобили почти все уже уехали. Чья-то машина пока еще стояла у ограды, возле самого выхода с кладбища, но водитель уже сел за руль. Фары зажглись и их красный свет отражался в огромной луже прямо позади автомобиля.

Бриджес остановился, будто налетел на невидимую стену. Нет, не просто остановился — замер, как вкопанный (хотя в этом месте такое выражение сошло бы за черный каламбур). Бриджес стоял, больше не обращая внимания на дождь, который становился все сильнее, и во все глаза смотрел на красное отражение задних фонарей, словно в жизни не видел ничего более интересного.

Мысли, что роились теперь у него голове, были хоть и обрывочны, но поразительно ясны.

Дождь...

В ту ночь тоже шел дождь. Он помнил, как ехал, сонный, а ползущие по стеклам капли, кажется, пытались его усыпить. Он помнил свет фонарей и фар автомобилей, отражавшийся в лужах.

Бриджес помотал головой. Нет, он должен вспомнить кое-что другое. Иные события, совсем недавние. Но зачем вспоминать, когда можно пережить их заново? Это очень просто, если они записаны на видео.

Нет, он больше не позволял себе наполниться обманчивым хмелем надежды. Но все же он чувствовал, еще более ясно, чем прежде, что ответ на все вопросы у него уже есть.

Бриджес сел в машину и завел мотор. Он решил, что приступить к своим обязанностям может прямо сейчас — лейтенант едва ли будет против. Только на полпути он заскочил в аптеку и купил несколько лекарств от простуды.

Бумага, на которой он делал свои краткие пометки, так и лежала рядом с компьютером. Бриджес вновь включил первое, самое первое видео. Это было бы диким, безумным издевательством, если бы оказалось, что все ответы были у них в руках почти с самого начала.

Таймер в углу показывал 02:30. Через несколько мгновений после того, как Сара Эллисон вышла из машины и расплатилась с таксистом, время сменилось на 02:31 — такси тронулось с места. Все так, как и записал Бриджес в первый раз.

Видео было черно-белым, но то, что дорога влажная, было прекрасно видно благодаря фонарю — из-за его света мокрый асфальт словно был усыпан мелкими белыми блестками.

Бриджес замедлил воспроизведение. Он наблюдал не за движением автомобиля, который вот-вот должен был исчезнуть из поля зрения камеры, но за теми участками асфальта, что оставались позади него. Из-за света фар белых бликов ненадолго становилось больше, вернее, они будто сливались друг с другом, образуя одно сплошное пятно света, которое тут же рассыпалось... но не до конца.

Он увеличил изображение. Лицо человека, например, при этом тут же стало бы размытым серым пятном, но белые отблески фонаря на асфальте были слишком просты, даже в увеличении они не становились более мутными. Он по-прежнему отчетливо видел их.

На пару секунд он включил нормальную скорость, но потом вновь сменил ее замедленной — наверное, за мгновение до того, как машина такси должна была пропасть. Вот они, пятна света, остающиеся позади задних фар машины — размером значительно уступают тем, что образуются от передних, более мощных огней, но все же различить их очень просто. Белые пятна следовали за машиной по пятам, вот-вот они должны исчезнуть. Бриджес даже задержал дыхание, не обращая внимания на ноющие болезненные отголоски в груди.

"Вот, сейчас. — думал он. — Сейчас эти блики исчезнут, погаснут, а вместе с ними погасну и я."

Они не исчезли.

Бриджес сидел, не веря — боясь поверить — в то, что видит. Едва-едва видные белые блики, довольно бледные, расположились в самом низу картинки, на грани видимости — но все же они там были, это не иллюзия, не фантазия его одурманенного болезнью и горем разума.

Автомобиль просто... стоял там с зажженными задними огнями.

Детектив был так шокирован, что даже не сразу засекал время. Когда он наконец посмотрел в угол, то обнаружил, что таймер показывает уже 02:37 — именно эти цифры Бриджес записал, когда смотрел второе видео. Камера, на которую люди Родригеса — возможно, в их числе был обезглавленный позже Эдриан Лопес — записывали свои наблюдения, начала съемку примерно в тот момент, когда такси остановилось практически у соседнего с Сарой дома. Если бы она засекала именно момент остановки машины там после того, как из нее вышла сама Сара, все было бы гораздо проще. Но был перерыв — вероятно, всего в несколько секунд — после которого можно было лишь догадываться о том, откуда там вообще появился автомобиль такси. Та ли эта машина или уже другая? При таких сомнениях тяжело делать однозначные выводы.

Но теперь эти сомнения развеяны. Всего две узенькие белые полосы света в самой нижней части экрана их развеяли.

"Мы ведь проматывали тогда. — вспомнил Бриджес. — Скотт приехал на своем "мерседесе", когда было без пяти минут три. Мы не видели смысла смотреть на одну и ту же картинку целых пятнадцать минут."

И уж конечно, они не обратили никакого внимания на эти крошечные светлые пятнышки.

Было уже 02:38 — Бриджес помнил, что после этого времени камера Родригеса отключилась, а вновь ожила лишь в 03:12. Однако камера Бобби Роула работала не урывками, она честно записывала все, что ей показывают. В 02:40 белые блики пропали.

Бриджес откинулся на спинку стула. Честно говоря, он не знал, что делать теперь, и потому смотрел уже совершенно "пустое" видео, ожидая неизвестно чего. Перематывать не стал.

"Он подождал немного, а потом выключил мотор и пошел к ней. Видимо, двигался вдоль самого забора, или даже через лужайку, чтобы не попасть в объектив. А что было после?"

Бриджес терпеливо ждал. Вот уже и без пяти три — черный "мерседес" остановился перед домом, открылась дверца и появился любовник Сары. Оглядевшись по сторонам, Скотт Радон направился к дому.

Детектив ощущал легкое возбуждение. Белые отблески так и не появились, а между тем в сторону дома уже подходил третий участник драмы — Ричард Кроу. Он шел, крадучись, а когда оказался в свете фонаря, Бриджес, как и прежде, увидел его руку, лежащую на рукоятке пистолета.

Интересно, если Кроу и правда был подослан Фредом Эллисоном для убийства Скотта, хватило бы ему потом ума заглянуть в магазинчик Бобби Роула и не очень вежливо попросить видео с камеры, которая его засекла? Или он попросту понятия не имел о ее существовании? Увы, этого уже точно никто никогда не узнает.

Ричард Кроу тоже исчез, а белые отсветы от фар так и не появлялись. Бриджес ждал.

В 03:11 — всего за минуту, за минуту мать ее, до того, как вновь включилась камера в наблюдательном пункте Родригеса — белые блики появились снова, такие же, такого же размера и яркости, в том же самом месте. Появились, чтобы тут же исчезнуть — такси наконец-то уехало.

Слова "ты попался, сукин сын" так и вертелись на языке у Бриджеса, но суеверный страх, что стоит их произнести и удача, едва-едва повернувшись, тут же вновь от него отвернется, оставил его губы сомкнутыми. Но зато он набрал номер офицера Уолтона — тот уже показал, что сочувствует его расследованию.

— Офицер Уолтон на связи.

— Это Бриджес, у меня для тебя задание. Ты не слишком занят?

— Нет, детектив, не очень. Патрулирую юго-восток.

— Возьми немного западнее и проверь все камеры, начиная от Семнадцатой улицы и примерно до улицы Гринвуд, ищи видеозаписи, сделанные ночью с 17 на 18 июля.

Повисло недолгое молчание. Бриджесу показалось, что офицер откажется — и детектив совсем не обиделся бы на него из-за этого — но потом Уолтон спросил лишь:

— Хорошо. А что мне искать на этих камерах?

Бриджес описал ему нужную машину, а номер ее сбросил в виде сообщения.

Поднявшуюся радость он контролировал и пока не спешил сообщать о своих пока еще довольно сомнительных находках лейтенанту Солверсону.

Вместо этого он вновь отправился в торговый центр, где с удовлетворением обнаружил, что охранники Бэнкси и Макмерфи отнеслись к его расследованию максимально серьезно и без лишних слов скопировали на диски записи с полусотни камер, общей длительностью более тридцати часов. Теперь он надолго обеспечен очень веселыми и захватывающими фильмами.

Это была первая половина дня 17 июля. Еще не подозревающая о своей печальной судьбе Сара Эллисон отправилась в кафе, где собиралась поговорить с братом...

Однако сейчас его интересовало не кафе. Ему нужно было просмотреть записи с самых разных камер, но охватывающие один и тот же промежуток времени. Пусть надежды мало, черт, да ее вообще почти нет, но все же, все же... Все же он помнил испуганный, затравленный взгляд Сары. Помнил, как она оглядывалась по сторонам, снимая деньги в банке. Это была всего лишь нервозность, обусловленная страхом, что Коэн раскроет их со Скоттом романтический план побега, или же она действительно ощущала на себе чей-то недружелюбный взор?

Бриджес просмотрел видео с первых пяти камер, где хотя бы мельком появлялась Сара. Теперь его интересовал не только сам момент ее появления на видео, но также то, что было до и после оно. Какой-нибудь человек, бесцельно шатающийся по магазину и внезапно ускоряющий шаг или наоборот останавливающийся, когда Сара оказывалась поблизости. Может, даже несколько людей, якобы переговаривающихся друг с другом и тут же замолкающих при виде девушки.

"Может, я даже увижу Сэма Картера, который наблюдал за мной."- подумал Бриджес. Но он надеялся, что не увидит, это было бы страшным разочарованием, учитывая, что Картер мертв.

Бриджес убил на просмотр уже пять часов, но так ничего примечательного и не обнаружил.

Шестая и седьмая камеры тоже оказались пустышками. Они с нескольких разных точек демонстрировали одно и то же место, небольшой холл перед кинотеатром. Сара прошла мимо него, но Бриджес в течение еще целого часа пялился в экран, глядя на редких прохожих и посетителей кинотеатра, среди которых было много детей — видимо, в то время показывали мультфильмы.

Бриджес уже засыпал, но все же включил восьмую запись. Эта камера была установлена прямо в отделе женской одежды. Бриджес увидел Сару, и не мельком — она рассматривала платья и юбки, но время от времени оглядывалась через плечо.

Бриджес стал изучать все вокруг. Среди пестрых висящих одеяний разглядеть других людей было непросто, но все же он заметил какого-то парня неподалеку от прилавка. Он ничего не купил, руки его были пусты, а продавщица не замечала его, увлеченная чтением журнала. Мужчина был одет в серую куртку, простые синие джинсы, а на голове у него была кепка. Стоял он, отвернувшись от камеры, но зато, как казалось Бриджесу, вполне мог наблюдать за действиями Сары.

Бриджес поставил на паузу и сделал скриншот — снимок экрана.

Он продолжил воспроизведение. Минуты через две, ничего не купив, Сара направилась к выходу, но Бриджес следил не за ней, а за парнем в серой куртке. Он оправдал его ожидания и почти сразу отправился следом.

Вновь детектива бросило в жар, он на пару мгновений даже забыл, что наблюдает всего лишь запись, а не прямую трансляцию с камеры. Бриджес наклонился вперед. Он сделал еще один скриншот. В этот раз фотография запечатлела Сару, уже почти стоящую в проходе, ведущем в общий коридор, и мистера Серая Куртка, который движется за ней.

Камере так и не удалось заснять его лицо — вполне возможно, он намеренно отворачивал его. Еще через пару секунд оба исчезли из ее поля зрения и Бриджес выключил видео, хотя там оставалось еще двадцать минут.

Бриджес пока еще не мог даже порадоваться, суеверный страх становился все сильнее. Неужели с ним теперь так и будет? Любую улику или намек на улику, любое возможное продвижение в расследовании, этом или каком-либо другом, он теперь так и будет считать чьим-то обманом, быть может, уловкой злосчастной судьбы, которой вновь стало угодно, чтобы он пошел по ложному следу?

"Но может быть... может быть, я и правда поймал его..."

Исходя из этой мысли, этой надежды, озвучить которую кому-нибудь или даже самому себе он пока не решался, Бриджес мог составить свой дальнейший план. Он примерно знал, в каком направлении теперь могла двигаться Сара и, главное, представлял, как выглядит ее будущий убийца.

Возможно. Если это действительно он, а не какой-нибудь случайный парень, по стечению обстоятельств покинувший отдел одежды, женской, между прочим, одновременно с Сарой.

Бриджес собирался включить камеру, которая расположена рядом с тем же самым отделом, но не внутри, а сверху, прямо под высоченным потолком. Он надеялся, что сможет оттуда разглядеть и опознать и Сару, и ее предполагаемого преследователя.

К счастью, с этим проблем не возникло. Он запомнил время, в которое Сара и Серая Куртка почти синхронно покинули отдел женской одежды, и перемотал на него следующую камеру. В ту самую секунду он действительно увидел появившуюся в главном коридоре Сару, а потом и мистера Серая Куртка. Бриджес был почти уверен, что мужчина развернется, отправится в другом направлении и даже не посмотрит в сторону Сары... но он пошел прямо за ней.

— Вот ты и... — начал Бриджес и осекся.

Серая Куртка обогнал Сару и пропал из поля зрения камеры.

— Так нечестно, приятель.

Он дождался, когда и Сара исчезнет в том же направлении, после чего переключился на следующую камеру, установленную над входом в детские залы, куда частенько мамы приводят своих чад в рабочие дни. Тут камера располагалась на куда более удобной высоте, если повезет, удастся даже разглядеть лицо Серой Куртки.

Бриджесу вновь пришлось перематывать видео — теперь он уже понимал, что ближайшие несколько часов его рука будет вечно висеть именно над кнопкой перемотки — пока перед камерой не возник мистер Серая Куртка. Вернее, он появился прямо под ней и Бриджес его едва видел, а о том, чтобы рассмотреть его лицо, не могло идти и речи, кепка надежно его скрывала.

"Что он там делает?" На прошлом видео он стремительно проскочил мимо Сары, явно не заинтересованный в дальнейшем за ней наблюдении, но теперь остановился. Он что, просто стоит и пялится на голую стену? Неужели не понимает, как странно это выглядит?

А потом Бриджес вспомнил — он проходил мимо этого места, когда возвращался из

торгового центра в предпоследний раз. Тогда он был слишком занят мыслями об убитом Сэме Картере и потому лишь скользнул по ней взглядом, но все таки заметил ее — застекленную, будто картина, доску, где были подробно расписаны часы и правила работы детских игровых комнат. Ее-то мистер Серая Куртка и изучает сейчас.

Вернее, делает вид, что изучает.

Сара прошла мимо него, а Серая Куртка тут же повернул голову в ее сторону и смотрел ей вслед... долго, чертовски долго. Так долго, что по коже Бриджеса побежали мурашки, словно он на себе ощущал этот взгляд.

"Коридор там расходится в стороны. — вспомнил Бриджес. — Он следит, куда именно она повернет. Он проводил ее глазами, чтобы не тащиться постоянно рядом. Боится, что спугнет ее."

Он был хитрым, умным зверем. А умный и хитрый зверь может долго сидеть в засаде, выжидая, когда добыча потеряет бдительность. И вот тогда он нанесет удар.

Прошло, кажется, не меньше минуты с того момента, как Сара исчезла из поля зрения камеры, когда Серая Куртка наконец-то двинулся дальше. Лицо его разглядеть по-прежнему не удавалось.

Теперь Бриджес не знал точно, какую камеру ему выбрать, потому что не знал, куда именно повернула Сара. Если теперь она направилась в кафе, то логично предположить, что она повернула направо, где находится эскалатор. Бриджес включил видео с камеры, которая тоже была расположена довольно высоко, под потолком, и обхватывала большую часть зала. Тут находились еще несколько магазинов, в том числе с одеждой, а в самом центре — эскалатор. Бриджес засекал время, когда Сара исчезла из поля зрения предыдущей камеры, и примерно на это же время перемотал новую видеозапись. Вот она! Он не ошибся: Сара быстрым шагом направлялась к эскалатору, встала на ступеньку и отправилась вверх. Бриджес ждал, глядя в самый угол экрана, и его ожидания оправдались — там появился мистер Серая Куртка. Вот только он не стал смотреть на эскалатор, он отвернулся и принялся изучать что-то, стоящее на самом входе в отдел мужской одежды.

"Но так он упустит ее."- с тревогой подумал Бриджес.

Сара уже была почти на самом верху, камера ее вот-вот потеряет, так же, как и Серая Куртка, если срочно не обернется.

Бриджес нажал на паузу и увеличил картинку. Потом еще и еще. Он рассматривал предмет, в который Серая Куртка вперился взглядом, и не верил своим глазам.

Это зеркало. Большое, почти в человеческий рост, зеркало. Оно стояло почти напротив эскалатора. Серой Куртке не нужно было пялиться на Сару — достаточно видеть ее отражение.

— Ах ты сукин сын... — выдохнул Бриджес.

Сара исчезла наверху, а через секунду и Серая Куртка, отвернувшись от зеркала, поспешил к эскалатору. Он не стал спокойно стоять на ступеньке, а поднимался вверх, чтобы сэкономить время. Чтобы не упустить Сару. Наконец он тоже исчез и Бриджес выключил видео.

Он посмотрел на свои руки и не очень удивился, обнаружив, что они дрожат. Лоб опять покрылся потом, голова начинала болеть, но он был уверен, что теперь это уже не признаки возвращающейся болезни. Это все вызвано нервным возбуждением.

"Неужели у меня получилось? Неужели я его нашел?"

Бриджес глянул на часы и обнаружил, что уже полночь. Ужасно не хотелось бросать

дело незаконченным, но впереди у него еще много часов видео, и все это нужно просмотреть очень внимательно, словно какой-нибудь психологический триллер с "двойным дном".

С сожалением выключив компьютер, Бриджес оделся и вышел в ночь. Дождь кончился, фонари блестели в лужах, в чьем-то дворе лаяла собака, а на сердце у детектива было тяжело.

Мобильный телефон ожил в кармане. Офицер Уолтон.

— Бриджес, слушаю.

— Я вас не разбудил?

— Нет, сам только закончил. Нашел что-нибудь?

— Так точно. Машину, соответствующую вашему описанию, зафиксировали две камеры, одна на заправке, а вторая возле перекрестка на Гринвуд.

— Это точно она? — сердце Бриджес сделало сальто. — Ты уверен?

— Да-да, такси "Форд Краун Виктория", с тем номером, что вы мне написали.

Первым желанием Бриджеса было сказать "Очень хорошо, я жду тебя возле участка", но это было уже слишком. Пусть и с большой неохотой, он произнес:

— Оставь диски в моем кабинете, я оставлю дверь открытой. Просмотрю уже завтра. Ты молодец, Уолтон.

— Понял, будет сделано.

Бриджес вернулся, лишь чтобы отпереть кабинет. С тоской вновь глянул на черный экран компьютера и ушел, пока безрассудное желание просидеть тут до самого утра не взяло верх над здравым смыслом.

Спал он плохо, снилась кровь и мертвецы, лиц которых он разглядеть не мог, к тому же, вернулась боль в груди, пусть и не такая сильная, как прежде. Бриджес лежал, раскинув руки, глядя в потолок, ощущая, как сердце трепыхается, будто птица в клетке, и боялся сделать глубокий вдох. Так толком и не выспавшись, он встал в шесть утра и больше не ложился.

После недавней непогоды на город опустился густой туман. К счастью, в ранний час машин было еще не так много, но Бриджес все равно ехал с черепашьей скоростью, опасаясь, что не заметит в нужный момент размытых белых фонарей впереди. Туман, кажется, можно было черпать ложкой. Подъехав к зданию полицейского участка, Бриджес обнаружил, что флаг на его крыше исчез. На самом деле, конечно, не исчез — просто туман поглотил его, надежно спрятав от глаз. Стояла тишина, она давила на уши. Редкие звуки искажались в этом сером мареве — машина, которая проехала прямо за спиной, судя по шелесту шин, оказалась где-то далеко-далеко. А чей-то гудок раздался, кажется, прямо над ухом.

Борясь с неприятным чувством, что все это сон, Бриджес поднялся на крыльцо и вошел внутрь.

В его кабинете было довольно темно и пришлось включить свет. На столе рядом с компьютером лежали две коробки с дисками, подписанные просто: "заправка" и "перекресток".

Бриджес сел и с минуту пялился в черный экран, пытаясь собраться с мыслями. Наконец он включил компьютер и достал диск с надписью "заправка".

Бриджес запустил видео и тут же увидел знакомый автомобиль — гораздо более четко, чем на прежних видео, и под совершенно другим углом, не спереди и не сзади, а сбоку, что позволяло рассмотреть машину получше. Такси остановилось и оттуда вышел мужчина в кепке. Бриджес готов был съесть весь свой старый поношенный плащ, если это не та же самая кепка, которую носил мистер Серая Куртка, преследующий Сару в торговом центре. Детектив глянул на время в углу: 03:15. Всего четыре минуты прошло с того момента, как такси отъехало от дома, соседнего тому, где были совершены убийства.

К сожалению, видео, хоть и достаточно четкое, было черно-белым, а потому понять, какого цвета куртка надета на таксисте, невозможно. Она могла быть серой... а могла быть белой, или желтой.

Таксист вставил заправочный пистолет и стал ждать. Бриджес тоже ждал. Наконец, когда мужчина сел за руль, свет фонарей над заправкой осветил его гораздо лучше и детектив заметил такое, от чего у него перехватило дыхание.

На руках у мужчины были перчатки. И не обычные кожаные или меховые, а белые медицинские. Бриджес не заметил крови на них, но оно и понятно: он вполне мог хоть немного вымыть их, прежде чем сесть в свою машину, дабы не запачкать ее кровью.

Бриджес вспомнил находку Кингсли. Что ж, теперь, по крайней мере, можно не сомневаться: он прав, это действительно подделка.

Таксист сел за руль и вновь на мгновение белые перчатки оказались в поле зрения камеры. Он не спешил трогаться с места, руки исчезли, а когда они вновь легли на руль, перчаток на них уже не было.

"Так торопился, что не успел снять их раньше." - понял Бриджес.

Такси выехало с территории заправки и пропало из поля зрения. На этом видео закончилось.

Ощущая радостное возбуждение, но пока еще стараясь держать это чувство под контролем, Бриджес включил второе видео — "перекресток". Первым делом он посмотрел на время в правом верхнем углу: 03:13. Да, видео нужно было смотреть в другом порядке, но Бриджес решил, что информация, полученная камерой на заправке, окажется более ценной, и не ошибся. На втором видео, длившемся всего тридцать секунд, в левой части экрана появился знакомый автомобиль. О том, чтобы рассмотреть водителя, не могло идти и речи, но это и не нужно — номерной знак виден четко. Такси послушно стояло перед красным сигналом светофора, а когда зажегся зеленый, пересекло весь экран и пропало из поля зрения камеры наблюдения.

На всякий случай Бриджес открыл в интернете карту родного города и убедился: улица Гудвуд, где проехало сейчас такси, пересекала Ирланд-стрит, ту улицу, где находился дом Сары. Все сошлось, как надо.

Бриджес откинулся на спинку стула, все еще не в силах поверить в то, что увидел. Такой большой круг подозреваемых... столько крови, столько ненужных смертей... и все это для того лишь, чтобы Бриджес объявил в розыск таксиста, который привез Сару домой.

И тут он начал смеяться. Вначале тихо, словно стыдясь своего смеха, но он был не в силах остановиться и засмеялся громче. Смех превратился в хохот, в груди вновь заныло, но он не обращал внимания, хохотал так, что на глазах выступили слезы, а в горле запершило. Он даже не сразу заметил, что больше не один в кабинете. Лейтенант Солверсон стоял в дверях и с недоумением смотрел на подчиненного.

— Вы сегодня рановато, Райан. Над чем это вы смеетесь?

Бриджес посмотрел на начальника, уже хотел ответить, но лишь хрюкнул и расхохотался громче прежнего. А хмурый вид лейтенанта веселил его еще больше.

— В чем дело, черт побери?

— Я... Я просто... — каждое слово давалось с трудом, воздуха в легких не хватало. — Просто задумался о... тщетности бытия, сэр...

— И что, это смешно?

— Да... да, сэр, весьма.

Солверсон ушел, ни о чем более не спросив. "Он решил, что у меня крыша поехала." — подумал Бриджес и вновь захохотал.

Расплачивался он за этот приступ довольно долго. Боль в груди вновь напомнила о себе и Бриджес слышал хрипы при каждом вдохе. До самого вечера он изучал видео, время от времени включал те, что уже просмотрел вчера, чтобы убедиться, что ничего не упустил. Лейтенант больше не заходил к нему. Бриджес подумал, что если напишет заявление об увольнении по собственному желанию повторно, начальник подпишет его уже без разговоров. Детектив хихикнул, но сумасшедший хохот его больше не разбирал.

Бриджес помнил, на чем остановился вчера. Сара Эллисон поднялась на эскалаторе, а наблюдавший за ней в зеркало мистер Серая Куртка вскоре отправился следом. Теперь Бриджес нашел запись с камеры прямо над эскалатором, а не у его подножия. На ней он увидел Сару, поворачивающую вправо — как раз в сторону кафе. Похоже, она вышла на своего рода финишную прямую и Бриджес вот-вот вернется к тому, с чего начал. Примерно минуту спустя камера зафиксировала парня в серой куртке и кепке, закрывающей лицо. Создавалось впечатление, что он наизусть знает, где расположена каждая камера — очень

уж удачно он от них отворачивался.

Серая Куртка двинулся в том же направлении, что и Сара Эллисон, исчез из поля зрения и Бриджес выключил видео.

Он посидел, глядя прямо перед собой, словно загипнотизированный. Бриджес знал, какую серию этого сериала ему нужно включить дальше, и боялся. Боялся, что ошибся, что все оказалось зря, что следование этого человека за Сарой было всего лишь совпадением. И в последний момент он пройдет мимо, не обратив на девушку ни малейшего внимания.

Глубоко вздохнув, словно перед погружением, и сморщившись от боли, Бриджес включил самое первое видео, которое ему предоставили охранники Бэнкси и Макмерфи.

Он уже видел все это, но теперь все было иначе. Это было все равно что заново пересматривать фильм с неожиданным финалом, который переворачивает с ног на голову все то, что ты видел ранее. Теперь ты обращаешь внимание на то, чего не замечал прежде, понимаешь то, что казалось бессмыслицей. Отныне Бриджес наблюдал не за Сарой, не за Фредом, а за человеком, сидящим дальше всех, на пределе видимости камеры. Возможно, человек надеялся, что камера его и вовсе не увидит, но ошибся.

Человек в серой куртке сидел спиной к камере, но он снял кепку и Бриджес теперь видел его волосы. Он видел его волосы и ему казалось, что ничего более важного он в жизни не наблюдал.

Да, Бриджес уже видел эти светлые вьющиеся волосы. И серую куртку он тоже видел. Не так уж и давно — но кажется, в другой жизни.

"Вы, наверное, насчет той девушки? — вновь раздался в его ушах голос таксиста. — Ее убили, да?"

Человек в серой куртке — как теперь знал Бриджес, его звали Лиам Соренс — заказал что-то, но что именно, разглядеть было невозможно. Возле правой руки его лежала ложка, но ею он не пользовался и она оставалась чистой.

— Ну давай же, повернись. — прошипел Бриджес. — Повернись, сукин ты сын.

Ему хотелось оказаться там и сделать с этим мерзавцем то же, что едва не сделал Фред с собственной сестрой. К слову, Фред наконец появился и краем глаза Бриджес вновь наблюдал за тем, как он разговаривает с Сарой, а вскоре начинает активно жестикулировать.

Лиам Соренс поднимает ложку и держит ее прямо перед собой. Бриджес смотрит на это, как замороженный.

"Он вновь смотрит на нее через отражение!" Лиам держал ложку выпуклой стороной к себе — хлебать ею суп в таком положении было бы тяжеловато. Но он и не собирался использовать ее по назначению, все так же вертикально держал, чуть-чуть наклонив голову в ее сторону.

"Вот, сейчас начнется." — подумал Бриджес за миг до того, как не совладавший с нервами Фред Эллисон перепрыгнул через стол и принялся душить родную сестру.

Но Бриджес смотрел не на него. Он наблюдал за мистером Серая Куртка, более известным как Лиам Соренс, а у того наконец-то лопнуло терпение. Есть вещи, которые нельзя контролировать. Если ты чувствуешь, что у тебя за спиной творится хаос, ты в любом случае обернешься.

И Лиам обернулся.

Бриджес поставил на паузу и почти прижался носом к экрану. Да, последние сомнения отпали. Это был именно он. Лиам Соренс, таксист, который подвез Сару той ночью.

Он следил за ней.

Он не случайно оказался возле ресторана.

Он отвез ее домой, а потом пробрался внутрь и убил. И, вероятно, не только ее.

Час спустя детектив Бриджес, лейтенант Солверсон, офицер Уолтон, которого лейтенант теперь дал детективу в качестве временного напарника, и сержант Берд собрались все в той же затемненной комнате, предназначенной для просмотра видеоматериалов.

Бриджес сидел с краю, лишь время от времени кончиком карандаша указывал на те или иные детали. Вначале он продемонстрировал самые важные эпизоды с камер в торговом центре, в том числе вновь показал видео, запечатлевшее не слишком дружелюбную беседу брата и сестры. Сержант Берд явно смотрел не туда, куда настойчиво указывал Бриджес — его слишком впечатлило нападение Фреда.

— Вот мерзавец! — задохнулся он от возмущения. — И вы его отпустили?

— Смотрите. — Бриджес указал карандашом в угол экрана. — Сейчас он повернет голову.

И он повернул, и Бриджес в тот же момент нажал на паузу, чтобы коллеги могли все как следует рассмотреть.

— Вы уверены, что это он, Райан? — спросил лейтенант.

— Абсолютно. Тот самый таксист, Лиам Соренс. Сейчас покажу еще кое-что.

Сеанс немного кино продолжился. Теперь Бриджес демонстрировал видеозаписи, добытые офицером Уолтоном. Последнего он слегка похлопал по плечу.

— Отличная работа, офицер.

Бриджес указал на перчатки, которые в свете фонарей на заправке можно было разглядеть невооруженным взглядом.

— А затем он их снял. Уж не знаю, куда он их потом дел, но наверняка не выкинул в помойное ведро прямо у себя дома.

Наконец он показал видео с перекрестка и отодвинулся от стола, готовый выслушать мнение коллег.

Лейтенант Солверсон выглядел странно потерянным.

— Это... Это и правда серьезно, Райан. То, что вы нашли.

— Еще как серьезно!

— Но хорошо бы... Хорошо бы иметь что-то еще. Что-то такое, что можно было бы подержать в руках. Что-то, на чем могли бы остаться отпечатки пальцев подозреваемого.

Сердце Бриджеса упало. У него не было ничего, о чем говорил лейтенант.

— Но сэр... разве этих материалов мало? Он следил за ней, его машина простояла с включенными фарами десять минут почти возле ее дома, хотя должна была уехать, а потом... — Бриджесу вновь не хватало воздуха. — а потом он пошел в дом и... он сделал... Черт побери, ну вы же сами все видели!

— Да, я видел. — печально кивнул лейтенант. — Но пока еще рано... Нужно что-то еще. Эти материалы... Они не "убойные". Мы можем допросить его, но он будет либо все отрицать, либо попросту придумает какую-то правдоподобную историю. Мы также можем устроить обыск в его доме. Но нам будет гораздо проще, если мы будем знать, что искать. Извини, Райан.

Следующая неделя прошла, как сон, вот только детектив Бриджес почти не спал.

Вновь на него накатывали приступы апатии. Бывало, он в течение нескольких часов сидел, глядя прямо перед собой, словно погруженный в транс. Хорошо бы, если бы он при этом думал о чем-то, но мыслительный процесс останавливался, в мозгу будто что-то отключалось. Боль в груди ушла, ушло вообще все. Бриджес был одинок и пуст, он ощущал себя иссушенным ветром и зноем перекасти-поле, вот только он уже никуда не катится, он зацепился своими сухими стеблями за какую-то преграду и никак не может двинуться дальше, не может исполнить свое предназначение. А есть ли оно у него? Может, это просто самообман? Все мы думаем, что чего-то стоим в этой жизни. У нас есть цель, есть какая-то роль, которую мы должны сыграть, прежде чем навсегда вернуться в тьму, откуда пришли. Но ему все больше казалось, что это ложь. Цели нет, и нет роли. Нет масок и нет конечных пунктов. Есть лишь пустынная дорога, которая в один прекрасный момент кончается обрывом.

Когда эти странные приступы, каждый день все более длительные, отступали, Бриджес вновь занимался опостылевшей работой. Голова начинала болеть, а перед глазами плавали какие-то размытые пятна. К концу дня он ощущал себя уже не человеком — невесомой тенью. Тень шла домой, тень возвращалась на работу. Снова и снова, раз за разом, пока луч солнца не растворит ее.

Он пересмотрел все видео, наверное, раз сто. Он еще раз пообщался с охранниками в торговом центре. Вновь обшарил место преступления, вновь переговорил с некоторыми свидетелями, почти со всеми... кроме таксиста.

Если лейтенант прав, если найденных материалов мало для составления полноценного обвинения, подозреваемого лучше не трогать, чтобы не спугнуть раньше времени. Оставалось лишь копаться в том, что уже давно просмотрено, прощупано и обнюхано.

Экран компьютера стал его повелителем и господином. Опять и опять он погружался в беззвучные страсти, которые с каждым разом становились все менее осмысленными, как слово, повторенное сотню раз. Он распределил видеозаписи по тематике и начинал их просматривать по очереди, а потом в обратном порядке, а потом вперемешку и опять по очереди. В голове его стучала лишь одна фраза, одна-единственная, которая может быть как подсказкой, так и очередной пустышкой.

"Она оставила кое-что в моей машине! — говорит Лиам Соренс и странно улыбается. — Аромат духов. Довольно дорогих, как мне кажется, хотя я могу и ошибаться."

Какими бы духами ни побрызгалась Сара, к тому времени как ее нашли, мертвую, в ванной, от их запаха не осталось и следа. Но едва ли речь именно о духах. Нет, духи тут не важны. Эта фраза прозвучала странно и неуместно после вполне обычной беседы полицейских и свидетеля. Это как колючая роза, выросшая посреди поля ромашек. Он будто играл с ними... Может, он надеялся даже, что Бриджес обратит на эту фразу особенное внимание? Но как ни странно, именно Фергюсону не понравился мистер Соренс.

"Странный тип."- сказал он, немало удивив Бриджеса, которому таксист показался вполне обычным, дружелюбным человеком.

"Она оставила кое-что в моей машине!"

Фраза-ключ, фраза-приглашение... или просто не очень смешная шутка?

Наверное, уже в сотый раз Бриджес включил видеозапись, сделанную в кафе торгового центра. Он смотрел уже почти слипающимися глазами, пытаясь игнорировать тупую, ноющую боль в затылке. Медленно и лениво Бриджес перевел взгляд с несчастной Сары на мужчину в серой куртке, потом опять на Сару, потом опять на...

Бриджес замер, глаза его широко распахнулись. Дрожь прошла по всему телу, его будто ударило током. Сонливость как рукой сняло и даже головная боль слегка утихла.

— Нет... — выдохнул полицейский. — Не может быть...

Он особо не приглядывался к самой Саре на этом видео. Вначале он следил за каждым движением ее брата, потом стал наблюдать за человеком в серой куртке... но ведь Сара сидела в очень удобном месте, камера прекрасно видела ее. И только сейчас Бриджес увидел то, чего в упор не замечал прежде.

— Не может быть. — повторил он и увеличил изображение. Кому-нибудь, кто вошел бы сейчас в его кабинет, могло показаться, что он пытается получше рассмотреть ее грудь, но это было не так.

Нет, это не галлюцинация, и не какой-нибудь странный глюк. Бриджес выключил видео и уже знал, какое нужно включить дальше. То, которое он смотрел от силы два-три раза. Видео с банкомата.

Вновь Сара появляется в поле зрения камеры, установленной в банкомате. Вновь он видит ее красивое платье, браслеты на руках и...

"Как я раньше не увидел? Кто надел на меня шоры?"

Ведь тут не нужно было даже увеличивать картинку. А все просто: он следил за движениями Сары, за ее глазами, мимикой, за любым, самым незначительным на первый взгляд жестом. И вновь он смотрел не туда, куда надо. Точно так же, как сержант Берд пялился на Фреда, что душит свою сестру, вместо того, чтобы взглянуть на мужчину в серой куртке, который наконец-то соизволил обернуться.

"Ну хорошо. А почему ты так смотрел на нее? — Бриджес смотрит на Фреда Эллисона, лицо которого пошло красными пятнами. Они оба стоят в коридоре морга. — Особенно на ее шею. Думаешь, я не заметил? Ты так смотрел на ее горло, так внимательно. Что ты ожидал там увидеть, а?"

Бриджеса передернуло. Он будто вновь увидел перед собой перепуганного, дрожащего, шокированного Фреда Эллисона.

"Ничего. Я просто так..."

"Просто так? Ну давай же, колись. Что такого необычного на ее шее?"

И Фред ответил... Он ответил, но Бриджесу его ответ показался глупым, надуманным, невразумительным.

"Цепочка. — сказал Фред. — У нее должна быть цепочка. Такая тонкая, серебряная, с полумесяцем. Я подарил ее, давно, еще в детстве. Я удивился, что ее нет."

Бриджес видел, как Сара Эллисон нажимает кнопки на банкомате, но смотрел он теперь на ее шею. И на тоненькую, слабо поблескивающую, узенькую цепочку с полумесяцем. Фред Эллисон не солгал...

Следующие два часа он потратил, досконально изучая все улики, найденные в доме, где было совершено убийство. Список оказался внушительным, благо криминалисты вынесли оттуда очень многое — по иронии судьбы, не тронув фигурку в виде кошки, видимо решили, что уж она ни о чем им рассказать не сможет.

Бриджес листал папку с фотографиями, где были запечатлены различные предметы. Он

рассматривал их, читал краткие описания к ним. Но того, что он искал, там не было. Среди улик не оказалось никакой цепочки и никаких иных украшений, кроме сережек в ушах погибшей — их позже сняли в морге.

Нет цепочки с полумесяцем. И в сумке, которую Сара спрятала в ячейку хранения, ее тоже нет.

Не могла ли она порваться и потеряться, когда Фред чуть не придушил Сару? Могла... но если это действительно был подарок детства — того времени, когда брат и сестра еще были малы и невинны — Сара обязательно вернулась бы и отыскала ее.

"Она оставила кое-что в моей машине!" — говорит Лиам Соренс и странно улыбается. — Ты забрал ее. — прошептал Бриджес и захлопнул папку. — Ты ее взял, как трофей.

Минуту спустя он уже звонил офицеру Уолтону. Им предстояло немного прогуляться. Благо, впервые за очень долгое время выглянуло солнце. Лето возвращалось.

Директор таксопарка сказал, что у мистера Соренса выходной. Мистер Соренс, сказал он, очень хороший и ответственный работник, и он заслужил отдохнуть в полной мере, не прерываясь на ненужные и неприятные разговоры. Мистер Соренс, заявил он, едва ли сможет сказать вам что-то новое. Но у детектива Бриджеса и офицера Уолтона было свое мнение насчет того, что им может сказать мистер Соренс.

Дом Лиамы Соренса ничем не выделялся среди прочих. На первый взгляд и его хозяин ничем не выделялся. Бриджес, как и любой более-менее компетентный полицейский, уже знал, каким обманчивым бывает первое впечатление.

— Почему мы не стали вызывать полноценную группу захвата? — спросил офицер Уолтон, сидевший рядом с ним. Ему не было страшно, Бриджес видел это, только любопытно.

— Потому что я хочу сам защелкнуть наручники. Хочу увидеть его глаза в тот момент, когда он поймет, что все кончено.

— А если он успел избавиться от той штуки, о которой вы говорили? Ведь тогда у нас не будет ничего, кроме видео, а он будет все отрицать.

— Тогда я приставлю дуло к башке этого ублюдка и нажму на курок.

Уолтон рассмеялся, восприняв это как шутку. А Бриджес и сам не знал, шутка это или нет. Произнес он ее без тени улыбки.

Бриджес остановился напротив дома подозреваемого, но не спешил покидать машину.

— Ты подождешь здесь. — сказал он офицеру.

— Что? — тот округлил глаза. — Но почему?

— Потому что мне понадобится твоя помощь, если этот гад попытается сбежать. Пусть он думает, что я пришел один. Если услышишь мой крик — не важно, что именно я буду кричать — несись туда так, будто за тобой гонится весь ад во главе с Князем Тьмы. Понял?

Офицер Уолтон угрюмо кивнул.

— Ладно. Я все сделаю.

Бриджес вышел из машины, пересек узенькую улочку, поднялся по невысоким ступенькам крыльца и нажал кнопку звонка.

Примерно полминуты спустя дверь открыла светловолосая женщина в домашнем халате. Возле ее ног крутилась девочка лет восьми.

"У него есть жена и дочь." — понял Бриджес. Сейчас его это несколько не волновало. Убийца частенько живет как бы двумя жизнями. В одной он — добропорядочный семьянин, хороший муж и любящий отец. В другой — чудовище в человеческом обличье.

Бриджес так долго смотрел на девочку, симпатичную девочку с вьющимися, как у отца волосами, что как будто выпал из реальности. Ему казалось, что это сон. Он не видит всего этого на самом деле.

— Сэр? Кто вы?

Женщина глядела на него с подозрением. Выйдя из оцепенения, Бриджес продемонстрировал удостоверение.

— Я детектив Райан Бриджес. Мне бы хотелось переговорить с вашим мужем. Он ведь сейчас дома?

— Да. — женщина нахмурилась. — А в чем дело?

— Ерунда, просто небольшая проверка. Мы с мистером Соренсом уже беседовали когда-то, но я не задал ему один вопрос.

Бриджес улыбался и старался выглядеть как можно более дружелюбно.

— Ну ладно. — женщина слегка отодвинула девочку, на которой детектив вновь сосредоточил свое внимание, и крикнула куда-то в глубину дома: — Лиам! Дорогой, к тебе пришли.

"Он поймет. — подумал Бриджес. — Он обладает каким-то чутьем, как любой зверь. Он сбежит через какую-нибудь заднюю дверь или..."

Но мистер Соренс уже появился перед ним. Он улыбался, его слегка небритое лицо просто не могло вызывать подозрений. Бриджес удержался от того, чтобы положить ладонь на рукоять пистолета.

Соренс поцеловал в лоб свою дочь, та захихикала, а Бриджеса слегка передернуло.

— В чем дело? — спросил он, увидев детектива в дверях.

— Полицейский. — ответила его жена. — Говорит, у него к тебе какой-то вопрос. — и, пожав плечами, она скрылась где-то в глубине дома, уведя дочку за собой.

Соренс, если и волновался, ничем это не выказывал. Он даже отступил в сторону, пропуская Бриджеса, как самый радушный хозяин.

Детектив сел на софу в гостиной и огляделся. Вполне обычный, нормальный дом. Ни пятен крови на стенах, ни абажуров из человеческой кожи, ни черепов вместо бокалов. Лиам Соренс сел напротив, всем своим видом выражая вежливое недоумение.

— У вас вопросы, детектив? Кажется, я уже на все ответил.

— На самом деле, всего один, как я и сказал вашей жене. — улыбка не сходила с уст Бриджеса. Он ощущал, как кровь шумит в ушах, чувствовал, как гулко стучит сердце. Волновался ли так он когда-нибудь прежде, даже при поимке опасного, вооруженного преступника? Он не мог вспомнить.

— Ну что ж, хорошо. — Соренс, одетый сейчас в голубую рубашку и легкие светлые штаны откинулся на спинку кресла. — Я слушаю. Хотя не уверен, что способен сообщить что-то новое.

— У вас милая дочь. — сказал Бриджес, кивком указав куда-то вверх. Кажется, жена Соренса увела ее наверх, пока папа беседует с незнакомым дядей. — Очень даже.

— Да, я знаю. Но какое...

— А вот и мой вопрос. Ваша дочь знает, каким путем к ней попало это симпатичное украшение, висящее на ее шее? Она знает, кто носил его прежде? Вы рассказали ей, что вы сделали с той женщиной? Рассказали, как топили ее, давили, не давая вдохнуть? Как она сопротивлялась — до самого конца! — как последние капли воздуха выходили из ее легких, пузырьками, которых становилось все меньше и меньше? Как остекленел ее взгляд, как ослабли руки, как обмякло тело?

Лицо Лиамы Соренса превратилось в маску. Бриджес перевел взгляд на его руки — он сжимал что-то в руках. Нет, не оружие, всего лишь пустой стеклянный стакан. Откуда он у него? Наверное, принес с собой из комнаты, где находился до того, как его позвала жена. А может взял с низенького столика, который разделял их сейчас.

Стакан летел в него. Бриджес не мог успеть увернуться — атака была слишком неожиданная. Резкая боль пронзила его голову — стакан врезался ему в лоб и задел переносицу, после чего разбился. Один осколок царапнул его всего в миллиметре от глаза, другой разрезал щеку, еще несколько оставили глубокие царапины на лбу. Эти порезы

Бриджес едва ли ощутил — он лишь почувствовал теплую кровь, выступившую на лице. При ударе будто огромный фейерверк взорвался у него в голове.

— Охх... — застонал Бриджес, инстинктивно схватившись за голову. Он качнулся в сторону, яркие звезды перед глазами все не гасли и Бриджес понял, что теряет сознание. Огромным усилием воли он удержал себя, оттолкнулся от подлокотника и шарил рукой, пытаясь нащупать перед собой своего противника. Кровь заливала глаза и он почти ничего не видел.

Бриджес встал и сделал несколько шагов вперед. Он налетел на что-то и повалился, а вытянутой рукой ухватил что-то прямо перед собой, какой-то предмет одежды. Сквозь кровавую пелену детектив все таки увидел Соренса — он умудрился при падении ухватиться за его штанину и тот теперь тоже растянулся на полу.

— Отпусти меня! — прошипел убийца и ударил Бриджеса другой ногой в лицо. Вновь боль пронзила всю голову, но хватка полицейского не ослабла, более того, он теперь держался не за штанину Соренса, а нащупал ногу и теперь медленно подтаскивал его к себе, отчаянно сопротивляющегося, и кое-как уворачивался от новых ударов.

Бриджесу нужно было дотянуться до пистолета, но обеими руками он держал преступника. Тот пытался ползти вперед, и ему это удавалось, хотя Бриджес по прежнему висел на нем.

Детектив помотал головой, пытаясь смахнуть кровь с ресниц. Соренс вновь ударил его другой ногой, но в этот раз попал лишь в плечо. Бриджес чувствовал, что он вырывается... мерзавец вот-вот освободится от его хватки.

— Уолтон! — хотел закричать он во всю мощь легких, но лишь захрипел. Грудь вновь обожгло огнем.

Соренс опять ударил его по голове.

— Отпусти меня! — с яростью повторил он.

Кажется, уже все тело Бриджеса стонало от боли, но его руки будто застыли, держа Соренса за щиколотку. Тот тщетно пытался подняться хотя бы на колени, но не мог этого сделать, пока полицейский висел на нем.

Вдруг возник новый источник боли — Соренс нашел один из многочисленных осколков разлетевшегося во все стороны стакана и теперь воткнул его в ладонь Бриджеса.

Детектив не закричал, лишь издал сдавленный стон и наконец отпустил Соренса. Тот вскочил на ноги и ударил его в живот, вышибив дух, а затем рванул к выходу.

Бриджес попытался достать пистолет, но вновь чуть не отключился от боли — раненая рука уже ни на что не годилась. Он неловко сунул за пояс левую руку, нащупал пистолет, но никак не мог достать его.

Собрав последние силы, Бриджес закричал:

— УОЛТОН!!!

Дверь хлопнула где-то впереди — детектив не мог понять, где именно, пульсирующая боль туманила разум. Он наконец достал пистолет, но слишком поздно: Соренс сбежал, он скрылся, он исчез, и теперь его уже никто никогда не найдет.

На улице прогремел выстрел.

Это словно отрезвило Бриджеса. Он поднялся на ноги и, пошатываясь, двинулся вперед. Кровь по-прежнему заливала глаза, кровь лилась из его руки, оставляя алый след на мягком белом коврик. Этот путь показался самым долгим в его жизни. Вот она, дверь. Бриджес по привычке ухватился за ручку правой, раненой ладонью, и вновь будто ток пробежал по всему

телу. Он застонал, а откуда-то сверху уже слышались голоса и быстрый топот ног. Похоже, жена и дочь Соренса только сейчас поняли, что происходит что-то странное.

"Он даже не кричал. — мелькнула мысль в затуманенном болью сознании Бриджеса. — Он лишь шипел, как змея, пока я держал его. Не хотел, чтобы они услышали."

Наконец здоровой рукой он распахнул дверь и вышел на улицу. Яркий свет ударил в лицо и вызвал болезненные пульсации в голове. Едва шевеля ногами, Бриджес спустился с крыльца.

— Уолтон... — пробормотал он. — Он... сбежал... срочно, всем постам... нужно его... в розыск...

— Нет, сэр. — послышался совсем рядом голос офицера.

Бриджес споткнулся обо что-то и вновь едва не упал. Кое-как он вытер глаза и посмотрел вниз.

Лиам Соренс лежал на спине, раскинув руки и ноги, в позе морской звезды. На животе его стремительно распускался кровавый цветок.

Мир вдруг перевернулся и все погрузилось во тьму. Детектив Райан Бриджес лишился чувств.

— Жив..?

Кажется, это было первое настоящее слово, которое он произнес за очень долгое время. И не просто слово — самый настоящий вопрос. Бриджес смутно помнил, что пытался говорить и раньше, пока его везли на какой-то машине с мигалками — не на полицейской, это он точно знал, пока катили по коридору, освещенному длинными, излишне яркими лампами, пока переносили куда-то, будто мертвеца или тряпичную куклу. Но все это были лишь нечленораздельные звуки.

— Да, Райан. Ты жив.

Этот голос ему знаком. Бриджес открыл глаза. Под левым глазом он чувствовал какую-то странную шероховатость.

"Осколок... Это все чертов осколок..."

На краю его постели сидел лейтенант Солверсон. Бриджес чуть не рассмеялся — начальник выглядел очень нелепо в белом халате, накинутом поверх полицейской формы. Бриджес заметил, что лейтенант очень бледен, но при этом улыбается.

— Не... я... — выдохнул Бриджес. Каждое слово давалось с трудом. — Он.

Улыбка лейтенанта не исчезла, но стала совсем натянутой.

— Он... — Солверсон знал, о ком речь. — Да, Райан, он тоже жив. Потерял много крови, но сейчас жив. Двое наших дежурят возле его палаты день и ночь. Рукой он пристегнут к поручню кровати, так что не волнуйся: он не сбежит.

Бриджес сделал глубокий вдох. Воздух обжег горло и легкие, но это была приятная боль.

— Я совершил ошибку. — он попытался сесть, но лейтенант тут же уложил его обратно. Краем глаза Бриджес заметил повязку на своей руке. — Я не должен был отправляться туда... вот так. Я подверг опасности офицера Уолтона...

— Офицер Уолтон отлично справился. — ответил лейтенант. — И ты тоже. Ты поймал убийцу, Бриджес. Ты понимаешь? Ты поймал этого гада.

Его голос звенел от гордости, и Бриджесу, видимо, тоже стоило бы гордиться... Но он не мог. Пустота вернулась в его душу, еще более глубокая, черная и холодная, чем прежде. Пустота высушила сердце и отравила разум и единственное, чего он хотел — это забыться сном.

Лейтенант указал на столик рядом с постелью. С огромным трудом Бриджес повернул туда голову. Помимо стакана воды и каких-то таблеток, там лежали не меньше двух десятков открыток, несколько букетов цветов и различные сладости.

— Тебя любят, Райан. Офицер Уолтон вообще прислал бутылку шампанского, но ее изъяли врачи.

Бриджес отвернулся к окну. Там, за пределами больничных стен, вновь светило яркое солнце. Бриджесу хотелось, чтобы оно погасло. Вечная ночь — вот что его сейчас устроило бы.

— С людьми постоянно случается всякое дерьмо. — словно прочитав его мысли, сказал лейтенант. Глядя на него, Бриджес вновь подумал о том, каким же чертовски усталым и несчастным выглядит его начальник. — Все время, каждый день. Слышал притчу о двух лягушках, упавших в молоко? Одна смирилась с неизбежным и тут же пошла ко дну, а вторая боролась, билась, как сумасшедшая, так отчаянно, что превратила молоко в сметану, и

выбралась. Ты — вторая лягушка, Райан. Всегда был ею.

Бриджес ощутил легкую дурноту от этой истории, к горлу подкатил комок. "Сара Эллисон тоже боролась отчаянно. — подумал он. — Но ей это не помогло."

Лейтенант слегка похлопал его по плечу.

— Выздоровливай, Райан. Врачи говорят, с тобой все будет отлично.

Он ушел, а Бриджес вскоре погрузился в мучительное сновидение, где вновь и вновь видел руки в белых перчатках. Эти руки давили его, опуская на дно, а воздуха в груди становилось все меньше, меньше, меньше...

Его выписали через четыре дня, Бриджес сам настоял на этом. Ему наложили новые швы и прописали какие-то таблетки и посоветовали пока не снимать повязку с поврежденной руки. Он содрал ее, едва выйдя из здания больницы, и кинул окровавленный, пропитанный вонючими лекарствами бинт в мусорный контейнер. Рана оказалась не такая глубокая — не сквозная, и на том спасибо. Тем не менее, Бриджес пока еще чувствовал боль, сжимая ее в кулак.

До дома ему пришлось добираться на такси. Сесть в желтый автомобиль оказалось непросто, но Бриджес все-таки переборол себя. Всю дорогу до дома он украдкой поглядывал на таксиста, пожилого мужчину с седеющими волосами, и гадал, был ли знаком этот человек с Лиамом Соренсом.

На пороге дома его ожидала посылка.

Бриджес разглядывал ее, присев на корточки и не обращая внимания на боль в коленях, почти пять минут, прежде чем решился взять в руки. В верхней части было написано лишь имя получателя, а вот отправитель указан не был. Возможно он, кем бы он ни был, сам принес ее сюда, пока Бриджес находился в больнице.

Тиканья он не слышал. Держа небольшую коробку подмышкой, Бриджес, вошел в дом и пинком захлопнул дверь.

Ему хотелось умыться и как следует поспать, но он не мог сделать это, не открыв коробку. Она была хорошо запечатана, надежно обмотана скотчем и ему пришлось вооружиться острым ножом, чтобы открыть ее. Почему-то он был уверен, что это какой-то мерзкий подарок от убийцы, который, пусть и сам лежал в больнице, под круглосуточным наблюдением полиции, нашел-таки способ доставить его детективу.

Однако внутри не обнаружилось никакой гадости, по крайней мере, на первый взгляд: лишь письмо и маленькая картонная коробочка, которую Бриджес открыл с величайшей осторожностью. Внутри находился всего один предмет — крохотная карта памяти.

"И что же я на ней увижу?"

Он вскрыл письмо. Оно не было рукописным, его напечатали, и Бриджес сразу же понял, что подписи внизу можно не ждать.

"Дорогой детектив Бриджес! Данное послание по изначальной задумке мистера Коэна должно было быть доставлено в кабинет начальника полиции, однако жизнь, как это часто бывает, внесла свои коррективы. Я решил, что будет справедливо предоставить вам такое право: вы можете решить, должно ли оно пойти "дальше", должно ли то, что записано на этой флэш-карте, стать достоянием гласности, или же вы заберете эту тайну с собой в могилу."

Бриджес вновь бросил короткий взгляд на карточку.

"Мистер Коэн отдал приказ доставить это послание в полицию в случае его насильственной смерти — которая, как вы знаете, и наступила недавно. Однако

обстоятельства этой смерти вынудили меня поступить так, как я поступил. И мне кажется, мистер Коэн не осудил бы меня за это.

Та запись, которую вы обнаружите на флэш-карте, не должна была стать предметом шантажа, однако мистер Коэн, как это ему свойственно, старался продумывать все свои шаги, и даже предугадывать чужие. Таким образом он надеялся всего лишь обезопасить себя..."

Бриджес знал, кто написал это письмо. Тот, с кем он работает бок о бок не один год. Тот, кому все они доверяли и доверяют. Тот, кто должен был понимать, как сильно он подставляется, нарушая приказ своего хозяина.

"Джорджа Коэна и Стивена Фергюсона связывает общее прошлое, детектив Бриджес, и прошлое это запятнано кровью. Я не могу раскрывать подробности, потому что не уверен, что имею на это право. Хотел бы сам детектив Фергюсон, чтобы я поведал вам эту историю? Этого мы уже не узнаем. Но я думаю, проявив известную настойчивость, вы сможете узнать все самостоятельно. Во время своей первой встречи мистер Коэн и детектив Фергюсон заключили некий договор, подробности которого вы узнаете, прослушав запись. Детектив Фергюсон был не до конца честен с мистером Коэном и собирался вести свою игру, однако печальная история Сары Эллисон спутала все карты и привела к тому грустному финалу, свидетелями которого мы стали. Скажу вам лишь одно: детектив Фергюсон не был плохим человеком. Он не был предателем и не был преступником, но его подвела ярость, затуманившая разум. Не впадайте в ярость и вы, детектив Бриджес. Прощайте. P.S. Мне пришлось изъять и уничтожить одну улику, мобильный телефон мистера Коэна, вскоре после его смерти, ибо там содержалась копия того, что вы сейчас обнаружите на флэш-карте. Больше копий нет, детектив Бриджес. Есть только оригинал, и вы вольны делать с ним, что хотите."

Бриджес сложил письмо и откинулся на спинку дивана. Интересно... Еще недавно, узнав личность того самого стукача, что сливает всю информацию Коэну, Бриджес сорвался бы с места и уже через десять минут сидел бы в кабинете начальника полиции. Но не сейчас.

Он вспоминал окровавленные перчатки, найденные в доме, который служил наблюдательным пунктом людям Родригеса... Перчатки, которые нашел офицер Кингсли... Вспоминал, с каким ужасов Кингсли смотрел на мертвого Сэма Картера.

"Детектив Бриджес! — окликает офицер Кингсли детектива, который чуть в него не врезался. — У меня послание. От детектива Фергюсона. Он сказал, что сегодня вечером не сможет присутствовать на выступлении..."

— Не было никакого послания. — прошептал Бриджес, глядя прямо перед собой. — Он ничего мне не передавал. Ты просто знал об их встрече. Ты знал, вот и все.

"Он объяснил причину?"

"Нет, сэр. Сказал только, что это очень важно."

О да. Наверняка это было очень важно.

Бриджес подходит к машине, лобовое стекло которой потрескалось от пуль, а внутри сидят два трупа. Потом он видит лейтенанта Солверсона и офицера Кингсли.

"Офицер Кингсли приехал первым. — говорит лейтенант. — Поступило сообщение о стрельбе на парковке и он вызвался проверить, в чем дело."

— Они позвонили прямо тебе. — прошептал Бриджес, сжимая в руке письмо.

"Мне пришлось изъять и уничтожить одну улику..."

Прежде, чем вставить флэшку в компьютер, Бриджес налил себе виски. Подумав

немного, взял с собой всю бутылку, и уже тогда вернулся за стол.

На карте оказалась всего одна аудиозапись. Сделав большой глоток, Бриджес нажал "воспроизведение".

Неделю спустя доктора пришли к выводу, что Лиам Соренс уже достаточно окреп для допроса.

Бриджес знал, что ему необязательно нести в допросную папку, содержащую фотографии, кадры из видеозаписей и прочие документы, указывающие на его, Соренса вину — в конце концов, он сам во всем признался, напав на детектива. И все же папка легла на стол перед Бриджесом, а сам он сел напротив убийцы и впился в него внимательным взглядом.

Арестантскую форму на Соренса пока не надели. На нем была просторная синяя футболка и черные брюки, одну руку приковали к железному обручу в столе, а вторую он вытянул вперед и постукивал пальцами. Его побрили и позволили умыться. Он был симпатичным человеком, ничем не примечательным... не считая глаз. В его серых глазах поблескивал лед.

— Кажется, в прошлый раз мы с вами не очень удачно поговорили. — заметил Бриджес.

— Как ваша рука, детектив?

— Уже лучше, спасибо. К счастью, кости целы, лишь мышцы слегка потрепаны. А как ваше ранение?

— Побаливает пока. Особенно ночами. Но мне это особо не мешает, знаете ли. Я всегда сплю, как младенец.

"Я убиваю людей и спокойно сплю по ночам. — явно имел в виду он. — А как насчет вас, детектив? Вы хорошо спите?"

Бриджес бросил короткий взгляд на зеркало, которое, как он знал, таковым не являлось. С той стороны стоял лейтенант, наблюдал и ловил каждое слово.

"Боится, что я сорвусь и прикончу его прямо тут. — подумал Бриджес. — Но я никогда этого не сделаю. Это было бы слишком... просто."

— Помнится, я задал вам вопрос. — напомнил Бриджес. — Уж теперь-то вы готовы на него ответить? Под рукой нет еще одного стакана. А если вам его и принесут, не сомневайтесь, он будет пластиковый.

— Я бы выпустил вам кишки и пластиковым стаканом. — с улыбкой сказал Соренс. — Однако... Однако я не люблю выпускать кишки. Я не люблю раны и кровь. Они выглядят ужасно неэстетично.

— Другое дело — Сара. Она выглядела эстетично, не так ли?

— О да. Она была совершенством. Вы спрашиваете, рассказал ли я дочери о том, как совершил убийство? Нет, не рассказал. Я всю жизнь ищу того, кто понял бы меня. Того, кто не стал бы осуждать, кто разделил бы мою страсть.

— Не наши?

— Нет. И вы тоже не поймете меня. Никто не поймет. Смертные никогда не понимают божественного замысла.

— Божественного? — удивился Бриджес. — Так вот кем вы себя ощущаете? Богом? Вершителем судеб?

— В древнегреческой мифологии говорится о трех мойрах, богинях судьбы. Первая, Клото, прядет нить жизни. Вторая, Лахесис, определяет судьбу. Третья, Атропос, перерезает нить. Последняя меня всегда особенно вдохновляла. Какая разница, как извернется эта нить,

если в конце ее ждут безжалостные лезвия ножниц?

— И вы решили взять эти ножницы в свои руки?

— Вы никогда не поймете. — фыркнул Соренс. — Мне порой кажется, что и я сам себя не понимаю. Иногда я начинаю сомневаться: правильно ли я делаю? Не монстр ли я в человеческом облике? Но потом я вновь чувствую в руках эту нить. И нет ничего более прекрасного, чем оборвать ее.

Бриджес выложил перед ним фотографию мертвой Сары Эллисон, лежащей в наполненной водой ванне.

— Вы выбрали утопление, потому что утопленник не имеет видимых повреждений? Потому что поначалу он и не похож на мертвеца, верно?

— И да, и нет. Нарушения внешних тканей, тем более такие, что могут привести к смерти, бросаются в глаза. Я не могу сосредоточиться на красоте неподвижного шедевра, когда вижу кровь и раны. Это словно грубая недоделка на безупречной, в остальном, скульптуре.

— Вы некрофил? Мертвые тела вызывают у вас сексуальное возбуждение?

— Нет. Это осквернение и преступление. Мерзкая, глупая, уродливая старуха-жизнь не должна вмешиваться во владения юной и прекрасной смерти. Тем более таким грубым, непристойным образом.

Он говорил об этом с отвращением. "По крайней мере, — подумал Бриджес. — он действительно верит в то, о чем говорит. Не пытается всего лишь шокировать или смутить меня."

— А зачем вы следили за ней? — спросил детектив, решив вернуться к более приземленным и понятным вещам. — Это что, тоже своего рода ритуал?

— О да... — Соренс улыбнулся, обнажив белые, ровные зубы. — Мне это нравится. Я изучаю их... Я всегда так делаю. Помните, я привел сравнение с мойрами? Мне всегда интересно, как движется нить, которую направила ко мне Лахесис. Мне хочется знать, как они живут, чем увлекаются, куда ходят... И наблюдая за ними, я всякий раз убеждаюсь в том, что мои ножницы для каждой из них будут не проклятием, не карой, а прекраснейшей наградой. Там, куда они уйдут, их встретит покой и благодать. Там, куда они уйдут, они будут счастливы. И они будут с благодарностью и трепетом вспоминать Атропоса, который подарил им эту радость.

— Они. Они. — повторил Бриджес, словно пробуя слово на вкус. На самом деле мурашки уже бегали по его телу. Безумие он видел в серых глазах Лиама Соренса, но какая-то часть его сознания, а может и подсознания, все же сомневалась: а так ли он безумен? И не безумен ли часом он сам? — Вы говорите во множественном числе. Сара была не первой вашей жертвой?

— Ну разумеется нет. — в голосе Соренса появилось раздражение. Должно быть, ему казалось, что он вынужден объяснять простые истины маленькому и очень глупому ребенку. — Однако Сара стала первой, с кем у меня вышла такая заминка... уже после ее смерти.

Бриджес внутренне напрягся. Наконец-то они подходили к самой сути.

— Вы говорите об убийстве Скотта Радона и Ричарда Кроу?

— Я не знаю их имен. — раздражения стало больше. — Но зато я знаю, что они сильно мне помешали. Обычно я люблю сидеть рядом телами тех, чью нить перерезал. Час, пару часов... Они прекрасны. Смерть освобождает их и дарит подлинную красоту, какую никогда

не подарила бы жизнь. Жаль, что красота эта столь недолговечна.

— Скольких вы убили, Лиам?

— Я не стану помогать вам, детектив. Я расскажу все тому, кто понимает меня... или унесу этот рассказ в могилу. Впрочем, земля, может, и не примет меня. Боги ведь не умирают.

Бриджес улыбнулся. Вполне возможно, лейтенанту Солверсону показалось бы, что его подчиненный смахивает сейчас на безумца даже больше, чем сам Соренс.

— Я хотел бы быть с вами рядом в тот час, Лиам. В час, когда вы поймете, что ошиблись. В час, когда вашу собственную нить перережут — и не ножницами, а ржавым скальпелем. Я бы хотел увидеть это понимание в ваших глазах. Осознание того, что все кончено. Да... Я бы посмотрел на это.

Лицо Соренса стало застывшей маской ярости. Бриджес заметил, как его взгляд метнулся к цепи, которая удерживала его на месте, и улыбнулся еще шире.

— Хотите, чтобы вас поняли? Я попробую. Расскажите мне. Расскажите мне все о той ночи.

Еще несколько мгновений Лиам Соренс молчал и от его злобы, кажется, искрился воздух. Но потом он вдруг расслабился и откинулся на спинку жесткого стула.

...он наблюдает за ней в салонное зеркало, украдкой, чтобы не испугать...

Один раз они все же встречаются взглядами и она поспешно отводит глаза, по-прежнему не говоря ни слова. Ресторан, возле которого он ее ждал, остался далеко позади. В какой-то момент ему кажется, что тот человек преследует их — он запрыгнул в свою большую черную машину и как-будто бы отправился за ними, но потом машина исчезает из поля зрения. Все нормально.

Он спокоен. Он всегда спокоен, когда знает, что время пришло. Все волнения позади. Он следил за ней, наблюдал за ее жизнью, но теперь эта нить оказалась в его руках. Он знает, как с ней поступить. Его ножницы остро заточены, но не запачканы кровью. Она даже не испугается, когда увидит их.

Они едут по ночному городу. Мимо проносятся другие машины, но уже довольно мало в этот поздний час. Мелкий дождь стучит по стеклу, но он не включает "дворники". Воды не так много, чтобы она мешала видеть. Желтый свет фар отражается бликами на мокром асфальте и кажется, будто кто-то разлил по земле жидкое золото.

Сегодня она заставила его поволноваться. В том треклятом кафе, где она встретила с идиотом, которого называла своим братом. Этот дурак накинулся на нее и чуть не сделал всю работу за него. Его нервы не выдержали и он даже обернулся, рискуя быть замеченным камерой. Он знал, где находятся камеры, и избегал их. Он знал также, что это совершенно лишняя мера предосторожности — никто не обратит на него внимания, не вспомнит о нем. Он неприметен и почти способен просачиваться сквозь стены.

Кажется, он до сих пор видит смутные следы на ее шее. Брат едва не придушил ее. Эта девушка несчастна. Ее зовут Сара, ей всего двадцать, но она так глубоко несчастна. Он сам несчастен, когда видит ее грустные глаза. Как хорошо, что скоро грусть уйдет из них. Какими прекрасными они тогда станут.

О чем она думает сейчас? Сознает ли, насколько ужасны и глупы ее чувства? Ее и всех остальных, каждого человеческого существа, неспособного осознать весь ужас догробной жизни. Он расскажет ей обо всем, она все узнает. Поначалу она испугается, но потом, когда она поймет, что все вот-вот закончится, она обрадуется. Она будет счастлива, она будет благодарна. Они все благодарны в самый последний миг, только высказать этого уже не могут. В тот миг, когда кислород перестает поступать в их мозг, и их разум — настоящий разум, а не этот серый кусок дерьма — наконец-то высвобождается, они будто прозревают.

Ночное путешествие подходит к концу. Он уже видит ее дом, видит далеко не в первый раз, только она этого не знает. Машина останавливается, Сара выходит из нее. Он слышит цокот ее высоких каблуков. Потом она встает у его окна и дает ему деньги, и в этот момент он вдыхает запах ее духов. Приятный запах, даже очень, духи наверняка дорогие, но они сейчас не вызывают у него никакого возбуждения.

— Спасибо. — коротко говорит она и, поправив маленькую сумку на плече, направляется к дому.

Он думает о цепочке, висящей на ее шее. Красивая вещь, он обязательно заберет ее. Эта вещица запомнила запах ее кожи и стук ее сердца. Он тоже навсегда запомнит ее сердце... эту благословенную тишину в ее груди, когда все закончится.

Сара уходит, а он едет дальше, совсем чуть-чуть. Он прекрасно знает что там, впереди,

находится магазинчик, над дверью которого висит камера. Ему достаточно проехать вперед немного, всего несколько метров, остановиться возле лужайки соседнего дома, чтобы не попасть в поле ее зрения.

Он вновь останавливается и ждет. Нужно собраться с мыслями. Нет, не так — нужно выкинуть их все. Нужно сделать разум таким, как он становится у них — за миг до смерти. Он умеет делать это. Он почти чувствует, как все ненужное, словно шелуха, отлетает от него, и остается лишь самое главное. Он смотрит в зеркало заднего вида, наблюдает за ее домом, где зажегся свет. Время идет, он знает это, но на самом деле оно застыло. Сейчас есть только двое — он и она. Все остальное сгинуло, будто кто-то нажал на выключатель. Весь мир замер, страстно ожидая его выхода. Момента, когда бог выйдет из машины.

Все тихо и спокойно. Никто не прервет его теперь. Он глушит мотор, огни гаснут, он надевает перчатки и выходит, он движется вначале по тротуару, но потом приходится пройти по лужайке. Он идет осторожно, почти на цыпочках, чтобы не оставить четких следов на влажной земле. Он сворачивает на дорожку, ведущую к крыльцу, поднимается по ступенькам и нажимает кнопку звонка.

Мелодичная трель разносится по дому, она улаживает слух. Мерзкого громкого трезвона он бы не выдержал, это было бы как грубый мазок на прекрасной картине. Он слышит шаги.

— Кто там? — спрашивает Сара. Конечно же, она осторожна. Она не будет открывать дверь незнакомцу посреди ночи. Но ему она откроет, ведь он всего лишь...

— Таксист. — говорит он спокойным голосом. — Вы оставили кое-что в моей машине.

Она молчит некоторое время. Он почти видит, как она оглядывается, пытаясь понять, что же она могла забыть. Но она все равно открывает.

Ключ поворачивается в замке, дверь открывается. Девушка одета лишь в легкий халат и тапочки на босу ногу.

— Кажется, все на месте. — говорит она и ему кажется, что в этот миг она что-то понимает. Но уже слишком поздно.

— Аромат ваших духов. — говорит он с мягкой, почти что робкой улыбкой. А потом бросается вперед, молниеносно, как кобра.

Она сопротивляется и шипит, как разъяренная кошка, но он почти не чувствует этого. Но зато он ощущает другое: ее жизнь. Отныне она в его руках.

Сара пытается дотянуться до какой-то статуэтки, может, надеется использовать, ее как оружие. Он смеется над этими отчаянными попытками и лишь сильнее прижимает ее к полу. Его руки смыкаются на ее шее, но тут он слышит какой-то посторонний звук и поворачивает голову. Дверь ванной комнаты открыта и там шумит вода. Потом он вновь смотрит на ее халат.

"Она собиралась принять ванну. — понимает он. — И она примет ванну."

Он хватается за волосы и тащит за собой. Обставлена комната минимально и его это радует, он не спотыкается, ему не приходится обходить препятствия, а Сара, которую он тянет по полу, будто мешок, не сшибает все на своем пути. Только кричит, но и крики ее вот-вот затухнут.

Он подтаскивает ее к узкому дверному проему ванной комнаты и почти запикивает внутрь, но она упирается ногами. Руками она пытается бить по его рукам, потом старается расцарапать его, но ногти ее коротки, а пальцы скользят по гладкой поверхности перчаток.

— Тише. — шепчет он. — Сейчас все закончится.

Он тащит ее к самой ванне, а потом довольно неловко хватается за талию. В этот момент

она бьет его коленом в пах и он едва не выпускает ее, пораженный болью, но в конце концов эта боль лишь прибавляет ему сил, ему удается поднять ее на руки, почти как невесту, а затем бросить в ванну, которая уже почти заполнилась. Он выключает кран, чтобы шум воды не мешал насладиться моментом.

Сара, уже совершенно голая — халат слез с нее, пока он тащил ее по полу — пытается выбраться, но он хватается за плечи и опускает в воду, полностью, с головой. Вода, вытесненная объемом ее тела, выливается через край и лишь каким-то чудом не попадает на его ботинки.

Девушка зажмуривается и слепо шевелит руками, она хватается за его запястья, пытается разжать его пальцы. От ее движений по воде ходит слишком сильная рябь и он почти не видит ее лицо — волны разбивают и искажают его. Вдобавок ко всему, свет лампы плавает в воде ярким раздражающим желтым шаром.

Она принимается сучить ногами и выгибается всем телом. Он поражен ее силой и настойчивостью. Ее черные волосы движутся, будто причудливые водяные змеи. Руки начинают уставать — Сара продолжает бороться. Одна его рука нажимает на ее грудь, вторая давит на плечо. Сара пытается освободиться от первой, старается отодрать ее и все так же бьется, бьется, как безумная, но его это нисколько не злит. Она просто не знает, не понимает, что сражаться-то ей не за что.

Наконец он замечает пузыри — она больше не может задерживать дыхание, воздух выходит из ее рта и носа, глаза открываются и он встречается с ней взглядом. Понимает ли она сейчас, какой великий дар он ей преподнес? Он надеется, что понимает... но она продолжает сопротивляться, двигаясь в воде всем телом. Их глаза, разделенные толщей воды, устремлены внутрь друг на друга. Ни один человек никогда не познавал другого так, как они познают сейчас. Это действительно божественно.

Пузырей становится все больше, а ее движения — все отчаяннее. Он смутно видит полукружья ее грудей, думает о том, как бьется сейчас ее сердце... бедное глупое сердечко, еще не понимающее, что все было напрасно, каждый его удар был напрасен...

Ее руки, до сих пор крепко сжимавшие его собственную, слабеют. Глаза теряют ясность и закрываются, она перестает бить по воде ногами. Из открытого рта выходит последняя, совсем маленькая, стайка пузырьков, которые быстро лопаются один за другим. Желтый шар света качается влево, вправо, снова влево — и успокаивается вместе с застывшей водой.

Он отходит на шаг, любуясь своим шедевром. Все произведения искусства, вместе взятые, не сравнятся с этим творением. Ему хочется плакать от счастья и восхищения.

Он склоняется над ней и осторожно приподнимает, усаживает ее в ванне. Вода вновь приходит в движение, черные волосы шевелятся, снова вызывая ассоциации со змеями, но они скоро замрут, как и сама девушка.

Сара будто спит, а снится ей самое прекрасное место — не на этом свете, и не на следующем, на всех разом. Ее лицо так спокойно, мышцы расслаблены... как же она красива! Смерть подарила ей подлинную красоту, смерть сделала ее совершенством.

"Я.- думает он. — Я сделал совершенство."

Невольно он задумывается о том, что будет дальше. О, это печальные мысли и в этот момент стоит гнать их прочь, но они слишком настырны. Он думает о том, как она изменится, какие ужасные вещи ожидают ее впереди, но разве даже одно краткое мгновение величайшего счастья не стоит всех, самых невообразимых, самых чудовищных ужасов? Другие увидят ее, изуродованной фальшивыми красками, призванными скрыть начавшийся

процесс разложения, с аккуратно уложенными волосами. Она будет лежать в гробу, потом крышка захлопнется, зазвенят цепи, посыпятся первые комья земли. Он всего этого не увидит. Он видит ее такой, какая она сейчас, а сейчас она — само совершенство.

Как всегда, приходят и другие мысли, еще более приземленные. Не наследил ли он где-то? Не оставил ли непростительных улик? Это нормально, он испытывал это и раньше, но все равно он останавливается у зеркала и осматривает себя. Одежда слегка забрызгана водой, но в остальном все нормально. Никаких следов, никаких царапин. Под ее ногтями тоже ничего не осталось, а если и осталось, вода обо всем позаботится.

Он хочет принести стул и посидеть тут хотя бы час, любуясь на творение рук своих, но звук, доносящийся с улицы, заставляет его замереть и напрячь слух. Нет, не может быть...

К дому подъехала машина.

Паника захлестывает его, накрывает с головой, но он быстро справляется с приступом. Бросив последний, ужасающе короткий, взгляд на Сару Эллисон, обретшую наконец свое счастье и свой дом, он покидает ванную и подходит к окну.

Возле дома стоит черный автомобиль, кажется, тот самый, что он видел возле ресторана. Тот надоедливый парень все же приперся... Нужно что-то с этим делать.

Он озирается по сторонам. Вот маленькая кухонька, тут можно найти что-то... Он открывает стол, хватает один из многочисленных похожих друг на друга ножей и быстро возвращается в гостиную. Сейчас он понимает, что забыл закрыть дверь ванной, но теперь уже слишком поздно. Он открывает дверцы шкафа, откуда, как ему кажется, будет удобно наблюдать за происходящим, обнаруживает, что он совершенно пуст и забирается внутрь. Мгновение спустя входная дверь открывается.

— Я же тысячу раз говорил тебе, — произносит вошедший мужчина в кожаной куртке. — запирать дверь.

Мужчина молод, слегка небрит и очень взволнован. Незнакомец замечает валяющийся на полу халат, хмурится, но пока еще не смотрит в сторону ванной.

— Я подумал обо всем, что ты сказала. — говорит мужчина. — Коэна обдурить нелегко, ты должна понимать это. Но я думаю, я смогу достать кое-какие деньги. Те десять тысяч нам пригодятся, когда все уже будет готово. А до той поры пусть хранятся в банке.

Он не решается высунуть нос из шкафа и напасть на незнакомца. Он не знает, чего от него ждать. Мужчина говорит о каких-то странных вещах. Может, эти двое замыслили какое-то преступление?

— Я поеду с тобой. — говорит мужчина и наконец-то делает несколько шагов в сторону ванной. — Ты слышишь? Мы вместе уедем отсюда, от всего этого дерьма. Почему ты молчишь?

Тут мужчина наконец-то замечает ее. Из узкой щели, через которую приходится наблюдать за происходящим, он видит, как кровь приливает к лицу незнакомца.

— Сара? Почему ты молчишь?

Еще шаг в сторону ванной.

— Сара? Сара!

Тут незнакомец понимает, что что-то не так. Мужчина почти исчезает из поля зрения. Кажется, мужчина хватается за ее руки и смотрит на них, а потом они с плеском падают обратно в воду.

"Безмозглый идиот. Думаешь, если бы она порезала себе вены, вода была бы прозрачной?"

— Сара! Сара!

От его криков начинает болеть голова. Хочется подойти сзади и прямо сейчас свернуть ему шею.

— Сара! Сара, нет! — мужчина пытается вытащить ее из воды, но девушка выскальзывает. — Сара, черт побери! Что ты сделала?

"Что сделала она? — этот вопрос возмутителен. — Она ничего не сделала! С каких пор скульптура лепит себя сама, с каких пор картина сама себя пишет?!"

Мужчина тянет Сару за подмышки, пытаясь вытащить из воды. А он, сидя в шкафу, так увлечен этим зрелищем, что не сразу замечает еще одного человека, появившегося будто из ниоткуда. Этот человек тоже одет в черную куртку, брюки у него темные и замызганные какой-то грязью, видимо, наступил в лужу, а короткие светлые волосы зачесаны назад. Человек вытаскивает пистолет и направляет его на другого мужчину, который по прежнему возится с телом Сары.

— Скотт!

Мужчина поднимает голову и смотрит на него не в изумлении, будто не удивлен вовсе его появлением, но с мольбой.

— Ричи, помоги мне. Она не дышит!

— Чего? — тот, кого звали Ричи, кажется, чуть не роняет пистолет. На лице парня застывает ужас. — Ты чего мелешь, мать твою?

— Она не дышит! — пыхтит первый мужчина, будто не замечая направленного на него оружия. — Помоги мне вытащить ее, давай отнесем ее в спальню, Ричи...

— Ты чего сделал с ней? — взвизгивает Ричи. — Какого хрена, Скотт? Ты грохнул девку босса?

— Да нет же! — стонет Скотт и выпускает наконец Сару. — Я прихожу, а она тут...

— Теперь я понимаю, о чем говорил Фред. — произносит Ричи со странной смесью ужаса и радости. — Ты реально больной, Скотт. Отойди от нее, и без глупостей!

— Ричи, да что с тобой? Опустит пистолет! — Скотт делает шаг вперед, а Ричи отступает, пистолет в его руке трясется пуще прежнего.

— Не подходи, мать твою!

Но Скотт не слушает. Кажется, он не воспринимает угрозы всерьез и явно собирается выйти из ванной.

Грохот выстрела в маленьком доме похож на взрыв гранаты. В ушах еще долго стоит звон, а в нос бьет запах пороха — дошел даже до укрытия, где он прячется.

Тело Скотта с неприятным стуком валится на выложенный плиткой пол ванной комнаты. Он успевает заметить красное пятно на его животе и морщится. Он ненавидит кровь, просто терпеть ее не может. Она не вызывает в нем страха, но он испытывает к ней глубочайшее отвращение.

Ричи опускает пистолет. Лицо его напоминает картину "Крик" Эдварда Мунка. Кажется, ноги едва держат его.

Он не решается выбраться из шкафа, тем более теперь, когда в доме находится человек с пистолетом. Нужно сидеть тихо и выжидать удобного момента... но когда он наступит? Не заметит ли кто его машину подозрительно близко от места, которое уже завтра с утра назовут местом преступления?

Ричи, кажется, находится на грани слез. Растерянно оглядывается, будто надеясь, что откуда-нибудь из под стола выскочит клоун с криком "Сюрприз!" и объявит, что все это

розыгрыш. Наконец Ричи делает неуверенные шаги. Ноги едва держат его, бедняга шатается, словно пьяный, явно еще не до конца осознавая, что натворил.

Ричи медленно и осторожно, словно столетний старик, садится на кресло, прямо позади которого и находится шкаф, где прячется он.

Он теперь видит лишь шею Ричи и его жидкие светлые волосы. Парень наклоняет голову и начинает бить себя по голове кулаком, при этом что-то шипит себе под нос и всхлипывает. Это самоистязание продолжается несколько минут.

"Пора."

Времени прошло слишком много, надежды ускользнуть из дома незамеченным растаяли. Нужно действовать. Он крепче сжимает в кулаке рукоятку ножа и тихо-тихо открывает дверцу шкафа.

Дверца скрипит, но Ричи не слышит этого. Ричи все еще хнычет и бормочет что-то себе под нос. Для этого ничтожества смерть будет подлинным избавлением.

Всего какой-то метр, но какой длинный. Он идет на цыпочках, глядя себе под ноги, но при этом наблюдая и за Ричи. Тот так и держит в руке пистолет, видимо, даже не замечая этого.

Вот голова Ричи уже совсем близко. Он протягивает руку и может дотронуться до его волос. Смутно улыбаясь, он хватается их, сжимает в кулаке и тянет на себя.

Ричи вскрикивает и долю секунды смотрит ему в глаза. Кажется, в них Ричи видит свою судьбу и начинает кричать еще громче, судорожно пытаясь вырваться.

Он проводит лезвием ножа по его открытому, мягкому горлу. Нож заточен хорошо, он режет кожу, словно масло. Брызжет кровь, ее металлический запах бьет в ноздри, вызывая тошноту.

Он не успевает довести дело до конца — Ричи вырывается. Рана, хоть и не слишком длинная, однобокая, но ее достаточно — кровь льется упругой струей, заливая пол и кресло, отдельные капли попадают и на ковер.

Отойдя подальше, он с отвращением наблюдает за конвульсиями Ричи. О пистолете в своей руке глупец и не вспоминает, более того, ослабевшие пальцы роняют его, лишь чтобы тут же попытаться зажать рану на горле. Кровь льется долгим и сильным потоком, ее становится все больше. Но времени наблюдать за кончиной Ричи у него нет. Он спешит в ванную.

Первый мужчина, которого звали Скотт, лежит все так же неподвижно, кровь уже запачкала белую изначально рубашку, обнаружившуюся под курткой, и та будто поменяла цвет.

Он хватается его за ноги и подтаскивает к себе, затем переступает через тело, берет Скотта за руки почти в области плеча и медленно разворачивает спиной к выходу. Теперь вероятность, что кровь запачкает пол, оставив широкий алый след, минимальна. Правда, большая лужа уже образовалась на полу ванной, но об этом он не беспокоился. Божественный замысел способен любые недостатки сделать достоинствами.

Он подтаскивает тело мужчины, которого звали Скоттом, к спинке кресла. Ричи все еще хрипит, но уже не шевелится — кровь уже гораздо более слабым потоком льется из его горла. Ричи лежит на полу, на животе, с повернутой набок головой и слабо дергает ногой, напоминая спящую собаку.

Он осторожно берет пистолет, валяющийся у ножки кресла, стараясь не испачкаться в крови, и хочет переложить его в руку Ричи, но тут Скотт издает какой-то звук и начинает

вертеть головой, глаза его открыты и полны ужаса и изумления.

Он реагирует мгновенно и решительно — разворачивается кругом, встает у ног "воскресшего" мужчины и нажимает на курок. Прямо в центре лба Скотта образуется круглая красная дымящаяся рана. Скотт навеки замирает.

Он усаживает тело мужчины спиной к спинке кресла, голова мертвеца валится либо вперед, либо на плечо, что бы он ни делал. Плюнув на попытки вернуть ей вертикальное положение, он наклоняется и кладет рядом с правой рукой Скотта окровавленный нож. После этого он обходит по широкой дуге большую кровавую лужу и кладет пистолет не рядом с креслом, куда Ричи уронил его изначально, а возле стоящего напротив дивана. Теперь складывалось впечатление, что оружие просто выпало из ослабевших пальцев Ричи.

Он отходит назад, к двери, почти что любуясь всей этой странной сценой. Кажется, сейчас даже кровь почти не портит картину.

"Это шедевр. — понимает он и по его телу пробегает дрожь. — Это просто совершенство."

Он уходит и быстрым шагом направляется к машине. Кто-нибудь мог услышать выстрелы, нужно поторопиться. Он едет, даже забыв снять перчатки, а перед глазами его вновь возникает Сара. Сара, лежащая в ванной. Сара, ставшая богиней. Сара, которую он осчастливил.

Райан Бриджес стоял, глядя на свое отражение в зеркале.

По его лицу текла вода, он умылся, но полотенца под рукой не было — какой-то умник опять его спер. Бриджес потряс головой, пытаясь стряхнуть не только воду.

Медленно, на негнущихся ногах, он вышел из туалета и вновь двинулся по коридору в сторону заветной комнаты для допросов. У двери его караулил лейтенант.

— Ну как ты?

Бриджес неопределенно передернул плечами.

— Бывало и лучше. Голова побаливает.

— Я о другом.

Детектив невесело рассмеялся.

— Поначалу мне хотелось пустить пулю ему в голову. Потом себе — ибо жить в мире, где есть такие, как он, невыносимо. А потом я понял, что всего лишь хочу в туалет. Не волнуйтесь обо мне, лейтенант.

Бриджес сел напротив Лиамы Соренса, который десять минут назад закончил свой рассказ.

— Ваш дом сейчас обыскивается, мистер Соренс. Каждый дюйм, каждый миллиметр вашего дома. Сколько еще трофеев мы обнаружим, как вы считаете?

Убийца улыбался своей раздражающей голливудской улыбкой, только глаза его напоминали льдинки. Бриджес понимал, что смотрит в глаза монстра.

— Может и обнаружите парочку, господин детектив. А может не парочку. А может не обнаружите.

Бриджес достал несколько фотографий и разложил их веером перед Соренсом. Тот смотрел на них без особого интереса.

— Не знаю этих людей... за исключением вот этого. Он был вашим напарником, верно?

Соренс указывал на фотографию детектива Фергюсона.

— Да, верно. Вы слышали о бабочке, которая машет крыльями и вызывает бурю на другом конце света?

— Слышал. Псевдонаучная бредятина.

— Вы та самая бабочка, Лиам. Все эти люди — хорошие, плохие, даже откровенные негодяи и подонки, погибли благодаря вам. Вы взмахнули своим чертовым крылом. Вот этот старик... Джордж Коэн. Вот этот толстяк, Бобби Роул, владелец того самого магазинчика с камерой над входом. Сэм Картер — отменный негодяй, его закололи ножом в лифте. Эдриан Лопес, виновный лишь в том, что оказался не в том месте и не в то время. И мой напарник. Мой друг. — Бриджес не замечал, как крепчает, наливаясь гневом, его голос. — Детектив Фергюсон. Вы убили всех этих людей, Лиам. Именно вы.

То, что случилось дальше, будто выпало из его памяти. В голове, а может во всем мире, во всей гребаной Вселенной, словно образовалась огромная черная дыра. Время и события куда-то рухнули, а в следующий миг Бриджес видел перед собой окровавленное лицо Лиамы Соренса и ощущал руки троих мужчин, среди которых, кажется, был и лейтенант Солверсон. Они пытались оттащить его, но Бриджес махал окровавленными кулаками, не чувствуя боли в раненой руке, пытаясь нанести новый удар, а потом еще один, и еще, пытаясь превратить это ненавистное лицо в кровавое месиво, в мерзкую кашу из крови, костей и мяса, кашу, за

которой уже нельзя будет увидеть человека.

"Человека?! Я и прежде его не видел."

— Вы так долго шли по зыбким, стынувшим следам чужих желаний, — произнес Соренс, обнажив зубы. Сейчас, когда он был залит кровью, это выглядело особенно жутко. — но при этом оставались глухи к собственным, детектив.

Напоследок Бриджес лишь успел плюнуть в лицо убийце, а потом его, кричащего, рычащего, вырывающегося и царапающегося, вытолкнули за дверь.

Они сидели в коридоре, на диване, предназначенном для посетителей. Бриджес опустил голову, руки его плетями висели между коленями, с костяшек пальцев капала кровь.

— А ведь Стивен сразу раскусил его. — произнес вдруг детектив.

— Что? — встрепенулся, кажется, погруженный в транс лейтенант.

— "Странный тип." Вот как он сказал.

В горле у него встал комок. Говорить о Фергюсоне было тяжело. Перед глазами тут же вставал утопающий в цветах гроб, но в ушах звучал его голос... голос, предательски записанный на диктофон.

— Есть кое-что забавное. — сказал лейтенант Солверсон. — В том, как именно мы на него вышли. Вернее, ты вышел. Родригес помог нам. Если бы не то видео, где видна эта чертова фара, мы бы не стали искать эту машину.

Бриджес не задумывался об этом, да и не хотел. Мысли его путались и блуждали, как неприкаянные. Черная дыра в душе, кажется, с каждым днем расширялась. Вот-вот он весь утонет в ней.

Позже тем же вечером детектив Райан Бриджес лежал в кровати, листая ксерокопии страниц из дневника Сары Эллисон. Вопреки ожиданиям, там не было ничего особенного — уж явно ничего такого, что помогло бы вычислить убийцу раньше. Большинство записей были посвящены либо воспоминаниям Сары, либо ее глубоким личным переживаниям, в которых не было ни имен, ни дат, ни событий.

"Что такое жизнь? — начиналась одна из последних записей. — Лишь череда разочарований, бед, трагедий, развилок и дорог, каждая из которых ведет в никуда? Да... Да, наверное, так оно и есть. Но идя по этой дороге и глядя лишь на безнадежно черный асфальт под ногами, ты не увидишь солнца и не почувствуешь дождя, не вдохнешь аромата цветов и не заметишь тех, кто идет бок о бок с тобой. Я пытаюсь поднять голову и увидеть все это, почувствовать все это. Возможно, сделав это я, увижу вокруг и другие дороги — сотни, тысячи дорог, и увижу, что они не так черны и пустынно, что солнце греет их сильнее... И если мне хватит силы, я сойду со своей, я ступлю на другую и никогда об этом не пожалею."

Бриджес сжимал в кулаке крохотный черный квадратик — карту памяти. Казалось, что он обжигает ладонь.

"И если мне хватит силы..."

Он встал с кровати, положил черный квадратик на пол и со всей силы ударил по нему каблуком.

"...я ступлю на другую..."

Останки карты памяти он выбросил в открытое окно. Ветер подхватил крохотные черные обломки и унес их куда-то вдаль.

"...и никогда об этом не пожалею."

Бриджес нашел в интернете одну из песен, записанных на том музыкальном диске, что Сара планировала взять с собой в Японию, включил ее и отыскал перевод в дневнике. Она

называлась "В Саппоро снег".

Той ночью, впервые за долгое время, детектив Райан Бриджес спал спокойно.

В результате тщательных обысков в доме Лиамы Соренса были найдены вещи, принадлежащие четырем ранее убитым или пропавшим без вести девушкам. На данный момент следствие продолжается, мистер Соренс обвиняется уже в семи убийствах.

Было наконец найдено тайное убежище Ричарда Кроу — заброшенный дом, где он обитал в последние несколько недель, предшествующих печальным событиям. Самой ценной обнаруженной там уликой стал мобильный телефон, в ходе изучения которого было выявлено, что последним собеседником Кроу стал брат Сары Эллисон. Исходя из этого, а также из показаний Соренса и из показаний самого Эллисона, данных еще на первом допросе, мистеру Фреду Эллисону было вынесено обвинение в подготовке убийства Скотта Радона. В ходе досудебной проверки, организованной по инициативе полицейского детектива Райана Бриджеса, были выявлены признаки психического расстройства мистера Эллисона. Сейчас он находится на обследовании.

Человек, подозреваемый в убийстве Стивена Фергюсона и Джорджа Коэна, спустя два месяца был замечен при попытке пересечь границу Мексики. Он привлек внимание неудачными попытками скрыть татуировку на своем лбу, после чего сбежал и сейчас объявлен в розыск в обеих странах.

Проведенная ДНК-экспертиза постановила, что отцом нерожденного ребенка Сары Эллисон должен был стать Скотт Радон.

Детектив Райан Бриджес уволился по собственному желанию через четыре месяца после описанных событий.

Год спустя.

Кажется, сам воздух застыл здесь. Весь мир застыл. Пока еще тонкое снежное покрывало поблескивало в лучах заходящего солнца, крыши домов напоминали огромный пломбир. Машины, словно маленькие цветные жуки, сновали туда-сюда, но они были бесшумны — звуки не долетали сюда.

Вечернее зимнее солнце над японским городом Саппоро в последний раз сверкнуло ослепительным лучом и исчезло за горами и высокими холмами. Бриджеса слегка знобило — кажется, он надел не самую теплую куртку. Тем не менее, он надеялся, что успеет вернуться под крышу до того, как температура опустится еще ниже.

Тут, вдали от города, но почти над ним, стояла удивительная тишина. Бриджес вдыхал морозный воздух, делал очередной шаг, а потом из его рта и носа вырывались облачка пара. Он поднимался все выше, туда, где росло одинокое деревце.

Покрытая снежным одеялом сакура раскинула ветви, будто встречая его. На их тонких кончиках, обращенных на восток, где только что исчезло солнце, еще висели редкие капельки подтаявшего снега. Бриджес остановился рядом с деревом и дотронулся до шершавого ствола. Ему показалось, что одна ветка слегка наклонилась, будто и правда приветствуя его, но скорее всего, это был только легкий порыв ветра.

Бриджес расстегнул куртку и засунул руку во внутренний карман. Там, возле сердца, он хранил единственную вещь. Вытащив ее, он подошел к ветви, до которой мог дотянуться, которая была обращена на восток. Все остальные были слишком высоко, она была такая одна, и будто ждала его все это время.

"Нет, не меня."- подумал Бриджес.

Он поднялся на цыпочки и повесил на тонкую ветвь легкую серебристую цепочку. Вновь подул слабый ветер и крохотный полумесяц качнулся вначале в одну, а затем в другую сторону.

Первая снежинка коснулась лица Бриджеса и застряла в ресницах. Он поднял голову и посмотрел в темнеющее небо, которое сейчас будто бы разом просветлело. В Саппоро шел снег.

КОНЕЦ.

Больше книг на сайте - Knigoed.net